

Виктор ЦОЙ

ЧЕЛОВЕК ИЗ ТЕЛЕВИЗОРА

Annotation

Роман "Человек из телевизора" — это попытка обращения к поэтике попаданства, где маленький человек не пытается опрокинуть Время, но все равно убеждается, что от перемены мест слагаемых сумма меняется

Глава 1

Утром 27 декабря 1999 года Николай Петрович Черников неудачно укусил корку хлеба и у него выпал зуб.

Подгнивший обломок лежал на ладони и был чем-то неприятно притягателен: его хотелось разглядывать и разглядывать. Черников ощупывал почерневший гляцевый зуб с разрыхленной изнутри мягкой пульпой. «Еще один, не хочу к зеркалу идти, посмотреть десны и считать, сколько осталось зубов, — думал он, — смотри, как кариес его достал, а, еще, в общем-то, мог послужить». Черников открыл балкон, выбросил зуб. Морозный воздух взбудрил его и вернул ему детскую предновогоднюю радость, от которой он плохо спал нынче ночью и встал ни свет, ни заря: сегодня он собирался покупать телевизор.

Черников пока не освоил персональный компьютер, хотя уже понаслышке мог озвучить компьютерную лексику конца 20 века: пентиум один, пентиум два... Для него последним словом в аудио-видео технике пока оставался цветной импортный телик с кабельным подключением. Его невыносимо тяготил его старый телеящик — черно белое убожество с черно белым именем «Березка».

Черников собирал деньги на новый телевизор два года. И даже именно с того 98 года, когда за рублём рухнул лей. Это только подхлестнуло его, породнив с одним гоголевским героем.

«Акакий Акакиевич» Черников, одинокий пенсионер, собирал лей к лею, доллар к доллару, чтобы пошить новенький импортный телевизор.

Старый книжник, рывшийся постоянно на книжных развалах, он стал подрабатывать грузчиком на лотках, где продавали советскую литературную макулатуру. Утром и вечером он впрягался в платформенную тележку с грузоподъемностью 400 килограмм. Впрочем, этих денег и пенсии хватало только на жизнь, пока он не продал родительскую двухкомнатную квартиру в самом центре города, и переселился в однокомнатную хрущевку.

Он давно жил один, без семьи, без детей, без карьеры. Давно можно сказать состарился и приготовился к пенсионным будням. Читал книжки, смотрел телевизор, и на журнальном столике возле кресла стояла тарелочка с карамельками.

Дюже независимая Молдова демократического выбора была не его сознательным и душевным выбором. Кондовая "советскость" (слово "совок" — для него было, безусловно, пошлым) оставалась его родимым пятном.

С детства у него были все признаки аневризмы головного мозга: пелена, двоение в глазах, онемение, нарушение чувствительности, приступы рвоты, тошноты, потеря сознания.

После одного курса политеха и двух курсов филфака, которые он не закончил, Черникова устроился в научно-технической библиотеке. С постоянной головной болью (освобожденный от срочной службы), переживший в детстве депортацию 1941 года, Черников не имел никаких амбиций.

В своей жизни он два раза совсем близко подходил к порогу загса, но в последний момент его бросали и, громко будет сказано, предавали, потому что он страдал и радовался, что так все случилось. Больше того — это было сродни катарсису. Облегчение от ответственности. С плеч груз долой и впереди новая глава книги жизни.

Но новой главы не было — его жизнь — серая скучная проза без глав и даже абзацев.

Жена, дети, карьерный рост, выговоры, награды, командировки — прочерк, прочерк,

прочерк...

Впрочем, любая пустота чем-то заполняется. Водка, книги, любовница, телевизор...

В этот светлый четверг, Черников позавтракал — кофе, яичница — надел праздничный и собственно единственный костюм, в котором, как он предполагал — его и похоронят. Он два раза пересчитал деньги, прежде чем переложить их в бумажник, и в хорошем настроении выдвинулся на троллейбусную остановку.

Он ехал покупать японский «Панасоник».

«Панасоник», «Панасоник» — он бредил этим брендом, наизусть помнил рекламный листок, закинутый кем-то в его почтовый ящик, с изображением и описанием «панаса»: «Уважаемые покупатели фирмы Panasonic! Добро пожаловать в семью потребителей продукции фирмы Panasonic. Мы надеемся, что Ваш новый телевизор будет доставлять Вам удовольствие в течение многих лет».

Panasonic TX-29GF85T — вот имя бога!

Доллары Черников обменял на леи в отделении банка, расположенном при магазине. Менеджер по продажам в фирменной красной маячке сначала обрадовался такому богатому покупателю, потом недоумевал, откуда у этого явного низкобюджетного пенсионера (одежда, обувь — все секондхэндовские) — столько денег на «Панасоник». Он с каким-то плохо скрытым и непонятым недовольством открывал, закрывал коробку, громко со всего размаха шлепнул печатью на гарантии. Черников с блаженной улыбкой и не замечал этого недовольства продавца. Ему продолжало везти — телевизор был собран не в Китае, а в Чехии, да к тому же машина и грузчики оказались свободными и готовыми немедленно отвезти покупку. Один из грузчиков пересел в кузов, уступив место для Черникова в кабине, и белый мерседесовский бус ехал по почти белому городу. Падал такой редкий для Кишинева предрождественский снег.

У него ничего не болело. Денег до пенсии должно было хватить. Продукты на праздничные дни он закупил. Т. е. было такое краткосрочное обманчивое успокоение, безмятежность.

31 декабря он проснулся еще в темноте, еще даже дворник не начал мести под окном. Легко встал, приоткрыл окно, и долго стоял, предощущая замедленное время предновогоднего дня. Он пошел выбрасывать мусор, потом сходил в магазин за хлебом, в киоске купил «Известия», «Комсомолку». В почтовом ящике было пусто. Черников давно никому не писал поздравительные открытки. Ему даже звонить особенно некому. Он даже никого не знал во дворе, после того как он переехал из родительского дома, купил однокомнатную хрущевку. Деньги по совету раскидал по двум правильным банкам (спасибо, наверное, его последнему другу Аркашке Сахацкому — еще однокласснику — адвокату, умершему в этом году).

«Вот на кладбище надо сходить»- подумал Черников, но так, конечно, и не сходил.

Программа передач, газета «Известия» за 31 декабря 1999 года:

23:10 "Время". Итоги года.

23:55. Новогоднее обращение Президента России Б.Н.Ельцина.

00:02. Новогодняя ночь 2000 на ОРТ.

04:15. Татьяна Веденеева и Андрей Малахов в программе "С добрым утром, Новый год!"

...Курс валют на 31.12.1999.

1 USD — 11,49979 MDL.

1 EUR — 12,3833 MDL.

Статья: «КОГДА ЖЕ ВСЕ-ТАКИ НАЧНЕТСЯ XXI ВЕК?»

Доктор педагогических наук Е. ЛЕВИТАН: «Казалось бы, правильный ответ пора знать всем: 1 января 2001 года. Именно эту дату ученые многократно сообщали в различных средствах массовой информации и, конечно, в научно-популярных журналах. Несмотря на это, неразбериха продолжается, и многие уверены, что уже 31 декабря 1999 года можно, наконец, торжественно отметить начало XXI века и III тысячелетия».

Глава 2

Во втором часу особенно длинная цепочка хлопков фейерверка разбудили засыпающего Черникова. На обратном пути из туалета он остановился перед включенным телевизором, который вдруг смолк. Вместо праздничной картинкой голубого огонька, с какой-то сверхреальной отчетливостью, транслировалась изображение непонятной поверхности, по всей видимости, пола, и было просто такое впечатление, что вместо экрана в телевизионном ящике возникла дыра. И протянутая рука Черникова действительно не ощутила твердь стекла, а проникла, просунулась, провалилась вовнутрь...

Он пролез через эту дыру, прополз, тем более что по ту сторону телевизор как бы стоял на полу. Это было какое-то огромное помещение без потолка и стен. Спортзал, павильон киностудии? Пустой цех для постройки аэробусов? В метрах двадцати от его телевизора «Панасоник» стоял на полу без ножек еще один телевизор какой-то старой советской марки. Да это был, судя по надписи черно-белый «Рубин» из 70-х годов. Из той породы советских приемников собираемых на разных заводах по одному конструктору, с небольшими выкрутасами по дизайну.

Черников как бы логично включил этот телевизор. Там тоже шел голубой черно-белый огонек. Такое ретро канала «Ностальгия», где пела Зыкина в наступающим 1976. Черников прислушался, присмотрелся и замер перед этим уже знакомым эффектом — вместо экрана, вместо транслируемой картинкой возникла дыра, в какую-то полутемную комнату. По ту сторону экрана был виден интерьер квартирки — неприбранная комната даже без новогодней елки. Пьяный мужик храпел на диване, на столе без натюрморта расположились бутылка водки, огурчики, колбаса, и что-то еще на вид не очень съедобное... Пожилой мужчина спал, похрапывал, и спал так надежно и непробудно, что Черников уверенно полез в телевизор, ввалился на полотняный ковер. В нос ударил запах чужого жилья. Телевизор восстановил трансляцию праздничного концерта. Ведущие улыбались, шутили... Черников крадучись, прокрался к двери, в прихожей споткнулся о табуретку, потом отомкнул дверь. Замок был английский, и Черников заблокировал собачку. Дверь поджал какой-то тряпкой (бархоткой для чистки обуви), и теперь оказавшись в подъезде, спускался вниз, вниз, с четвертого оказывается этажа на первый. И подъезд был не кишиневский, хрущевский, а просторный, сталинской постройки, с отопительными батареями между лестничными пролетами, и потому можно было догадаться, что этот населенный пункт расположен где-то глубоко на востоке, возможно и за Уралом.

Он толкнул подъездную дверь с тугой пружиной и обжегся, глотнув морозного воздуха.

Здесь была зима, так зима. Он стоял в пустынном дворе. И все было так трезво отчетливо, по-настоящему. Спортивная хоккейная площадка с едва расчищенным льдом, и неоновый свет уличных ламп, и снег, снег — слежавшийся давно наступившей зимы.

Он в тапочках дошел до угла дома и даже прокатился по накатанной до черного льда дорожке и поспешил назад.

Он вернулся в подъезд, застрял между 3 и 4 этажами у батареи, и каждый раз вздрагивал, когда на лестничных площадках внизу и вверху открывались двери.

На пятом этаже хлопнула дверь, раздались громкие голоса. Спускались вприпрыжку — две старшеклассницы с коньками в руках и их одноклассник, гремевший по ступеням полозьями уже надетых канадок. Они, наверное, договорились, так встретить новогоднюю

ночь.

Одна из старшекласниц покосилась на Черникова. «Подумаешь — незнакомый стоит старичок, греется. Может быть, приехал в гости, а может, кому-то пришел отпраздновать. Плохо там стало ему от самогона, шампанского. Вот и стоит, правда в странных тапочках и свитере».

Когда внизу за ними шандарахнула дверь в подъезде, Черников тоже начал спускаться и снова вышел на улицу. Он сейчас не торопился и оглядывал все округ. Расположение домов, и в каких окнах горит свет, и какие снеговые кучи там дальше во дворе. Он видел следы от собак и другие протоптанные тропинки, и даже след от ковра, который выбивали перед новым годом.

В середине двора был залит каток. Сейчас он был плохо расчищен, у ледяного бортика валялся металлический щит с рукоятью, и парень поднял этот щит. Попробовал с разбегу скрести лед, чистил его от слежавшегося снега. Девчонки присоединились к товарищу, с двух сторон решили подсобить ему, втроем толкали металлический скребок, и вначале разгон был хорош, и несколько метров преодолели с ветерком лихо, а потом железка споткнулась, и вся компания полетела кувырком, а потом и с хохотом.

«Они смеются, они живые, и я живой стою здесь, а время остановилось, времени больше нет...» — Черников еще подумал, что он, конечно, живой, если ему так холодно.

Он вернулся к подъезду.

Перепрыгивая через две-три ступеньки, забыв про возраст, пенсионер поднялся наверх, прокрался в комнату, но прежде, чем нырнуть в телевизор, Черников удосужился покрутить каналы, дергая хрупкую ручку переключателя, а вторую руку держал, просунув ее в экран. Убедился, что на любом канале при любой вещание или не вещание, он волшебным образом мог пронизывать кинескоп. Он залез в телевизор, стараясь его не сдвинуть, и теперь лежал на полу в этом зале — ангаре — павильоне, потом почувствовал отсутствие оброненного ТАМ тапка. И так анекдотично, наверное, возникла на той стороне экрана (на фоне поющего Лещенко), рука Черникова поднимающую утерянную «вьетнамку».

Самое удивительное (а может и не самое) он обнаружил, что вылез из 1976 года через другой телевизор. Еще один телик Рубин 106 появился в этом пространстве.

С каждой новой походкой в павильоне возникал новый телевизор?

Он подошел к своему «Панасонику». Все было в порядке — обратная дорога была открыта в Кишинёве-2000.

Глава 3

Еще длилась новогодняя ночь миллениума, за окном продолжали взрываться с отсроченным свистом петарды, а Черников, то и дело подходил к телевизору и просовывал руку в экран, проверяя — кончилось или нет, это чудо? Первый порыв — с кем-нибудь поделиться этой фантастикой улетучился, сменившись новым порывом.

Черникова рыскал по ящикам письменного стола, серванта, по книжным завалам, архивным папкам в поисках советских рублей. И находил эти потерянные, но все равно качественные, в сравнении с нынешними фантиками — трешки, пятерки, червонцы среди старых фотографий, ненужных удостоверений, школьных виньеток (а в ящике с инструментами и железками нашел даже банку с мелочью и перебрал ее, отсеивая монеты, чеканенные позже 76 года).

Он устал и прилег на диван, и потом, что-то вспомнив, свалился с дивана, задрал его и стал выкидывать подшивки журнала «Огонек», коробки из под обуви, саму эту обувь, испорченные транзисторы с дарственными надписями, целлофановые кулечки с письмами, и, наконец, нашел пакетик с отцовской сберкнижкой (все, что разом обесценилось в 92), и тощую пачку этих рублей, вдруг, обретших в его глазах новую витальность.

Он сосчитал наличность — триста сорок шесть рублей и грамм триста мелочи. К сожалению еще две тысячи рублей — это были сотенные купюры выпуска 91 года.

Черников вспомнил знакомого еще со старой квартиры, который рассказывал про бабушку и ее сокрытые в чемодане с нафталином пропавшие рубли. Он нашел его номер в записной книжке, в которой давно не делал никаких записей, и Олег Моргось заметно был удивлен новогодним таким ранним беспардонным поздравлением, впрочем, безобидного Черникова. И ещё его странный почти бестактный прямой вопрос — про рубли. «Видно худо совсем старику» — подумал Олег, — кому-то хочет сбагрить дензнаки СССР — тоже мне — исторический раритет».

— Заходи попозже, спят ещё мои, ладно езжай сейчас, — наконец, принял решение он.

Черников приехал на пустом утреннем троллейбусе, который так медленно полз через весь город с двумя пассажирами и кондуктором. Так медленно текло время и так сильно билось сердце Черникова, что он вышел раньше, на одну остановку, возле дежурной аптеки, купить валидол.

Олег после звонка Черникова окончательно проснулся, достал из холодильника пиво, внутренне определился, что хочет положительно оказать старику услугу. Он полез в кладовку искать чемодан. Жена привычно с ненавистью раздражённо прорычала, чтоб он не мешал спать. Он нашел чемоданчик, принадлежавший бабке и привезенный из села после ее похорон, и там были напиханы рубли, трёшки, пятерки, реже десятки. Он начал зачем-то их считать, потом расчихавшись от затхлой макулатуры, — какая разница тысяча там рублей или две, но никак двадцать пять тысяч как уверял он всем. Олег с порога сунул чемодан Черникову, потому что эта поднявшаяся вздыбленная внутри черная плесень обиды на бабку (что деньги пропали зря, что их оказалось немного — тьфу, чемодан набитый бумажной медью) не позволили ему пригласить бывшего коллегу на кухню и выпить там за новый год как он раньше планировал.

Рублей по сусекам собралось под тысячу. Смущал, конечно, мелкий разменный формат основной массы, но все безопасней как раз для карманных расходов. Черников откладывал,

откладывал новый поход Туда, путались мысли, не хватало советчика, друга, подруги, родителей, да того же Сахацкого. С кем поделиться, кому рассказать. Как проверить свою адекватность?

Он вышел в подъезд и позвонил в дверь к пожилым соседям (которых толком не знал, случайно здоровался раз в неделю), но не растерялся же — прихватил бутылку шампанского... Он поздравил с Новым годом сначала испуганную хозяйку, потом и хозяина с костылем, с накинутой на плечах женской кофтой. Черников слышал себя отстраненно: "Примите мои поздравления с наступившим новым тысячелетием! Извините за беспокойство! ... — и как бы оценивал себя в третьем лице — «нет с головой у него все нормально, вот разговаривает с другими, держит контроль — не сумасшедший!»

Семья Кордуняну проживали в этом доме со дня его постройки в 79 году. Глава семейства получил эту квартиру, будучи слесарем на «Виброприборе». И еще когда не выписали ордер, он с женой и ребенком приезжали смотреть стены будущего жилья. Деревья во дворе выросли, дети разъехались еще до смутных времен перестройки. Сын дослуживал в российской армии, а дочка вышла замуж и после учебы осталась в Одессе. Старший Кордуняну постоянно курил на балконе дешевые сигареты и поэтому по поводу переругивался с соседкой этажом выше, предъявляя в алаверды — ее привычку трусить над его головой коврики. (А Черникову нравился как бы доносившийся запах то ли махорки, то ли папирос "Беломорканал" — такое легкое поветрие из 50–60.) Они так и не поняли, зачем приходил Черников или потом по-своему поняли, что-то вспомнили из другой прошлой жизни, когда вроде запросто — ходили друг другу в гости, и потом в разговоре с дочкой по телефону долго рассказывали, что заходил сосед в новогоднюю ночь...

Это была его вторая «телепортация». Тот же «Рубин-106», храп одинокого пьяницы, осторожный переход с ботинками в руках от телевизора до двери, и вот он в подъезде, спускается вниз во двор в другом городе, в другом времени.

Черников подождал уже во дворе, когда как по расписанию выйдут эта троица старшеклассников — парень на коньках и две девушки, которые с коньками через плечо проследовали к катку и сначала стали расчищать лед стальным скребком. Черников оглядывался на них и отходил, выбирался на улицу из двора.

Скрип снега под ногами. Он прошел по улице — один дом, два дома... Почта, магазин подписных изданий, продовольственный магазин. Все заперто, без света внутри, без охраны. Проехала одна лишь машина — «Москвич 408». Улица была отлично освещена синеватым неоновым светом новых светильников. Снег был лежалый, почти с ледяными торосами сугробов, не таявший с ноября.

Два часа ночи, совсем немного гуляющих, несмотря на новогоднюю ночь. Один голосивший пьяный, но много освещенных окон и громкая музыка из окон общежития строительного техникума.

Это было волшебство новогодней ночи, которое продолжалось.

Минус двадцать-пятнадцать мороза, широкий шаг, расплывчатые мысли и соображения куда идти. Потом опущенные уши ушанки, и завязанные тесемки, потом поджигающий проникающий морозец в носках и подстилках в самых крутых, правда бывших в употреблении, зимних ботинках, которые только смог найти Черников в Кишиневе на рынке.

Куда податься?

Он шел где-то по центру, судя по «сталинской» застройке. И здесь уже было больше празднично шатающихся горожан, да еще и с детьми. Он пробежал полквартала, чтобы согреться.

Руки в перчатках он засунул в карманы пальто.

Он, конечно, исподволь знал, куда ему надо идти.

Площадь с железнодорожным вокзалом.

На вокзале было не так многолюдно. На справочном механическом табло довольно обширное расписание, и оно по запросу как бы просыпалась, моргало железными ресницами этим множеством алюминиевых табличек-букв. В зале ожидания было сумрачно, никаких телевизоров. Застрявшие мрачные квелые пассажиры, взбадривались объявлениями из диспетчерской. Но вблизи, когда Черников погрузился в толпу, нашел свободное место возле урны, когда он присмотрелся, прислушался — все заиграло другими красками, как на потемневших картинах суровых фламандцев — свой праздник жизни.

Рядом сидела бабка в распушенном платке с аккуратным мешком вместо сумки, и интеллигентный, похоже, командировочный с дипломатом, и вдруг, компания молодых, почему-то казалось студентов. Они уже где-то встретили новый год (в общежитие?), а теперь самой ранней электричкой отправлялись куда-то за город. Они были здесь на вокзале самым ярким шумным солнечным пятном.

И Черников поволокся за ними. Три парня, две девушки, одна гитара. Объявили посадку на скоростной поезд. Черников удивился, почему они не сели на электричку, потом

сообразил — что глубокая ночь — какие там электрички и, наверное, до их места сейчас можно добраться только на транзитном фирменном поезде.

На перроне он слышал, как студенты договариваются с проводником доехать до Березовска.

— Мне до Москвы. Внучку хочу повидать. Билеты взять не успел, — Черников протянул проводнику пятьдесят рублей (в два раза дороже билета на самолет):

— Но не знаю. Там дальше к утру вроде сходят... А найду тебе место... — махнул проводник рукой.

Черников и студенты ехали в коридоре купейного вагона, откинув сидушки, и каждый раз приходилось вставать, пропуская сонных пассажиров, пробиравшихся в туалет. Ребята открыли бутылку вина, и пили из горлышка. Черников сходил в начало вагона и посмотрел расписание, когда в Березовск прибудет состав. Через сорок минут. Три минуты стоянка.

За окном темень. Заснеженное дикое поле. Изредка дальние огни.

Когда студенты вышли в Березовске, он остался один в коридоре.

Он сходил в туалет и умылся.

Даже нечем побриться. Подозрительно без вещей.

Сквозь стук колес и запертые задвинутые двери иногда все равно пробивался чей-то храп.

Под утро на маленькой станции вышла одна семейная пара, и проводник хмуро подтолкнул Черникова к купе, дал постель. Оказывается, он озаботился и через бригадира попросил зарезервировать по селектору на ближайшей станции один купейный для своего родственника.

Черников занял верхнюю полку. Толстое пальто с трудом повесил на крючок у двери, и, застелив постель, не раздеваясь дальше, остался в свитере и джинсах и прилег, прикрываясь только простынкой без одеяла. В купе было на ночь натоплено. Одно нижнее и одно верхнее места, напротив, были заняты. Судя по женским сапогам, это были соседки, а не соседи.

Он прилег и не мог заснуть. Он давно не ездил на поезде. И сейчас ехал, и почти спал, и почти засыпал, и почти был счастлив непонятно от чего и почти ...

Проснувшись поздно утром в одиннадцатом часу, Черников обнаружил, что в купе, благодаря женским стараниям, было как-то все аккуратно и благоуханно. Попутчицы уже, конечно, умылись, позавтракали, смели крошки со столика, и сейчас пили чай, сидя у окна друг против друга.

Алина — брюнетка, еще рано утром подвергла досмотру нового пассажира. Старичок почти не похрапывал, и не вонял, и оглушительно на простыни сияли его белые махровые носки, от чего эта простынь казалось серой (что на самом деле было именно так).

А еще она впиалась взглядом в ботинки (ей так и хотелось перевернуть их, посмотреть на подошву, которая даже с боку вызывала уважение своей толщиной и фактурой). А потом еще было пальто с какой-то важной красной подкладкой и еще джинсы на самом спящем субъекте. За лейблой она, конечно, не полезла к нему под одеяло, и мокрой спичкой не проверила качество джинсовой ткани, но рассмотрела аккуратную строчку шва, которая подтверждало фирму.

— Не простой старичок, — она кивнула на верхнюю полку, обращаясь к подруге.

Две девушки-архитекторши возвращались из Барнаула. Вчерашних студентов Ленинградского инженерно-строительного послали под новый год сделать срочный надзор на объекте. Они и так сорвались домой пораньше, но только на поезде (на самолет не

достать билеты). Из Москвы им еще нужно было ехать в родной Ленинград.

Пожилой и щедушный Черников им не компания, но из ресторана он принес бутылку шампанского и предложил все-таки выпить за новый год. Ну, выпили, еще раз что-то перекусили, в общем-то, сблизилась с новым попутчиком на полшага, на пол стакана и теперь знали, что он едет к внучке, а сам он пенсионер.

Да ему больше понравилась эта блондинка (вскользь между делом обозначилось и ее фамилия — Ведерникова). Ему скорее нравилась ее не броская доброжелательность, ее скорее не агрессивность в сравнении с немножко всегда истерически возбужденной брюнеткой. Больше брюнетка Алина и больше блондинка Лена. Больше энергичная хитрая и больше подкрашенная Алина и больше медлительная, больше длинноногая равнодушная Лена.

Неожиданно для себя прежде не замеченный в лицедействе Черников сдержанно вошел в роль безопасного интеллигентного старичка-ботана. Его никак не смущала их красота и молодость. Ему было хорошо и свободно — ведь перед ним сидели уже состоявшиеся пенсионерки с окончательным диагнозом прожитой жизни — перед ним сидели две юные леди, чьи тщеславие, красота и надежды — уже обратились в прах опрокинутого времени. Он их внимательно слушал и необязательно отвечал. Рассказывал истории из современной ему желтой прессы. Как погиб Юрий Гагарин. На ком был женат Кобзон, и кто есть кто в этой группе АВВА.

Потом Черников умолк, и как бы без обид слился на фоне новых знакомых — московских непонятных физиков (так представились два следователя — из московской прокуратуры). Те плавно переместились поближе к дамам из своего скучного купе в соседнем вагоне, которое они делили с бабкой и ее внуком.

Два командировочных следователя генеральной прокуратуры возвращались сначала в дурном настроении, оказавшись в дороге в новогоднюю ночь. Но там, по делам службы, никак нельзя было вырваться раньше. И только напившись, и немного отоспавшись, они воспряли поздно утром, сходя в ресторан за пивом и на обратном пути, куражась, заглянули в купе к девчонкам. Один из них был значительно старше и по возрасту и по званию. А молодой даже еще возможно и не помощник а практикант — раздолбайский уральский парень, окончивший юрфак МГУ, очень веселый и непричесанный и худой, с не остывшей студенческой удалью — легко со всеми знакомиться, постоянно кого-то смешить и убалтывать.

Разбивка на пары произошла к концу первого чаепития, как и предложение, встретиться ближе к вечеру, и значит повторно расширенно отметить наступление нового года. Стервозная или просто расчетливая Алина (а расчет был, что молодого надо еще обольщать), сама самокритично выбрала мужественного начальника, а на блондинке сосредоточился вчерашний студент.

А Лене не нравился не смешной молодой Павлик, ни тем более по ее меркам пожилой Дмитрий, но она поддержала свою неугомонную подругу по-компанейски. Эти два московских орла, конечно, расправили крылья на фоне почти провинциальных барышень, которые, пожалуй, здесь и сейчас, выиграли бы конкурс красоты на три вагона вперед и назад, включая вагон-ресторан.

Так что к вечеру все складывалось по-новогоднему романтично. Лжефизики, напряглись со спиртным (добыли в ресторане с помощью своих служебных корочек армянский коньяк и коробку конфет), а девушки не пожалели стратегических гостинцев —

красной икры в заводской упаковке.

Черников статист, и «оскароносец» за роль второго плана ел бутерброды и ходил к проводнику за чаем для всей компании, потом переместился в коридор и надо сказать с каким-то смирением и отрешенностью смотрел в окно, где почти ничего не было видно.

Он снова прошел в туалет через весь вагон, вскользь заглядывая в купейные коммуналки, воскрешая архетип советского быта и бытия: вот молодая пара тоже едет в Москву, свадебное путешествие, вот пожилая бабка едет, наверное, к внуку, вот пожилая интеллигентная учительница с дочкой тоже в столицу к родственникам в Москву. Вот снова школьники старшекласники в двух купе с двумя взрослыми, тоже каникулы. Шумные юные, которых он никак не убедит, что они лет через сорок тоже выйдут в тираж и будут выглядеть как эта учительница или та бабка.

Была, какая-та станция. Стоянка двадцать минут. Проводник сбросил ступеньку, и Черников первый спустился на перрон. Торговцев-лотошников было немного возможно из-за праздничного дня. Женщина в тулупе и валенках продавала жареную рыбу из укутанной в одеяло кастрюли.

В купе продолжался праздник. Черников залез к себе на верхнюю полку и попытался заснуть. Он просыпался и засыпал под стук колес, но ему мешали, несмотря на погашенный свет, то непонятный понятный шорох, то полупьяный смех, стук накатываемой откатываемой двери, отчетливый недовольный голос блондинки: «уже поздно, детское время вышло молодой человек».

Черников мысленно поаплодировал девушке.

Утром, когда Черников проснулся, брюнетка еще спала, сопела напротив на верхней полке, а вот светловолосая Ведерникова сидела чинно за столиком и читала книгу. Ее лицо было свежим и молодым даже при безжалостном солнечном свете.

— Будете чай? — спросила она, когда Черников вернулся из туалета и бросил полотенце к себе наверх.

— Я сейчас принесу. — Не дожидаясь ответа, встала она.

— А хотите лапшу? — предложил Черников, когда девушка вернулась.

— Лапшу?

— Быстрого приготовления.

— Ну, немного попробую...

Черников сходил к проводнику еще за двумя стаканами, потом достал из внутреннего кармана пальто этот презренный пакетик китайской «Мивины», накрошил по половинке на два стакана сухой лапши и из пакетика насыпал приправы также в равной доле, потом все залил водой и прикрыл блестящей оберткой из-под шоколада. Девушка с любопытством следила за кулинарными действиями Черникова.

— И что это сварится?

— Несколько минут.

— Никогда такого не пробовала.

Лена сидела спиной к окну, вытянув ноги на весь диван. И ее ноги в спортивных штанах казались еще длиннее.

Она поймала этот двусмысленный взгляд Черникова, но никак не смутилась. Он чем-то был симпатичен — этот интуристский старичок — своей безобидностью, своей какой-то странностью и не соответствием. А может он напоминал ее дедушку по маме, шутейного фотографа из Ростова, который умер давным-давно.

В наступившем году Лене исполнится двадцать четыре. Высокая, стройная без всякой диеты, немножко медленная ленивая. Удачливая, потому что после войны воспитывалась в состоятельной полной семье старшего офицера. Счастливая, потому что это тоже передается по генам.

— Проанализировав данные по более чем 900 парам близнецов, психологи Эдинбургского университета обнаружили доказательства существования генов, определяющих черты характера, склонность к счастью, способность легче переносить стресс, — сказал вслух Черников то, о чем он подумал, об этой девушке.

— Хотите сказать, что счастье передается по генам? — спросила блондинка после некоторой паузы.

— Сомневаюсь, я думаю здесь все-таки по-другому — вот вы, например, кого-то сделаете счастливым.

— И на долго?

Черников был потрясен ее ленивой рассудительности на грани остроумия.

А Ведерникова снова подумала кто он такой? Что за неподтвержденное иноземное кроится в нем? Ну да любопытство, какая-то склонность к загадке и все это раньше было как-то не про нее. И приключения, в которые всю жизнь пыталась втянуть ее подруга, были на самом деле не про нее, и теперь, пожалуй, в 24 года она, наконец, высвободилась из-под тени Алины и хотела делать то, что сама хотела. И вчерашние посиделки ей были только до любопытного. И вчерашний ухажер (то ли физик, то ли инспектор уголовного розыска) стал ей попросту с какого-то момента скучен, да с того именно момента с какого ему наоборот становилось только интересно. Она, оказывается, была серьезней и проще, и книжки читала и понимала их глубже и искренней, несмотря на то, что была в детстве натуральной блондинкой, а со временем потемнела и потом по привычке продолжала высветлять волосы.

То, что она складно и откровенно рассказала о себе пожилому попутчику, и не тяготилось этой откровенностью — это было ее отложенное соло, оказывается умной и внимательной собеседницы.

Черников неожиданно вышел в Рязани. Он представил, что в Москве нужно будет искать, где остановиться, притом без паспорта, и в самом деле не пойдет же он в ЦК КССС или на Дзержинско-Лубянскую площадь спасать Советский Союз.

Он быстро собрался, сославшись, что хочет навестить рязанского товарища и сгинул в ночь на платформе Рязани 1. Черников попрощался только с блондинкой, соответственно только ей что-то объяснил про рязанского товарища, и она вышла в коридор, махнула ему из окна в последний раз.

Через два часа он уже ехал обратно в Н. на скором «Москва — Красноярск».

Билет он смог купить только на плацкартный. В вагоне было шумно, вонюче. Ресторан был уже закрыт. Он быстро застелил свое верхнее боковое место и забрался на полку. Ему вдруг снова стало уютно и хорошо в одиночестве натопленного, переполненного вагона.

«Вернусь в Н. и бегом к себе в Кишинев» — с этой мыслью засыпал Черников.

Еще двое суток, наверное, бессмысленно потраченного времени, Черников смотрел в окно. Ему уже все приладилось. Ностальгия рассеялась как туман. Узнавание перестало умилять. Он сутки ничего не ел — надоели эти ресторанные борщи и бефстрогановы, и просто было лень идти через два плацкартных и два купейных вагона, и он обходился чаем. Но его постный чай вызывал беспокойство соседей, и они наперебой стали ему предлагать свои разносолы: как-то варенные вкрутую яйца, пирожки, кусок курицы.

Он все-таки расчувствовался, когда маленькая девочка, подталкиваемая родителями, предложила ему пирожок.

Пятого января 1976 года в полдень Черников вернулся в Н.

Он хотел быстрее вернуться в Кишинев. Дубликат ключей от квартиры Семенчука лежал во внутреннем кармане. Он снова шел пешком от вокзала, мечтал о горячей ванне.

Было понимание и ощущение наступившего после праздника будничного дня.

Он сбавил шаг у подъезда и поднялся на четвертый этаж с небольшой отдышкой. Он остановился у двери, прислушался, нажал на кнопку звонка. Ключи держал наготове в кармане, и очень спокойно медленно вытащил их, сразу попал в замочную скважину, легко сделал два поворота.

Ну, да квартира была пуста. Рабочий полдень. Он, сразу не раздеваясь, включил телевизор, пока тот нагревался, снял верхнюю одежду, в которой он по габаритам не помещался в диагональ экрана. Он сначала забросил в телевизор пальто и шапку, потом полез сам в нерасчищенных от снега ботинках. Он уже стоял там по ту сторону и не знал, что делать — хозяин придет и обнаружит включенным аппарат.

Он посчитал — в телевизионном зале уже было семь телевизоров 1976 года и шесть из 2000.

Все телевизоры одного года стояли в разнобой на полу: то метром ближе, то метром дальше и у Черникова еще не возникло желание расставить их по порядку. Заморачивало смотреть телевизор сверху вниз. Удобнее было лежа. Пришлось подкладывать сзади под спину больше подушек, и Черников, «запасаясь попкорном» (в его случае мятными карамельками) смотрел черно-белую тягомотину, лежа на подушках, потом на матрасе, то на спине, подложив две подушки под голову, то лежа на животе, уже опираясь в подушки грудью. Периодически он выключал приемник и тогда телевизор становился окном. Правда, особенно смотреть было нечего: интерьер комнаты, храп одинокого мужика. Черников сделал хронометраж по первому январю 1976 года: мужчина просыпается в половине четвертого, новогодний огонек подходит к концу, скоро будет концерт зарубежной эстрады. Семенчук направляется в туалет (ну да унитаза были с бачком под потолком и когда дергали за шнурок, вода с грохотом водопада устремлялась вниз), потом пьет Жигулевское пиво (из горла уже открытой бутылки), закуривает "Ту 104"(оказывается тоже болгарские сигареты, как и классом получше — "Родопи"). Вот Семенчук появляется в поле зрения телика крупным планом, приближается, приближается, и вплотную — видны растянутые колени домашних штанов и здесь вырубается ящик.

По ту сторону телевизора особенный микроклимат.

Как-то Черников не допил «пирамидку» — пакет молока, оставил его на крышке телика. Прошло несколько дней, он собирался уже прибраться — выкинуть эту картонку с прокисшими остатками «недокефира», да принюхался, а потом и попробовал — свежайший продукт! Бактериям здесь не место. Дальше больше: он как-то простудился после очередной ходки в Н., чихал, поднялась температура. Возвращаясь, с трудом перелез через телевизор, свалился, заснул на полу, на куче брошенного тряпья, скопившейся разной одежды. Проснулся он обновленным, здоровым, без головной боли. А принюхавшись, он заметил, что вся эта ношенная вторичка не пахнет старьем, а воняет приятной лавандной отдушкой после химчистки.

Постепенно здесь образовалась свалка: валялись одежда и обувь, трехлитровая банка с пивом, чипсы, литровая банка с черной икрой, сигаретные блоки «Мальборо», конфеты в бумажных самодельных кулечках, пломбир в брикетах, в стаканчиках (тоже не таял), стопки книг и журналов, кучи мятых газет. В первые дни «открытых границ» с ним случился мародерский припадок. Он волок сюда как в музей: газеты, бутылки, бисквитный торт «Сказка», шариковые авторучки, марки, билеты из кинотеатра, сатиновые трусы...

Пропала бессонница, головные боли, сердечные колики. Он перетащил сюда надувной матрас и, надев наушники (чтобы не слышать биение сердца) спал в двойной тишине.

Черников родился 1937 в Бессарабии. Отец подпоручик, белогвардеец. Мать местная из купеческих. Их депортировали после воссоединения-присоединения Бессарабии в 40. Вот когда всплыл город Н... Черников с матерью прожили здесь всю войну. Он запомнил, как на морозе в первый раз поцеловал железную ручку двери и как низко у самой земли были окна его барака.

Да они жили в бараке. Соседняя, за дорогой, сталинская пятиэтажка казалась дворцом, и в том доме жил только один одноклассник, чей отец работал в милиции.

Черников вспомнил, как они однажды забежали погреться в подъезд и были разогнаны

теткой распознавших чужих детей.

Теперь он стоял в этом подъезде.

Его сначала смущало, что после каждой ходке в телевизионном зале возникал новенький аппарат. Это было как-то и расточительно и слишком наглядно доказывало его слабость и склонность к этим побегам. Но с какого-то момента его перестали волновать растущие ряды телевизоров.

И он еще стал подумывать, как задержаться за кордоном подольше, легализоваться в Н. Нужен был паспорт с пропиской, потом нужно было жилье. Он, чтоб не ходить далеко, выкрал паспорт у Семенчука, как раз тот получил документ нового образца и чертыхался, обнаружив его пропажу («да дома сволочь, лежал, здесь на полке»).

Черников, теперь гуляя по городу, выискивал на столбах и заборах объявления о сдаче комнат, квартир. Заговаривал со старушками. Он сочинил историю про свой лютый развод — жена вместе со своей дочкой от первого мужа — выгнали с чемоданом и раскладушкой.

Хозяином телевизора, через который Черников совершал ходки в 1976 год был Глеб Семенчук. Он долгое время работал водителем, пока пьяным, чуть не попал в аварию. С автобазы его не уволили, но перевели в автослесари. Он не жаловался, продолжал пить и ждал пенсии, чтобы от него отстали все: главный инженер, начальник цеха, бывшая вторая жена, дети от первой жены... Одиночество он почувствовал только сейчас, и для него это было ясно как день — подступила старость. Хуже всего, что он снова стал вспоминать войну, и, просыпаясь ночью после кошмара, он курил, приоткрыв окно, если это было зимой, а летом даже выходил на улицу и сидел на той скамейке, за тем столом, на котором они играли вечером в домино. Он не хотел ночью вспоминать войну, но днем иногда хотел, а вернее все равно думал, вспоминал о ней. Он пил только водку. В холодильнике или в шкафу всегда лежала бутылка. Он никому не писал писем, и было одно желание — забыться. Он не знал таких слов как стресс или депрессия, тем более психиатр. А чтобы расслабиться, он знал только одно лекарство — холодную водку.

Двухкомнатная квартира в «сталинке» досталась ему по знакомству. Пришлось, правда, для метража прописать дочку, которая и не собиралась жить с ним. А знакомство было на самом высоком уровне. В 1944 некоторое время он возил начальника политотдела 18-й армии.

Он часто вспоминал, как двадцатилетним лежал под вагоном и крупнокалиберные пули атакующего «мессера» пробивали крышу, пол вагона и в щепки разлетались деревянные шпалы и помнил боль от занозы в плече.

Что помогло не перейти грань трусости-предательства. Может быть, спокойствие пожилого лейтенанта из призывных, возможно воевавшего в гражданскую, который приказал ему собрать оружие у убитых. Сколько он тогда увидел убитых — тридцать — сорок? И чуть задранное платье старшеклассницы, скошенной вместе с высокой травой очередью из крупнокалиберного пулемета.

В 41 ему было 20. Сержантская школа. В 42 в Керчи, в Крыму. Отступление. Дожди. Лежали в окопе, как свиньи в грязи и не было сил, желания вставать, двигаться — пусть убьют. Его вытащил из окопа товарищ, которого он больше не видел. Отступление. Перевернутая повозка с бинтами и простынями. Больные ноги он обмотал бинтами, надел чужие сапоги (какой-то солдат снял с убитого новенькие сапоги и бросил свои разношенные). Потом Семенчук намотал на ноги вдвойне, втройне обмотки из простыней и смог идти. Он на берегу моря. Куда-то шел, и никого не было, и вдруг, увидел, как четверо солдат тащат лодку. Она дырявая. Они все дыры заткнули разорванными белыми простынями, которыми был набит его вещмешок. Не было весел, нашли какие-то палки... Плыли 30 километров. Еще до этого, Семенчук никогда не забудет. Как двое солдат волокли носилки с раненым полковником, извинились — больше не можем. Кругом паники, все куда-то бежали. Полковник увидел знакомого офицера и попросил его застрелить себя. Тот медлил, потом раздалась короткая автоматная очередь...

Это был лучший ресторан города, построенный еще до войны. Такое советское арт-деко — конструктивизм со сталинским классицизмом. В 41 ресторан стал работать как столовка, а после войны, когда решили заново открыть ресторан — не оказалось подходящей посуды, и в газете дали объявление: столовая такая та покупает у населения за наличный расчёт сервизы, графины, блюда, стеклянные бокалы, стопки, рюмки...

Черников проходил мимо ресторана. Очереди не было, но швейцар, открыв дверь, показал пальцем на табличку "свободных мест нет". Черников потоптался на входе, размышляя — сердиться ему или умиляться таким воспоминаниям по ненавязчивому советскому сервису. Вдруг к нему подошел пожилой мужчина и попросил посмотреть его курточку (он был со спутницей, и швейцар без ливреи открыл навстречу им двери). Он представился как директор швейной фабрики и ему интересен был покрой куртки. Девушка тоже долго щупала куртку на живой модели, потом начала проговаривать начальству:

— Куртка с двойной застежкой — застежка-молния и кнопки на ветрозащитной планке, высокий воротник-стойка, Большие накладные карманы с клапанами. Ткань непонятная, какая-та смесь. А вообще очень стильно. Не встречала в журналах.

Благодаря директору швейной фабрики Черников проник в ресторан. Они сидели втроем. Официантка немолодая женщина, кивнула директору.

— Вам как всегда.

— Еще коньяк.

Черников заказал рассольник и киевскую котлету.

Коньяк был заказан, чтоб выпить за знакомство. Директора звали Панышев Семен Иннокентьевич, а девушка оказалась модельером или дизайнером с именем Ира. Она покраснела от коньяка, закурила и только тогда начала расспрашивать Черникова о заграничной тряпке. Черников слукавил, что одежонка досталась от дочки, которая работает за границей.

— Семен Иннокентьевич, а если скопировать? — предложила Ира

— Претензий не будет? — спросил Панышев, то ли ее, то ли Черникова

— Гарантирую, никаких жалоб на нарушения авторских прав, — заверил Черников.

— А сможете продать эту курточку? Ну, хотя бы лекала снять.

— Да, пожалуйста.

— Так можем прямо сейчас после обеда, — еще сильнее покраснела дизайнер.

Ире недавно исполнилось двадцать пять. Уже два месяца работала под прикрытием в этом городе и на этой фабрике. Не весь, какое задание, но инспирированное из КГБ. Ирина Вайц когда-то начинала моделью в Доме мод, потом училась в Эстонии на дизайнера, потом предложение, от которого нельзя было отказаться и продолжение образования в специальном учебном заведении в Новосибирске. Потом возникшая командировка в соседнюю область. Командировка была долгосрочной и кажется не опасной. Она с головой ушла в швейное производство, установила со всеми контакт — с производственниками, со снабженцами, уже ходила в фаворитках директора, и ей самой пока, похоже, нравились эти игры. Ей нравилось узнавать и еще пока не использовать, а только учитывать характеры, слабости, интересы людей. Их обучали манипуляции, но это еще для нее не стало циничной обыденностью.

Ей нравилось безукоризненно одеваться. Шуба, сапожки, лайковые перчатки. Европа, а не сибирская бесприданница. Она на четверть была по матери немка, и ее двоюродный дед, ответственный за эти двадцать пять процентов, по странному стечению обстоятельств, как раз был одним из архитекторов этого ресторана.

Она привела Черникова в свою мастерскую: большая светлая комната, куча тряпья, несколько манекенов, швейная машинка, и у окна громоздился кульман. Черников снял куртку, она восхитилась легкости, безвоздушности куртки, даже примерила на себя, посмотрела подкладку (нет, Черников еще в Кишиневе содрал все лейблы, все ярлыки, все бирки).

— Удивительно, удивительно. Такая легкая вещь! И вам не холодно на морозе?

— Сначала не холодно, а постоишь на месте минут десять...

— Николай Петрович. Я быстро перерисую. Такую фурнитуру нам не достать. И такую строчку не сделать. Но покрой, все равно покрой! Где вас можно найти. Дайте ваш телефон.

— У меня телефона нет. Дайте лучше ваш.

— Если вам пришлют что-нибудь интересное. Звоните. — Она ему написала на листочке, вырванном из тетради.

Нет, он не стал, конечно, звонить, но они случайно встретились через месяц в центре. Город все-таки небольшой. Наступила и здесь весна. Оголился, подсох местами асфальт. Она была в туфельках и в легком пальто. На нее оглядывались, и Черников поторопился расстаться с ней. Она же, наоборот, бурно рассказывала об успехе запущенной в серию куртки, потом мимоходом пожаловалась, что не могут достать качественной джинсовой ткани.

— Сколько вам нужно? — Черникова никто не тянул за язык.

— Но для производства, я понимаю найти не реально. А так, да сколько бы не было...

— Перезвоню. Может что-то срастется.

Он попытался себе объяснить — зачем он так легко давал обещания. Вскружила старую голову молодость. Это да. Но эта девушка давно взрослая особь дружит «бескорыстно» с директором, шьет, наверное, контрафакт. Чтобы так одеваться, в любом случае нужны деньги. И не зарплата инженера.

Но он поторопился в Кишинев. Как раз в бывшем Детском мире на четвертом этаже продавались ткани. Он выискивал натуральный деним (уже по ходу поисков нахватался терминологии). Денег хватило на два рулона турецкой джинсовой ткани китайского происхождения (отлично линяла и терлась). Он на такси привез домой эту ткань, потом перетащил через телевизор, потом отдышался по ту сторону и не стал торопиться. Нельзя вот так сразу — возьмите, нашел. Надо подождать пару дней. Он вернулся в Кишинев, потому что услышал как там, в комнате зазвонил телефон. Это его потеряли книжники. Он сказал, что заболел и с работой грузчика придется покончить. На ткань пришлось потратить и пенсию, и теперь Черников, вдруг прикинул, что ему придется отправляться в прошлое не только за рублями, но и за леями.

Он, не кряхтя, снова заполз в телевизор, и прогулялся по своему таинственному пространству до первого легендарного телевизора Панасоник за 1 января 2000. Он пробрался в тот новогодний день, и он там не был уже сколько-то дней, а может неделю и больше, значительно больше. И теперь уже было что вспоминать, и он ходил по квартире и уже собрал все свои леи, рубли и уже прикинул, что задержится здесь до пятого января, когда ему принесут пенсию.

Да он прожил эти несколько новогодних дней в Кишиневе: смотрел телевизор (боевики, которые крутили по кабелю — снова восхищался цветной картинкой Панасоника), выходил за продуктами в магазин и заглядывал на базар (который начал работать уже второго января — искал уже наметанным взглядом что-нибудь интересное для 76 года): и даже эти картофелечистки, и дрель без провода на аккумуляторе, и даже эти бесконечные апельсины, бананы и мандарины...

Коммунист Паньшев, будущий директор швейной фабрики, в июле 41 ушел добровольцем в Народное ополчение. Ему повезло: он был ранен и не попал в окружения под Вязьмой. Он долгое время не мог себе объяснить — почему он остался жить, а тысячи, тысячи там погибли, попали в плен. Он, в какой-то момент наверное просто признал правоту бессмысленного случая и единственную правду — жить ради того чтобы жить. Он хотел хорошо жить, комфортно и сыто, и чтоб родные не нуждались ни в чем — ни его постаревшие бессребреники родители, ни даже одинокая тетя Клава из Александрова, ни его однополчане, кроме нескольких бумажных ополченцев, которые через несколько дней после копки окоп дрыгнули в Ашхабад и Свердловск со своими рукописями, диссертациями.

Демобилизовавшись в 46, Паньшев полгода работал в министерстве легкой промышленности, а потом был направлен в Н. Аспирант-технолог (для науки он считал себя уже ни к чему не годным) работал начальником лаборатории, потом главным инженером, потом директором фабрики. Производство только налаживалось. Все еще голодали, большинство жило в бараках — но он пока продолжал все мерить войной. Они работали на износ, но молодость позволяла. И это, оказывается, было, счастье — восстанавливать, возводить. А может счастьем была сама занятость, нужность, признание. Адреналин от страха ответственности и молодость, молодость (только теперь осознанная та последняя тридцатилетняя молодость) в окружении юных ткачих, секретарш, ответственных комсомолок.

Все застопорилось в 60-х, как бы переключилось на нижнюю передачу. Фабрика выполняла план. Все руководство поменяла квартиры. Оказывается, можно было купить машину, потом он съездил с женой в Югославию. Потом старые сослуживцы еще по министерству легкой промышленности стали начальниками главка и зам. министрами, и те слегка левые схемы (которые напрашивались сами собой) получили развитие, но и защиту.

Он вдруг почувствовал, что наступило время его поколения. А он не мог забыть своих сокурсников, одноклассников, ополченцев, однополчан. И чем дальше, тем расчетливее и душевней он помогал всем ветеранам, а может это теперь стала оправданием его воровству.

Он пробивал им путевки, квартиры, давал пристанище у себя в дом отдыха, в конце концов, по праздникам раздавал просто деньги. Ну, пятьдесят рублей, ну сто.

Он чувствовал, что перешел, какую-то черту, впрочем, она четко была обозначена в уголовном кодексе — "в особо крупных размерах". И мучения прекратились, когда он для себя решил, что в тюрьму не сядет и тому гарантией был его наградной ТТ.

Глава 9

Лето в Молдавии окончательно распахнулось в конце мая, и в июне в Кишиневе установилась продолжительная жара, а месяцем позже в Н. пришло устойчивое континентальное лето. С июльской температурой в апогее на несколько дней ничем не уступающей кишиневскому зною, но все равно с отчетливым резким похолоданием ночью.

Утром — ранехонько в Кишиневе Черников приезжал на центральный рынок, выбирал огородные помидорчики у старушек, потом искал брынзу, пробовал на вкус белые рыхлые пористые шматки — посоленее или посуше. Потом перебирался через два телевизора в Сибирь, с котомочкой (подозрительно, если с целлофановым кульком) выходил глубоко во двор на траву, и там, на завалившейся каменной оградке с обнаженными прутьями арматуры, завтракал по-молдавски помидорами, брынзой, а кирпич бородинского покупал в местном хлебном.

Потом он читал газеты на лавочке в парке, смотрел на прохожих, слушал, что говорят вокруг, и в каждый момент напоминал себе что это "двадцать с лишним лет назад".

Уже в июле однажды Черников выехал на несколько дней в "дом отдыха" Панышева (туда проторила ему дорогу Вайц). Он решил хотя бы несколько продолжительней оторваться от телевизора, окунуться с головой в прошлое без близкой привязи к ящику.

И так задержался там: вставал рано утром, подрагивал на крыльце в поисках пригрева где-нибудь на деревянной ступеньке, потом шел к речке, наслаждался ее родниковой свежестью. Он купался, весь день без обеда спал с удочкой под нависшей над заводью ивой. А с рыбалки он всегда возвращался мимо сельпо, где покупал пару бутылок водки, как гостинец для завсегдааев дома Панышева. Старички, когда начинало темнеть разводили костер, звали Черникова с его уловом, который позвякивал в рюкзаке. Сам он пил мало, жалуясь на давление, но слушал внимательно разговоры. Его принимали за ветерана и по своей шпаргалке разученной в Кишиневе он мимоходом поминал Второй Белорусский фронт, 48 армию и Ломжа-Ружанскую операцию.

А спал он так с полудремой под звуки лесного шума, вдруг наподдавшего шелеста с порывом ветра и пением, ну пусть чириканьем птиц — всей этой гигантской природной симфонией в противовес той абсолютной космической тишине по ту сторону телевизора.

Он приехал в город в полдень, полагая по сложившейся привычке проникнуть в квартиру Семенчука в отсутствии хозяина, который должен был быть на работе. Когда Семенчук работал, его квартира была в полном распоряжении Черникова. Телевизор он всегда делал немым — наглухо вывернув тумблер громкости. И не трогал чужих вещей, кроме телевизора и вытирал за собой все свои отпечатки и потом по великому «догадался» приходить сюда с перчатками. И так ходил по квартире, открывая кран, и воду в туалете спускал в толстых кожаных перчатках, когда — то подаренных ему женщинами-коллегам на 23 февраля.

Но выходить, и возвращаться в квартиру было не просто. Он прислушивался к тишине подъезда и потом рывком покидал убежище, закрывая дверь одним поворотом заботливо смазанного замка, спускался как можно быстрее — «старческий большой слалом-спуск» — с четвертого этажа на первый (скорее скоростное сползание вниз в обнимку с перилами).

У соседей на площадке не было глазков. Двухкомнатную квартиру занимала семья пенсионеров с большим стажем. Трехкомнатную — занимала большая многодетная семья

(четверо или больше детей — Черников за все время наблюдения так и не был точно уверен). Дверь у них практически не закрывалась и вот эта социальная ячейка, но впрочем, такая дисциплинированная и бесконфликтная, с каким-то душком непонятной секты, несла угрозу случайной необходимой встречи с неизвестной бродяжкой Черниковым.

Но сейчас он возвращался с дачи, предвкушая кишиневский душ и мороженное не в холодильнике, а в телевизионном павильоне (не кусок льда, а не подтаявшее, но не растаявшая субстанция с комнатной температурой).

Еще издали за квартал Черников услышал траурную музыку. Музыка была страшной из детства. Похоронный марш Шопена, исполненный примитивно халтурщиками на подработке с грохотом барабана, металлическим лязганьем тарелки-литавры, а потому так гнетуще.

Процессия с гробом вышли со двора на проезжую улицу, и двинулась по дороге. Черников осмелился спросить старушку: кого хоронят? Та поведала, что скоропостижно умер Петр Семенчук ее сосед. На работе случился инфаркт. В пятницу утром. Пришел на работу и у станка...

Черников смог проникнуть в квартиру Семенчука только поздно ночью или рано утром, иначе в четыре часа. Он открыл дверь ключом. В квартире никого не было, но оставались следы поминоков: два сдвинутых стола покрытых скатертью, стулья из другой комнаты, вымытая посуда на столе, и еще с краю лежали фотоальбом, и еще какие-то личные вещи Семенчука. Почти новенький портфель, какие-то документы и даже профсоюзный билет, и водительские права, выданные еще в 49.

Черников включил телевизор и пролез в него. А кто и когда его выключит? И кто будет жить в этой квартире? Еще важнее кому достанется телевизор?

Перед тем как перелезть в Кишинев он взял блок с липкими листочками, написал на записке «7 июля 1976, 4.25» и наклеил памятку на крышу приемника.

В Кишиневе был полдень. Черников потрогал «Панасоник». «Интересно сколько времени его не выключали — столько, сколько он отсутствовал здесь? А сколько он отсутствовал здесь. Трое суток? А точно ли это? Ведь он вернулся в Кишинев в тот самый момент, в который его и покинул». Голова шла кругом. Но телевизор исправно работал и не нагрелся.

Черников конечно думал о Семенчуке. Он вышел на балкон.

Он понимал и чувствовал, что для него Кишинев эпохи миллениума отошёл на второй план. Но он совершенно не хотел с ним расставаться и, например, уйти в эмиграцию в 76 год. Нет для него даже скромное знание будущего оставалось такой ценностью, ради которой и нужно было жить.

Телевизор включили на «той стороне» только через десять «кишиневских» дней. Это значит Черников каждый день (а бывало и два раза на день) заглядывал сюда, ожидая, когда включиться телящик умершего Семенчука.

Он включился все равно неожиданно, заголосил советскими новостям. Телевизор находился на прежнем месте в квартире Семенчука. Только в комнате было прибрано: диван поменяли, стены были с другими обоями и занавески были такие сиреневые.

Здесь поселилась дочка Семенчука.

Даша училась в педагогическом институте. Девушке было лет 19 — невзрачная, тихая, скромная. Судя по разговорам, отец ей был безразличен (не видела его с раннего детства) и не хотела просить у него никакой прописки (но настояла мать). К Даше на выходные приезжала родня из района, постоянно обсуждали, что делать с квартирой. «Нельзя оставлять все Дашке, быстро найдется хахаль, пока подрастут остальные дети (уже не дети Семенчука), но с другой стороны хорошо, что здесь она оказалась в городе, когда этот умер...».

С появлением дочки Семенчука произошла кардинальная смена возможности проникнуть туда незаметно. Девушка не засыпала спяну с включенным телевизором. Черников был в отчаянье. Он не мог переступить через экран. Он только высовывался, проверяя саму возможность вторжения, когда девушка при включенном телевизоре уходила на кухню или в туалет. Ну да туалет или ванна — вот возможность для Черникова совершить телепортацию. Он долго ждал, когда подвернется случай.

Включенный телевизор мешал прислушиваться — что делает в ванной девушка. Черников, просунув руку через экран, дотянулся до регулятора громкости и убавил звук, и теперь слышал, как из крана хлещет вода, и Даша, судя по каким-то плесканиям, находится в самой ванне. Черников, придерживая ботинки и курточку, на носочках прокрался в прихожую, и потом еще тщательнее, беззвучно открыл дверь и закрыл ее за собой, и еще в носках стоял на коврике и тоже опасался, что на площадке появятся соседи и быстро обулся, не завязывая шнурков, и завязал их, уже выскочив на простор двора, и там же застегнулся, и прежде вытащил спортивную шапочку из кармана.

Он полностью успокоился за углом дома, хотя и не знал куда идти, и где будет ночевать.

Он зашел в дежурный магазин, работавший до одиннадцати, и снова шел по отделам (молочный, колбасный, кондитерский), вспоминая тогдашний торговый порядок: сначала заказывали продукты, потом шли в кассу, под стрекот кассового аппарата платили, получали чек и потом снова шли к прилавку и забирали товар.

Он вышел из магазина с кульком самых дорогих шоколадных конфет и не хотел их собственно есть, а взял этот кондитерский раритет ради непонятого интереса. И снова запах, шершавость бумажного оберточного рыхлого, и этот сумрачный вечер с одиночеством площадей, перекрестков и освещенными окнами пятиэтажек и реальными не микшированными звуками долгой пустынной улицы.

Из телефонной будке, уже на вокзальной площади, он позвонил Ирине Вайц:

— Извините за поздний звонок. Так получилось. Уезжал, вернулся, хозяева попросили освободить квартиру. Негде ночевать. С гостиницей не поможете?

— Ступайте в гостиницу «Металлург», вам найдут номер. Я сейчас туда позвоню от

директора.

— Мне бы вообще снять квартиру.

— Завтра встретимся, поговорим.

На «ресепшене» женщина лет сорока приняла у него документы без слов, как только он упомянул Петра Иннокентьевича, и Черников окунулся в липкий туман уже забытого советского блата.

Номер был на шестом этаже. Он поднимался в лифте и рассматривал себя в зеркало. Пожилой мужчина в джинсах, в куртке защитного цвета, похожий на старого битника, несколько взлохмаченные седые волосы, но взгляд уже какой-то другой — не черниковский — не растерянный и не рассеянный.

Назавтра случилась встреча с директором. Состоялся деловой разговор. Он порывался узнать возможности Черникова, предложил ему условно работу снабженца, на что получил отказ. Ира сидела рядом.

Быстро решен был вопрос и с жильем. Сначала Черникову предложили общагу, потом Ира, увидев реакцию Николая Степановича, сказала, что квартиру найдет (во дворе знакомая собирается уезжать на долго). После двух его рулонов джинсовой ткани они уже не знали, что думать о нем. Подпольный цеховик в бегах?

В гостинице Черников не хотел останавливаться главным образом из-за телевизора. Ему нужно было отдельное жилье — куда он и переправит телевизор покойного Семенчука. Как это сделать — план уже был.

Рано утром на следующий день, когда Даша ушла в институт, он проник к ней в квартиру с помощью старого ключа. Он снял заднюю крышку телевизора и с волнением (а что если на самом деле сломаю ящик — как вернусь?) нарушил в одном месте контакт — соскреб до основания пайку. Он выбрался наружу и до шестнадцати часов (к тому времени домой возвращалась Даша) гулял по городу.

Даше он представился фронтовым другом Семенчука. Сдержанно огорчился на известие, что товарищ уже на том свете. Он достал бутылку водки, конфеты. Она пригласила его попить чай. Он попросил включить телевизор, посмотреть новости. Она сообщила, что телевизор сегодня сломался. Черников, представившись как раз телемастером, снял заднюю крышку, ну пару минут, стараясь не переигрывать, изучал внутренности ящика, сообщил, что приемник нужно сдать в мастерскую, и что он его заберёт немедленно, но взамен даст другой, т. е. сначала привезет другой, а испорченный возьмет на ремонт.

— Через полчаса заеду, заберу, а вам занесу другой.

— Да что вы. Так разве можно.

— Для моего товарища...

Черников через сорок минут привез на такси новенький, заранее купленный по блату через Паньшева телевизор высшего класса «Горизонт 101» и забрал нужный ему «Рубин». Через неделю он известит Дашу, что телевизор пустил на запчасти, а пусть у нее остается новый.

Как он торопился обратно на свою съемную квартиру (Даша помогла спустить телевизор) и дал пятерку водителю, чтобы он помог поднять ящик на этаж. И водитель, наверное, еще не спустился и не уехал, когда Черников, восстановив контакты, уже врубал телеящик и просовывал руку внутрь экрана.

Квартира, которая устроила ему Ира, была однокомнатной. По ее словам, мать ее знакомой уехала в гости к сыну во Владивосток, помочь с родившимся внуком. Черников не

хотел прикоснуться к чужой постели и спал исключительно в Кишиневе или в «televizoriume». Он укладывался там, на полу на спальный мешок, надувной матрас и перед сном все равно думал, что мог бы попытаться спасти Семенчука (да зайти к нему за день предупредить об инфаркте). Но зато теперь он был обладателем волшебного телевизора.

Отказавшись от работы снабженцем, Черников все равно подносил по случаю Ирине образчики разной мануфактуры (например, чуть опередившие это линейное время «варенки»), потом натаскал разной синтетики для плащей и пару моделей тех самых плащей, предложил делать липучки... Но вот все-таки он старался с Панашевым никак не сближаться, предчувствовал не веселый конец — этим горе-бизнесменам-цеховикам.

Черников направлялся к Ирине Вайц вместе с пиццей купленной полчаса назад в Кишиневе. Она была еще теплой в белой коробке без единой надписи. Он ехал к Вайц в мастерскую (договорились к обеду), и вез еще пару колготок для образца, но скорее как для подарка (не уверенный, что Ирине понравится эта лайкра черного цвета с вульгарным подтекстом).

Черников, конечно, был очарован Ириной. Он ничего не ждал от предстоящей встречи, или ждал, надеясь на какую-то иллюзорную благодарность, в любом случае, у него было хорошее настроение и ничего не предвещало беды.

Но, когда он ступил на порог мастерской (постучал в дверь и, не ожидая отклика, приоткрыл ее), там за порогом его приняли крепкие руки "гебни" (скажем по-честному — пока только ОБХСС). В мастерской продолжался обыск. Кроме бледной Иры, стоявшей у окна, на табуретке сидел возле кульмана Панышев. Среди деятельных сотрудников выделялись два гражданских, наверное, привлеченных в свидетели. На главном рабочем столе, громоздился тюк с джинсовыми рубашками, сверху выкроек лежали пачки денег в банковской упаковке (миллионном здесь и не пахло), а еще на столе навалены были последние тряпки Черникова и остаток рулона джинсовой ткани. Панышев был понур, как будто безоговорочно был взят с поличным. Ирина отстранена, руки сложены на груди, кивнула в сторону Черникова:

— Вот он.

— А вот с тобой я хотел давно познакомиться поближе — резко обратился к Черникову мужчина лет тридцати пяти. На нем был темный костюм, белая рубашка без галстука. Высокий, крепкий, тренированный. С энергетикой освобожденного секретаря большой комсомольской стройки.

Это грубое тыканье, громкий голос, наверное, было приемом экстренного допроса. Черникова немножко повело и екнуло в животе и сердце, ослабли нижние конечности, и только присутствие Панышева, Ирины, и нежелание перед ними растечься в слизь восстановило дух Черникова.

— А я вас не знаю и знать не хочу. — все-таки не проблеял, а внятно сказал Черников.

— Ты арестован вместе с этим цеховиком, но к тебе есть особый интерес. Я пришел лично по твою душу. Как там по паспорту гражданин Семенчук, который не Семенчук, потому что настоящий Семенчук умер месяц назад. У меня уже есть постановление на эксгумацию. Будем говорить? Откуда импортное шмотье? А это что? — Он расковырял коробку с пиццей. Потом ему передали упаковку, с колготками изъятую из кармана брюк Черникова:

— Это что за похабство? — он сплюнул на пол. — Наручники и в машину.

Маслов Анатолий, принадлежавший все-таки уже к послевоенному поколению, был сыном районного партработника. Маслов отличник, спортсмен, в юности по наивности чистосердечно хотел служить в органах. Ему уже объяснили, что органы не любят инициативников и инициативу пришлось проявить отцу. По протекции вышестоящих друзей, после иняза сына направили в Новосибирск на дополнительную учебу. Разочарование пришло быстро. Ресурсов отца уже не хватало. В шпионы его не взяли. А недавно вообще сослали из контрразведки в отдел по защите конституционного строя.

Маслову с переходом в пятый отдел пришлось много читать. Не сильный его конек. Но, например, Трифонов зашел легко, "деревенщики" — там Шукшин и другие — не очень. Высоцкий ему нравился без энтузиазма, но и вся эта западная музыкальная дискография, прослушанная не только на спецсеминарах скорее были больше об эрудицию, но не о вдохновении. К тридцати годам идеология в ее демагогическом склонении у него полностью выветрилась, а пустоту заполнили оправданный эгоизм и цинизм. Националисты — что-то примитивное. Евреи — не дураки. Голос Америки — настоящие последние новости.

Он тянул эту лямку без иллюзий. Досрочно званий не получал, жену давно не любил, но не бросал ее из-за сына и все-таки тоже из-за карьеры. Видный, высокий, статный он свои комплексы несостоявшегося шпиона успешно вымещал многочисленными любовницами, а в последнее время и рукоприкладством к своим подследственным.

Совсем недавно по необходимости (не хватало людей), контрразведка ввела бывшего коллегу в несложную операцию. Он должен был быть на связи с Ириной. Но возомнил из себя куратора, слишком инициативно докладывал руководству. Ведь дело неизвестного старика с документами Семенчука дохнуло на него предчувствием смутной большой удачи, когда он прочел коротенькую справку на покойного. Второй секретарь обкома подтверждал, что Семенчук лично знаком с Брежневым (в годы войны был недолго его личным водителем), что в прошлом году он передавал Семенчуку приглашение в Кремль на 9 мая, и еще раньше занимался обменом его квартиры. Из ОБХСС сообщали, что все изъятые материалы псевдо Семенчука имеют явное иностранное происхождение.

Приготовлялась гремучая смесь: разветвлённая сеть цеховика Панышева, уходящая куда-то высоко-высоко (что понадобилось межведомственно присылать для внедрения Ирину Вайц), скоропостижная смерть Семенчука (однопольчанина Брежнева) и, наконец, неизвестный старик с иностранной подкладкой.

Маслов регулярно встречался с Вайц. Штучка была не простая. На конспиративной квартире при первой встрече он попытался изобразить что-то вроде ухаживания не по легенде, а наяву, но получил хорошо поставленный удар ниже пояса. Он обратил все в шутку. В компенсации она обещала воздержаться от рапорта. Но в отношениях "псевдолюбовников" пробежала большая черная кошка.

Черникова Маслов избил на допросе, даже не потому что последний молчал, а потому что чесались руки, потому что узнал, что за Черниковым скоро должны прилететь из Москвы. Потом допросить Черникова хотели из ОБХСС. У них после экспертизы сигарет "Мальборо" возникла куча вопросов.

Старик упрямо молчал. Из носа торчал окровавленный кусок ватты. Маслов вновь почувствовал этот прилив ненависти к этой тщедушной слабости старика, к его увядшей

куриной шеи, дрожащим рукам, которому хотелось сломать, перебить хребет.

А Черников молчал на допросах, потому что не знал что говорить. Ему все равно никто не поверит и еще он никого не хотел пускать в эту тайну масштаба всего мироздания, не хотел пускать даже вопреки своему ничтожеству.

Ирина была только на первом допросе, чтобы у Черникова не оставалось сомнений. Похудевший осунувшийся от бессонницы, он продолжал несколько дней молчать, даже не требуя адвоката. От прилетевшего кулака Маслова, он легко потерял сознание. Доктор сказал, что старик совсем плох — не перестарайтесь. По разговору Черников еще понял, что когда его откачают, возможно, применят спецсредство. Наверное, такой укольчик, сыворотку правды. Это было в пятницу, и в субботу он еще лежал в санчасти под капельницей. В воскресенье он попросил вызвать Маслова, и заявил ему, что пусть его доставят на съемную квартиру, по Гончарова 7. К нему должен, начиная с понедельника, прийти некий дядя Гриша из Бреста (примитивная выдумка) и только после ареста посланника Ми-6 (примитивная выдумка 2), который станет его свидетелем, Черников обещал дать откровенные показания.

— Та, что ты там — про Ми-6. - с усмешкой переспросил капитан Маслов.

— Я начинаю сотрудничать с вами. Выполните это условие.

— Почему он зайдет к вам? Почему вы не встретитесь в парке, в театре?

— Он должен подвезти много вещей.

— Как он выглядит?

— Чем-то похож на вас.

— Напишешь все подробно и по слогам. Есть какой-то предупреждающий сигнал — там цветы на подоконнике?

— Приоткрытая форточка на кухне.

— Это шутка?

— Нет, это вроде пароля.

— Кстати какой пароль?

— Нет никакого пароля. Он постучится и спросит Семенчука.

— Панышев в курсе?

— Панышев не был в курсе об этой другой моей деятельности. Ни тем более Семенчук.

— Зачем вы забрали телевизор Семенчука?

— Познакомились перед Новым годом. Дядя Гриша просил достать старый непримечательный телевизор. А я уже договорился с Семенчуком о продаже «Рубина», а он взял да умер, пришлось сделать обмен с его дочкой.

— Что-то темнишь с телевизором. Хотя его уже осмотрели. Зачем именно такой телевизор?

— Вам лучше знать. Под радиостанцию замаскируют?

— Как твое настоящее имя? Во время войны был на оккупированной территории?

Черников здесь смекнул — пора и заткнуться. Этот цепкий майор вывернет его наизнанку.

— Все, я устал. Принимайте решение. Письменные показания дам завтра на моей съемной квартире.

— Во сколько он может прийти?

— Не знаю, да хоть с утра.

Его перебросили на квартиру ночью, на скорой помощи без сирены. Он набросил на

плечи белый халат, в руке держал докторский чемоданчик. Черников поднимался на третий этаж в сопровождении Ирины переодетой в фельдшера. Он попытался расслабиться, смотрел на нее сзади, начиная с первого этажа, смотрел на ее бедра, на ее стройные ноги, обутые в босоножки, которые он подарил еще в мае. Дверь его съемной квартиры отворилась без стука. С Черникова сняли халат, его надел молодой мужчина, и Вайц, улыбнувшись, поправила ему воротник.

— Васильев, не торопись, уйдем чуть попозже. Должны осмотреть больного, поставить диагноз и сделать укол. Минут десять-пятнадцать, не меньше.

— Так что тогда чаю?

— Не откажусь.

— Вы проходите, — молодой человек уже в белом халате обратился к Черникову, — Можете прилечь на свой диван, а мы будем на кухне. Но без фокусов.

Форточка на кухне была приоткрыта. Окно занавешено. Другой охранник остался с Черниковым, сидел в темноте, устроившись в кресле.

— Мне тоже чай и бутербродов, — попросил этот охранник.

— Николай Петрович — не голодны? — вдруг подала голос девушка.

— Не откажусь.

— Идите сюда.

Они ели бутерброды из докторской колбасы, пили грузинский чай.

— Там в серванте конфеты и шоколадки. Принести? — предложил Черников.

— Да видели, видели. Этот реквизит уже описан. — ответил Васильев.

— Тогда спокойной ночи — попрощался Черников.

Девушка только кивнула.

Черников шумно раздвинул диван, не удержав спинку со сломанным механизмом, разделся, но долго не мог заснуть.

Он увидел, как на кухне после телефонного звонка выключили свет и продолжали пить чай в полутьме. Похоже, им приказали поменьше отсвечивать.

— Но масло из холодильника можно? — спросил Васильев,

— Прекрати — ответила девушка. — Будет тебе от Маслова.

Оба они рассмеялись.

— А ты видела эти колготки черного цвета. Я бы хотел увидеть их на тебе.

Черников ночью спал и не спал, просыпаясь от бодрого храпа сотрудника, сидящего в кресле. Васильев, вернувшейся после отъезда скорой, все время стоял у окна за занавеской. Под утро его сменил охранник-храпун, и Черников провалился в тяжелый предутренний сон-сновиденье.

В девятом часу его разбудили. Он умылся, почистил зубы. Позавтракал, съел яичницу. Притворялся, медленно шаркая по паркету, как ему плохо и тяжело, какой он старый и дряхлый. Рухнул в неубранную постель, потом с трудом поднял, опустил лежак и спинку диван-кровати. Простыни, одеяло засунул в шкаф и потом, щурясь, как будто он без очков ничего не видит, посмотрел программу ТВ на понедельник: 10.00 «В мире животных». (цв.). 11.00 «Клуб кинопутешествий». (цв.)... Он потянулся, не спрашивая, так естественно, аполитично и вольно врубил телевизор под музыку заставки «В мире животных». Васильев не среагировал (он делал разминку, отжимался от пола). Второй сотрудник позвал его выпить чай. Черников весь напрягся (еще сильнее скрючился), смотрел только в телевизор (ящик работал!). Он как будто услышал, как разогреваются электровакуумные триоды —

ламповые транзисторы. Васильев, оглянувшись на Черникова (последний это мог почувствовать только спиной), удалился на кухню, вот на минуту вышел из комнаты, а второй еще не входил. Прыжок Черникова был львино-пантерный — какой-то в одно касание пола толчковой ноги и бесконечный точный полет — залет в экран телевизора. Получилось! Он валялся на полу распластаный в своем зазеркалье. И уже вдаль уходил ряд с «Рубинами», лежащих плашмя, на полу без ножек. А чуть вдали такая же плотная однородная группа телевизоров «Панасоник».

Он лежал, опершись локтями, смотрел в телевизор, как в квартире пробили тревогу, матерясь, забегали, затопали два лейтенанта, проверяя окна и дверь, как сюда примчались из квартиры напротив еще два сотрудника, а потом телевизор выключили...

Старшего лейтенанта Васильева уволили из КГБ. Бывший пограничник не унывал. Не посадили и даже не разжаловали, отправили служить в десантуру. В декабре 79 он не был среди первых кто с ограниченным контингентом входил в Афганистан, его очередь наступила в феврале 80. Он потом позже, уже в 90, при случайной встрече с Ириной Вайц, сначала вспомнили со смехом испарившегося Семенчука (Черникова), а потом рассказал про Афган:

«5 февраля, на обыкновенном пассажирском самолете, в котором была стюардесса и разносила минеральную воду и булочки, летели из Ферганы — в Кабул. Горы, припорошенные снегом, все серо, убого, сильный холодный, ветер. Через несколько часов вышли на аэродроме Джелалабада. Субтропики. Светит солнце, зелено, птицы поют, на небе ни облачка. Из-за жары ходили в тельняшках. Из аэродрома дорога в лагерь. По обе стороны — рощи из апельсинов, очень бедные кишлаки, глина, солома, и дети, стоящие вдоль дороги, кричащие «бача бакиши» ...потом в горах обстреляли...он кричит, у него пол ляжки оторвано, а я растерялся от шока, забыл, что у нас у всех есть обезболивающие, вспомнил, сделал... Апельсины, мандарины, лимоны, грейпфруты...практически каждое утро начиналось с них. Апельсиновые сады были на территории бригады, но когда свои апельсины съедались, ходили через минное поле в близлежащий сад. А какой запах стоял, когда сады цвели, голова кружилась...».

Каркас узкой (чтобы могла пролезть в телевизор) двухметровой тележки сварили ребята из гаражей. Днище тележки застелили фанерой, установили промышленные колеса.

Черников еще купил новенький складной белорусский велосипед «Аист». Машинка была небольшой, с «женской» рамой. Он опробовал его, обкатал в *televiziogume*. Ездить было легко по совершенно гладкому ровному полу. Его огорчали маленькие колеса, но велосипед больших размеров он не смог бы сюда пронести.

Подростковый «Аист» бодро тянул на привязи даже нагруженную тележку.

Черников наслаждался скрипом педалей, шорохом колес велосипеда. Эти звуки были даже лучше какофонии множества включенных телевизоров.

Он неделю лихорадочно готовил припасы в дорогу. Овощные, мясные консервы, минеральную воду он купил в Кишиневе, хлеб, всю молочку, включая сметану — в советском 76. Фрукты, батарейки, переносную газовую плитку вместе с баллоном — опять в Кишиневе, консервы рыбные — только в Н, салфетки, бумажные полотенца — в 2000...

Он откладывал и откладывал выезд по разным причинам. Сначала залечивал раны, потом снова тестировал белорусский велосипед, волок на привязи тележку (из запасов ничего не трогал, а только подбавлял и докладывал книги, кассеты, батарейки, другую жратву). Он уезжал и возвращался назад в разные стороны. Уже потерял надежду быстро найти оазисы других телевизоров.

Он зачем то перед самым выездом снова залез в самый первый «переходной» телевизор 76 года и снова увидел спящего Семенчука. Живого!!!

27 августа 2000 по последнему кишиневскому телевизору...

В путь, дорогу.

Он не знал, как вернуться назад. Компас здесь не работал. Для ориентира Черников предполагал оставлять самый разный мусор в пределах видимости. Человеческий глаз, как утверждают, ночью способен увидеть горящую спичку на расстоянии в километр. Поверхность Земли в поле зрения начинает искривляться примерно на расстоянии 5 км. Здесь, похоже, никакого искривления не было. И светящийся телевизор можно было увидеть в бинокль и за 50 км (судя по китайскому спидометру).

Самое главное это борьба с тишиной. Он записал на кассеты радиопередачи, а потом просто подряд накупил всякого аудио — диски с аудиокнигами, с классической музыкой, лекции, радио спектакли, поп музыку. Отдельная история с генератором, который подзаряжал батареи от вращающихся педалей. Потом сотня батареек для CD плеера. Три пары наушников. Но впрочем, вначале хватало шелеста колес и поскрипывания сиденья, постукивание педалей и дребезжания груза в тележке — все это заглушало, забивало абсолютную тишину, при которой слышны были удары собственного сердца.

Насколько меня хватит? — задавался, конечно, вопросом Черников.

Он надеялся встретить новые телевизоры?

Он надеялся на светящиеся поля телевизоров?

Механические и электронные часы (он захватил и те и другие) что-то да отмеряли, и электроника подавала сигнал по прошествии суток.

Он давно ехал в трусах, майке. Температура была стабильна — 22 градуса.

Он давно бросил теплую куртку как ориентир. Потом шапку, тяжелые сапоги.

Он сначала боялся добраться до Северного сияния и сибирских морозов?

Он крутил педали и в этой почти бестолковой работе (белка в колесе) он все равно находил смысл и последнюю радость. Он совершал движение (а может он стоял на месте в иллюзии велотренажера — пейзаж оставался одним и тем же). Он бросал через несколько километров (отмерял по таймеру), когда нужно было метить пространство очередным предметом — бутылку из-под воды или клочок обёртки, бумажную салфетку или шкурку банана, или дырявый носок (значит, все-таки, трение было в кроссовках). Спал он сначала в спальнике на гусином пуху (заползал вовнутрь), потом спал просто лежа на этом спальнике).

Ни рассвета и ни заката.

Сурдокамера, барокамера?

Сны о Земле. Там вдруг счастливый момент, непонятная поволока памяти затуманенного сознания. На раме своего байка он отмечал красным фломастером палочкой минувший день. Шесть коротких палочек и потом — длинная.

Неделя, другая, месяц...

Заканчивались продукты. Он продолжал только пить. Он стал чаще делать остановки, лежал ослабленный на спальнике и реагировал только на попискивание таймера, и уже не реагировал на тишину, и не мучился подзаряжать батарейки, и все реже (с большими перерывами) кидал мусор для ориентира, и не смотрел куда ехал, крутил педали с закрытыми глазами, крутил, крутил и крутил...

Черников перестал бояться сойти с ума от бесконечного одиночества, потому что он на самом деле сходил с ума.

Иногда ему нестерпимо хотелось болтать, говорить, до хрипоты орать песни без слуха и голоса. Сон стал коротким тревожным. Просыпаясь, он бросался к велосипеду, разгонялся, но бодрость быстро сменялось усталостью. Было и так, что в какой-то момент, он вдруг засыпал на ходу, и заваливался с велосипедом. Он лежал на полу, засыпал, и оказывается, мучился отсутствием сквозняка, похолодания... А наслаждением было лежать на жестковатом полу, и потом подкладывать одеяло, подстилку под тело, подушку под голову (наверное, здесь все-таки не могли отменить гравитацию, закон тяготения).

Умываясь, он проливал воду на пол и теперь долго вел наблюдение, как растекалась она, как физически осуществлялось ее поверхностное натяжение, как она не медленно и не быстро (но все-таки медленно) наглядно под недолгим наблюдением испарялась.

Он вспоминал свою жизнь и сначала все самое светлое: детство, вдруг, явственно голос мамы...

Он разводил костерок, чтобы согреть консервы. Потом закончились все дрова, таблетки сухого спирта. Он стал меньше есть и не от того что еще сокращались запасы продуктов, а от того что на нервной почве исчез аппетит. Он теперь подолгу лежал на полу, закрывая глаза — теперь единственным источником информации оставалась его память. Он поедал свою память, свое сознание.

Он похудел, обессилел. Вся рама велосипеда была помечена красными палочками. Он действительно продержался четыре недели. Он уже понимал, что обратной дороги нет.

У велосипеда сломалась задняя вилка. Черников поковырялся, даже не смог ее раскрутить (по правде все уже было безразлично). Он хотел одного — упасть и больше некуда не двигаться. Выпив воды из предпоследней бутылки, он, шатаясь отцепил велосипед. Сначала он толкал тележку перед собой за прикрученные ручки (выбросил все лишнее — коробку с книгами, пустые канистры), потом обвязался веревочным канатом,

впрягся бурлаком. Тележка катилась за ним легко, а он шагал тяжело, но шел.

Отвесная стена, простирающаяся бесшовно в высь и ширину, сначала мерещилась издали, а потом стала явью.

Ровная гладкая стена из непонятного материала преграждала все пространство.

Собственно пол был из подобного материала только с другим оттенком. Пол был скорее песочного цвета, а эта стена скорее с примесью серого.

Глухой непроницаемый барьер по всему фронту. Черников теперь волок себя и тележку вдоль стены и был рад хотя бы тому, что дошел до края. Можно было поворачивать назад. Но почему эта стена?

Он увидел непонятный объект, лежащий у самой стены. Он шел, бросив тележку (сначала попытался бежать) к нему долго, убедившись уже в бинокль, что это человеческое тело. Скорее ребенок.

Девчонка лет 10–12, тощая замарашка, привалилась к этой серой стене, как брошенная сломанная кукла. Черников боялся предположить, что она мертва. Он некоторое время стоял, не смея подойти. Платье толстое грубое шерстяное. Нечёсаная голова с вздыбленным клоком волос. Лицо восковое, с глубокой бескровной царапиной на щеке. Он все-таки подошел, потрогал ее за руку и потерял сознание.

Он очнулся. Он лежал на полу, и его за руку держала ожившая девочка. Она была слабой, пошевелила губами, и Черников не услышал, а вдруг понял, что она говорит.

— Извини, это я подкачалась твоей энергией. Была полностью разряжена после взрыва.

— Какого взрыва?

— Не видишь — стена? Это как в подводной лодке во время аварии закрываются наглухо переборки.

— И что это значит? (Он пропустил вопрос: а что ты девочка знаешь о подводных лодках?).

— Пока не знаю. И я не человек, я робот. После взрыва я лежала разряженной, а ты прикоснулся, и я смогла подзарядиться тобой.

— Хочу пить. — пошевелил сухими губами Черников.

— Прости это будет выглядеть не эстетично. — здесь она отцепила его пустую фляжку с ремня, поднесла ко рту и излила туда тихонечко скромно без из рыганий какой-то жидкости. — Пей это очень полезно. Самый эффективный коктейль. Я его охладила до 13 градусов.

— Почему 13? — спросил Черников, даже брезгливо не потянулся к фляжке.

— Прими это как лекарство. А 13 градусов соответствует температуре большинства подземных источников пресной воды.

— Что будем делать? — спросил он, утолив жажду, этой приятной гадостью.

— Судя по показаниям где-то рядом есть окошко.

— Какое окошко?

— Ну телевизор. Нам нужно добраться до ящика и там восстановится.

— Что за телевизор?

— Из двадцать первого века, не далеко от тебя...

— Так куда идти?

— Сигнал шел из той стороны.

— А как ты ловишь сигнал?

— Старые телевизоры с электроннолучевой трубкой фонят сильнее, а жидкокристаллические характеризуются в основном низкочастотными электромагнитными колебаниями.

— Меня шатает, не знаю смогу ли идти.

— Не бойся, не брошу, хотя я тоже в режиме ультра-экономии.

Он просыпался, впадал в беспамятство, только ощущая мягкое убаюкивающее покачивание. Девочка несла его на руках. Он просыпался и засыпал и чувствовал только эти медленные гипнотические качели...

Сколько они так шли? Час или день или неделю? Почему она не уставала?

— Где мы? — Черников шевельнулся, осматриваясь вокруг. Он лежал на мраморном полу какого-то супермаркета бытовой технике. Внутри салона включен только дежурный свет. Кругом ряды с телевизорами, мониторами и другой электронной хренью. Слабость во всем теле отнимало последнее желание подняться, но голова прояснялась. Потом показалась девчонка с двумя кулками.

— Сейчас нормально поешь. Держала тебя на уколах.

— А где мы?

— Уже близко твоя локация. Это Кишинев 2020. Нашла "проходной" телевизор, он был в магазине.

— Нас не найдут?

— Сейчас глубокая ночь. Охранники крепко спят. Поставила блокировку на сигнализации и видеокамеры. Потом маскировочные поля. Ты сейчас невидимка. Потом решила сходить в магазин — тебе надо поесть. Ночью мало что работает, пока нашла дежурный маркет. Потом разбиралась с деньгами. Сняла что-то в банкомате. Продукты проверила только первичным анализом. Здесь, какая-то эпидемия, ходят в масках. Бактериологический, биохимический анализ крови — ничего критического... Главное я зарядилась по полной...

— Как тебя девочка звать?

— Назови меня как-нибудь. Мне не нравится мое последнее имя.

— А предпоследнее?

— Назови меня как-нибудь.

— Марфа.

— Это у вас называется шуткой?

— Эвелина.

— Неплохо. Эвелина Ганская, урожденная Ржевусская. «Ваша душа прожила века, милостивый государь, а между тем меня уверили, что Вы ещё молоды, и мне захотелось познакомиться с Вами»...

— Я это где-то слышал.

— Это из письма Эвелины Ганской Бальзаку, и я уверены — вы это помните.

— Почему вы уверены, что я это помню? — Черников смутился от чудовищного допущения — Девочка ты читаешь мои мысли?

Они вышли наружу, когда проехал первый троллейбус. Она не боялась видеокамер и смогла открыть дверь, не прикасаясь к ним. Они распахнулись навстречу вопреки всем своим механическим, электронным засовам.

Черников не заметил в городском пейзаже радикальных изменений за минувшие двадцать лет. Больше машин. Поменялись вывески, но базар оставался на том же месте. По правде его мало интересовало кто сейчас у власти в Молдове, там, наверное, тоже поменялись вывески, но базар оставался на прежнем месте.

Они шли по центру города. Раннее утро. Рядом бойко шла эта пацанка. Она была грубо коротко стриженная, на ней болталось чуть длинное шерстяное платье слишком толстое для августа и намекавшее, что эта попрошайка ночь провела на улице. На ослепительном солнечном свете она чуть жмурилась, кожа лица была бледной, и глаза вдруг удивительно голубые, и совсем жалко смотрелись на ее ногах тапочки. Черникова примеряла с этим убогим подростком убежденность в собственной ущербности: костлявый, дохлый небритый старик со своей внучкой выбрались из подвала погреться на солнышке, и потом позавтракать на помойке.

Они шли по центральной улице Кишинева, пересекли Бендерскую и Болгарскую. Некоторые светофоры обзавелись секундомерами, и это было забавно и философски: в сутолоке проспекта стоять, смотреть, как отсчитываются секунды, течет Время. Великолепна была тротуарная плитка. Они пересекли Армянскую, Хынчешть, улицу Еминеску, которая раньше была Комсомольская, и Черников хотел что-то сказать Эвелине, но не сказал, а хотел вспомнить: что здесь было кафе «Днестр»... Но ничего не сказал, да она и не спрашивала, а вполне возможна и все прочитала в мыслях. Они свернули на эту улицу Еминеску-Комсомольскую, прошли мимо бывшего Театра оперы, мимо бывшего Театрального кафе, мимо бывшей 15 школы, поднялись до улицы Киевской — «31 августа», остановились на улице Пушкина, возле Дома печати, и ждали зеленый свет. Через квартал попали в парк Пушкина и там присели, не сговариваясь, на скамейку (Черников снова подумал, что она похоже перехватила его желание присесть).

— Что будем делать? — спросил он.

— Нужно отсидеться, отлежаться. Ты очень плох. Нужна тотальная регенерация твоего организма.

— Интересно, а я жив в 2020?

— Я уже прокачала сети. Ты умер лет десять назад.

— А кто же тогда я сейчас? И что такое регенерация организма?

— Ты правильно понял — обновление, омоложение! Остановимся в мини-отеле. Здесь их много. Документы я сделаю. Сейчас подключусь к интернету. Мне нужно посмотреть, как выглядят паспорта. Тебе поменять имя? Не засыпай. Я, скажем, буду твоей внучкой...

Они поднялись несколько кварталов вверх. Черникова шатало, он уже ничего не хотел — только доползти до кровати.

Девочка шла, поддерживая старика, и он плохо помнил, как они оформлялись в гостинице. Договаривалась на английском девчонка, нагло, что-то втюхивала им, откуда-то возникшие, оказывается шведские паспорта, потом расплачивалась карточкой. В номере стояла двуспальная кровать, и Черников провалился в нее как в омут.

— Сколько мы здесь? — спросил Черников. Он оглянулся. Девочка сидела с телефоном в кресле у окна, закинув ноги на подоконник.

— Планета Земля сделала три оборота, — непонятно серьезно или, шутя, сказала девчонка. На ней тот же толстый шерстяной свитер-платье. Чего она замерзла от кондиционера?

— Три дня что ли?

— Первый тест пройден. Субъект подает признаки сохраненного интеллекта. — она, улыбаясь, повернулась к нему.

Черников присмотрелся к девчонке, с нарастающим ужасом. Перед ним сидела другая девчонка — ему померещилась его подружка-попутчица из поезда 48 года. Они вместе ехали

до Москвы, там расстались. И ее лицо все же было каким-то не полностью точным тем, а немножко другим, каким оно могло стать годом позже, а то и два. «Ну да это Солярис! Эта машина умеет менять внешность, бесконечная адаптивность, изменчивость, просканировала всю мою память, выбрала девочку, с которой я больше не встретился...»

— Я уверена, что тебе приятнее будет общаться с этой девочкой. А для меня это, как поменять одежду. За три дня ты, похоже, восстановился. Нам пора уходить отсюда, чтоб не привлекать внимание. Лучше уехать за город. Мне нужно сделать тебе переливание крови. Это будет твоя первая регенерация. Вообще первые регенерации самые эффективные — лет на двадцать — тридцать станешь моложе легко. Но следующие принудительные регенерации имеют плечо по короче и костыли нужны будут длиннее. После переливания, вместо крови будет другая плазма, которая откроет простор для перестройки организма: титановая прочность скелета, слух в диапазоне от ультразвука до инфразвука, зрение с переменным фокусным расстоянием, наконец, в коре головного мозга выращу биопроцессор. Кстати, вместо опухоли у тебя в голове и поместим компьютер.

За ними приехало вызванное такси с надписью и логотипом Яндексa. Они проехали мимо американского посольства, и машина вздрогнула на искусственной неровности спящего полицейского. Потом они уже спускались по Пушкина вниз, пересекли центральный проспект, все это было медленно, медленно с пробками на перекрестках и долгим стоянием у светофора,

Только за городом они выбрались на простор. Машина поехала с ветерком. Эвелина сидела спереди, пристегнутая ремнем, интересовалась у водителя — насколько экономична гибридная тойота.

Они остановились в каком-то селе. Девчонка сняла целый дом на окраине. Второй этаж был не достроен. За домом раскинулся небольшой сад, и в дальнем углу в заборе была калитка с тропинкой, ведущей к местной речушке.

— Что пообедаем, — предложил Черников, пройдясь по дому, сбросив сумку с одеждой, намекая, что кому-то надо идти в магазин.

— Никаких обедов перед переливанием. Она уложила Черникова в кровать, совсем нечистоплотно, даже не помыв рук, легким прикосновением воткнула пластиковую коктейльную трубочку сначала ему вену одним концом, а потом себе — другим, и он почувствовал как в сосудах, что-то зашипело щекотно, и ее жидкость-плазма потекла по его капиллярам.

Черников легко спрыгнул с крыльца, потягивался, удивляясь этому забытому ощущению все здоровья.

— Лови, — крикнула Эвелина, и Черников так спонтанно, но ловко поймал пустую бутылку.

— Ты что?

— Брошенный бейсбольный мяч летит со скоростью 47 м/с. Я бросила бутылку немного быстрее и ты ее словил как профессиональный кэтчер. Так кто кому должен задавать вопрос.

— Это мои новые способности?

— Самое главное ты должен научиться управлять обновленным телом. Закрой глаза.

— Зачем?

— Закрой. Что ты видишь?

— Ничего.

— Напрягись. Ты должен идти вперед, а ничего не видишь. Заставь себя сделать шаг вслепую. Ты должен почувствовать и преодолеть этот страх, неудобство.

— Я ничего не вижу. — Черников сделал шаг, потом вытянув руки, еще.

— Опустит руки и сделай шаг, поверни налево.

— Там же яма.

— Преодолей страх, сделай шаг.

— Вижу!!! — закричал Черников, сделал шаг, переступив через ямку. — У меня как включился экран... я все вижу!

— Как у тебя случилось с телевизором? — допрашивала Эвелина

— Новый год. Купил телевизор. 2000 год Миллениум. И вот за полночь обнаружил, что могу перелезть через экран и полез в него и, там, рядом стоял другой телевизор. Из 1976 года и там тоже был Новый год — 1976. В комнате спал мужчина, и я смог залезть в комнату и потом выйти на улицу и, значит, оказался в 1976 году. Как мне это объяснишь?

Черников сутки напролет сидел, ходил по двору с закрытыми глазами и смотрел по воображаемому экрану новости минувшего двадцатилетия: взрыв близнецов башен, окончание чеченской войны, первый черный Обама, бессменный некогда бесцветный Путин, совершивший рокировку с Медведевым, война с Грузией, американско-иракская война, и эта наступившая эра интернета, смартфонов, реального видеотелефона в образе «Скайпа» или же «Вайбера», казнь Саддама Хусейна, казнь Кадафи, новые фильмы, новые кинозвезды, новые чемпионы и маньяки, новые книги, нобелевские лауреаты и так пока не решенная проблема с термоядерным синтезом, и пока некуда не девшаяся актуальная амплитуда цен на нефть и на газ... настоящий «большой рывок» Китая, наконец, конфликт России с Украиной — отсроченная гражданская война после распада СССР.

Он удивлялся, что глаза не болят от мелкого текста, а еще он мог прослушивать ролики с убыстренной в два раза речью (и не важно на каком языке). Но потом он стал как больной сенильной деменцией то и дело отключаться, проваливаясь в себя. Эвелина успокоила, что это синдром перегруженного сознания.

Утром они бежали по крутой тропинке вверх. Речушка прорезала здесь глубокий каньон, а Черников, прислушиваясь к своему организму, набавлял, набавлял скорость, чувствовал, слышал каждый шершавый толчок кроссовок.

Мокрая футболка уже давно была снята. В какой-то момент, не в силах удержать себя, он с разгона сделал прыжок через пропасть и пролетел легко метров десять с каким-то совершенно точным и липким приземлением на каменистый пятачок мыса.

"Она заставляет меня прочувствовать свое новое тело до последнего выхлопа".

Он хотел попросить у девчонки зеркало, но сообразил просто закрыть глаза и увидел себя со стороны, и, потешившись этой новой своей способностью, он уставился на себя: нет, радикального внешнего омоложения пока не случилось...

Эвелина всегда спала не раздеваясь в джинсах, в футболке, иногда не снимала и кроссовки. Но все на ней было чистенькое и выглаженное и на кровати и простыне она не оставляла и намеков на грязь. Она никогда не ходила в туалет, не потела, не мыла голову и вообще не мылась, и не пользовалась косметикой. Черников поначалу даже принюхивался к ней, как бы невзначай прикасался или тюкался ей в плечо и в шею и в волосы и всегда поражался свежестью ее кожи и изысканному амбре.

Все что она ела и пила чуть чуть подзаряжала ее аккумулятор.

Где твоя батарейка?

Эвелине было все интересно: она любила заходить в магазины ощупывала одежду, обувь, лекарства в аптеке. На базаре пробовала местные фрукты, очищенные орехи, принюхивалась к коробке с чаем (на нее смотрели с усмешкой, не зная, что она сканировала коробку, пробивала все эти преграды из упаковки — вдыхала аромат китайской камелии). Она шла по улице с привычкой прикоснуться к капоту машины (наверное, интересовалось устройством движка "бмв"). С ней интересно было совершать пешие прогулки вокруг села, останавливаться возле кургана, и она по «просьбе трудящихся» замирала, прикрывала глаза — сосредотачивалась и потом монотонно докладывала: «два захоронения: некрополь в виде кургана, высота 1,75 м от древнего горизонта. Насыпь овальной формы, в поперечном сечении 32 и 26 м. Вершина кургана уплощена, южный склон пологий. В северо-западной части — грабительский ход. Из находок — кости и зубы животных, фрагменты девяти амфор, обломки одной чернолаковой миски, обломки лепного кувшина, бронзовое зеркало, железная подпружная пружка, бронзовый литой котелок. Больше ничего интересного...»

Эвелина выглядела лет на 15 и служила таким продолженным воспоминанием об этой попутчице: из тех уже спутанных подростковых реминисценций. А теперь, он мог, по другому, по взрослому подтвердить, чем нравилась ему эта девчонка, уже возрожденная девушка. Ну, эта общая симпатичность — украинка-полька, светлые волосы, какая-то нежная стройность, длинная шея, осанка... И что-то вновь отзовется в груди с замиранием в сердце — вот она улыбается глядя тебе в глаза, раскрасневшись, забравшись в гору, ты подходишь к ней ближе, ближе, мягкое четкое очертание губ, бусинки пота на гладком лбу, все ближе и ближе растворяясь в ее глазах...

— Ей было 12–13?

— Ну да, где-то класс шестой.

— И что ты помнишь?

— Я помню она в матросской форме.

— Ну ладно когда доберемся до секса, надену школьную форму.

Она часами загорала на солнцепёке в купальнике, сидела себе на лужайке в позе лягушки (подобрав ноги под себя), и в это время, оказывается, шла интенсивная подзарядка аккумуляторов.

У Черникова было свое расписание: рано утром пробежка, потом все-таки завтрак

приготовленный Эвелиной. После завтрака он шел на прогулку с мольбертом, на дальней опушке изображал из себя художника. На самом деле отрабатывал урок концентрации внимания. В самый неподходящий момент менторский голос Эвелины звучал в голове:

— Пища по-разному влияет на работу мозга. Например, «быстрые углеводы» — белый хлеб, конфеты, кондитерские изделия — провоцируют выброс глюкозы в крови. Человек чувствует прилив энергии. Однако затем уровень сахара достаточно быстро падает, человек ощущает усталость и уже не может ясно мыслить. Медитируй, найди визуальную точку концентрации, сфокусируйся до предела, например, разглядывая ворсинку кисточки, как будто включи микроскоп — хорошо видна структура объекта: луковица, чешуйки и стержень, видны естественные повреждения волоска в виде изломов и секущихся кончиков. Видишь?

— Вижу!

— А теперь отдай себе приказ: "я хочу услышать, о чем говорят две женщины на той стороне реки". Слышишь, что они говорят?

— Слышу! Ругают кого-то по-румынски с матом по-русски.

— Расслабься, совсем расслабься. Достичь полной концентрации можно только при условии, когда человек чувствует себя в безопасности.

— А я еще человек?

Они вернулись в Кишинев в сентябре 2020.

Жара отвалила. Резко наступила осень. Стекла маршрутки то и дело покрывались моросью.

Эвелина вела себя, как обыкновенная девочка, но может быть, чуть увереннее расплатилась с водителем и указала своему спутнику — присесть у окна. На это можно было пофантазировать — дочь заботится об одиноком отце (уже помолодевший Черников сбросил моральную схиму безнадежного деда). Потом она заставила предка съесть яблоко и подала ему салфетку, забрала огрызок себе в кулек.

Он уже многое знал, что изменилось здесь в республике и в Кишиневе. Кто там, у власти и кто такой Плахотнюк и Санду. Двадцать лет прошло, но это оказалось так мало.

Сплошная мобильная связь, компьютеры, предсмертие телевизора, тротуарная плитка, бордюры, засилье автомашин и пронырливых самокатов, стеклопакеты и карантинные маски.

Он, конечно, еще подумал сходить на свою могилу, потом узнать что с его квартирой. Прямых наследников нет. Потом вспомнил кого-то еще, каких-то знакомых. Да, всем его погодкам — грядут юбилейные 90, и 90 процентов из них уже на вечном покое...

Эвелина напомнила, что надо выкупить телевизор, через который они проникли сюда. Она не прекращала мониторить этот экземпляр 50 дюймового смарт-лед-4к телевизора.

— Дорогая панель — никому не нужна. Ждет не дождется нас в том магазине. Но сначала снимем жилье.

— Снова в гостинице?

— Обратимся в агентство недвижимости — лучше снимем квартиру.

— А зачем нам квартира?

— Чтобы поставить там телевизор.

Приехав на автовокзал, Эвелина сказала, что ей надо сходить в туалет (притом, что она обходилась без этой опции обмена веществ). Ее продвинутый организм не имел никаких отходов — полностью замкнутый цикл с непонятной природой основного движка — заменителя сердца — микро термоядерный двигатель или что-то иное на не известных физических принципах. Когда она вышла из вокзального евросортира, Черников остолбенел, хотя мог ожидать что угодно, — она вновь кардинально сменила внешность. К нему направлялась взрослая девушка — молодая женщина, в которой он узнал попутчицу по купе — блондинку из новогоднего поезда 76 года. Длинноногая флегматичная антидюймовочка «Ведерникова» с выгоревшей прядью пшеничных волос.

— Зачем? — подал голос Черников

— Извини. Я решила поменять гардероб. Мы женщины ведь такие.

Она была права: совершеннолетней девушке сподручнее было снимать квартиру, да и вообще контактировать с этим миром. Она установила контакты с агентством недвижимости еще из села, и теперь нужно было только съездить посмотреть квартиру. «Двушка» была в самом центре, и ехать было не нужно, а только пройти метров двести и подождать пока подойдет женщина от агентства. Дом, сооруженный в пятидесятых располагался на перекрестке Армянская — Штефан чел Маре. Вход был со двора. Они устроились на скамейке: молодой-немолодой мужчина и девушка. Со стороны они выглядели странной

понятной парой: какой-нибудь бизнесмен и его секретарша, наконец, убедившая папика снять для нее квартиру. Именно так все представила женщина из агентства. Мужчина чего-то стеснялся и опускал глаза, а эта рослая девушка была улыбочива и медлительна, и вся прелесть ее была, именно, в этой статичной пластике в духе античной кариатиды. Она почти без слов одобрила сделку, кивнув головой мужчине после осмотра квартиры, оплатила на полгода вперед.

— Что будем делать? Сходим за телевизором? — Черников проявил инициативу. Они сидели на кухне, и ему неприятно было предложить ей выпить чай или кофе, потому что она не нуждалась не в том ни в другом.

— Пойди, прогуляйся. За телевизором я смогаюсь сама, чтоб не подсунули брак. Возьми эту карточку вместо денег, здесь уже во всю безналичку пользуют.

— А как мне с тобой связаться?

— Вот тебе телефончик-айфончик. Потренируйся пальчиком по экрану.

До своего последнего кишиневского дома он прошелся пешком. Вот и его двор. Зайти — не зайти. Кто его помнит, и если даже уловят сходство — примут за сына, за внука. Он дошел до своего подъезда и не встретил никого из знакомых. Он поднялся на свой этаж, позвонил в дверь к соседям, будучи уверенный, что тогдашние соседи — пенсионеры (на пять лет постарше его) вряд ли откроют дверь. На звонок отозвался молодой женский голос, и Черников пояснил, что ищет соседей своего родственника из 55 квартиры по фамилии Кордунян.

— Да это мои — прадед и прабабушка, — дверь открылась.

— Ну, а я родственник Черникова, он проживал в соседней квартире.

— Да что-то слышала. Там пропал человек лет двадцать назад.

— Вот, вот пропал. Я здесь ненадолго и решил зайти. А кто там сейчас живет?

— Одна семья. Скажем между нами — не очень доброжелательная — Женщине было лет тридцать, по-русски она говорила с акцентом, но улыбалась. — Я помню, мама рассказывал, что сосед прабабушки куда-то однажды исчез, и потом вскрыли квартиру, и никого не было, только телевизор включенный.

— Мой отец его двоюродный племянник, когда узнал, что я буду в Кишиневе, попросил хоть что-то узнать. Так не советуete беспокоить соседей?

— Попробуйте — пожалала плечами женщина.

Дверь за женщиной закрылась. Черников позвонил в свою дверь (она даже внешне уже была не "своя" — новенькая металлическая красивенькая дверь разве только не китайская).

— Кто там?

— Здесь раньше проживал мой родственник. Хотел бы узнать никаких вещей от него не осталось?

— Не знаю ничего — зло отрывисто ответил мужик.

— Ну, можно хоть взглянуть на квартиру. Я приехал издалека.

Дверь открылась. Мужчина лет сорока был на голову выше Черникова. Возможно, он разглядел в глазок Черникова и не побоялся открыть дверь, предвкушая назревание скандала с заведомо слабым соперником.

— Чего надо?

— Хотел что-нибудь узнать о родственнике.

— Ничего не знаю.

— Ну, вот вижу оленьи рога... — Черников разглядел свою семейную реликвию,

висевшую в прихожей.

— Вали отсюда — у мужика налились кровью глаза.

— Ну, хоть какие бумажки остались. Старые письма?

— Тебе чего нужно? — Мужик еле сдерживался и уже не сдерживался, поднял волосатую руку. — Пошел вон — психика сваливалась в экстазе праведного припадка. Он хотел оттолкнуть Черникова, и вдруг его рука уперлась вместо грудной клетки Черникова в стальную твердь банковского сейфа. Инерция руки легко погасилась, и даже стало больно костяшкам пальцев, когда рука сжалась в кулак и теперь попыталась усилить толчок-удар.

Черников тоже почувствовал этот молниеносный прилив мощи во всем организме — адреналин дал запуск преобразования в квази Халка. Внешне Черников не вырос, не потолстел, но какие-то проснувшиеся внутренние контролеры, оповестили, что он сейчас весит 500 килограмм и сила удара превышает 2 тонны (с такой силой автомобиль на скорости 65 км\ч врежется в стену). Он среагировал максимально пассивно (контроллеры кричали — "не навреди") слегка подвинулся на полшага вперед, отесняя мужика за порог.

В квартире все поменялось кроме расположения комнат. На стене в гостиной висел плоский «Самсунг». "Бессмысленно спрашивать, где мой «Панасоник.» — рассуждал Черников.

— Что это было со мной? — он позвонил Эвелине.

— Все в порядке — откликнулась Эвелина — Организм продолжает меняться. Небольшой конфликт, всплеск адреналина — вот тебе триггер чтоб твой организм вышел на новый этап. Поэтому мы уехали из села, мне нужна была эта провокация. Теперь в момент кризиса ты превращаешься в танк, или в пушинку. Попробуй спрыгнуть без парашюта с десятого этажа и автоматика выведет тебя на безопасный режим — будешь парить как листок, из школьной тетрадки выброшенный в окно...

На улице его отпустило, и даже когда он спускался по лестнице. Он чувствовал слабость, как будто сдулся воздушный шарик и очень хотелось есть. Зашел в магазин, купил хлеб, колбасы, попросил продавщицу помочь ему оплатить кредиткой. Он отошел куда-то за угол, прислонился к стене, кусал сырокопченую палку с неочищенной кожурой...(зубы, у него выросли зубы!)

Эвелина привезла телевизор. Она вспомнила, что у нее нет наличных и сказала грузчикам, что поднимать на этаж коробку не надо. Они уехали, обозвав ее про себя жадной дурой. Нет, она была умной и сильной: коробку несла на ладони, взбегая вприпрыжку по лестнице, чтоб обойтись без свидетелей.

Они контрольно перелезли через телевизор в павильон (просто шагнули, слегка наклоняясь, в его широкий в 50 дюймовый экран). Здесь было не то чтобы душно и тесно с налетом агорофобии-клаустрофобии, но Черников в первый раз с такой неприязнью подумал об искусственности этой среды. Они стояли возле этой большой телевизионной жк панели, которую только что пересекли. Там показывали рекламу, и Эвелина сделала звук тише, потом полностью выключила панель. Тишина оглушила, но теперь она была на двоих. Снова был слышен каждый вздох, шорох одежды, но этот вздох и шорох были совместны.

— Что будем делать? — спросил Черников.

— А теперь двинем к тебе домой, к твоим телевизорам.

— А не чувствуешь рядом больше никаких телевизоров?

— Поблизости нет. Вижу следы твоего перехода. Пойдем по ним.

— Целый месяц идти!

— Ты говорил, что ехал на велосипеде?

— Он сломался, сама увидишь.

— Ну, тогда давай марафонскую. Побежали!

Они бежали уже часов пять или больше... Действительно легче было бежать с закрытыми глазами, читать что-то или смотреть. Потом однажды открыв глаза, Черников увидел свою брошенную консервную банку в целлофановом кульке и потом сломанный велосипед. Само собой случился привал. Черников, только свалившись на пол, почувствовал, как он устал. Зато не заметил уже во сне, как Эвелина прилегла рядом и просунула под его голову свою руку. И лежала так недвижно на левом боку неудобно, не шевельнувшись, не повернувшись, пока не проснулся этот престранный чел.

А Черников, спросонья, пытался разгадать этот запах шампуня от мягких разметавшихся волос и эту радость, что он не один.

— Ты не спишь? — спросил он. Она молчала. — Я знаю, что не спишь.

— Зачем тогда спрашиваешь. В конце концов, я могу имитировать сон, даже вызывать сновиденья. Обними меня крепче. Ведь я похожа на ту женщину на 90 процентов, ну может на 70. Я просчитала по твоим воспоминаниям все нюансы ее облика. Например, рисунок ее ноздрей. Ты же не сможешь их описать. Их впечатление у тебя глубоко в подсознании. А я разбиралась детально, пошагово, сверяясь со своей энциклопедии человеческих носопырок.

— Как ты починила втулку велосипеда.

— Напечатала ее.

— Где?

— Внутри у себя. Нарисовала в голове и напечатала. Могу все, копировать, но только в размере моей утробы.

— А как достала оттуда?

— А как женщина рождает.

— А ты вообще можешь рожать?

— Что-нибудь сложнее велосипедной втулки?

— Прости.

— Однажды было такое задание — сблизиться с одним уважаемым человеком. Имитировала беременность, все как у всех, предварительное УЗИ, томограмма со звуком, потом имитировала выкидыш.

— А как ты выглядела тогда?

— Бывшая мисс какая-то. Бывшая балерина, которая после травмы стала хромой.

— А зачем хромота?

— Есть поговорка: кто не спал с хромоножкой, тот не спал с Венерой.

— Нет объяснений — почему возникла эта стена? Почему нас отсекали от будущего?

— Кого нас? Бродячих путешественников во времени? И кто отсек? Представители неизвестной цивилизации, или будущие «человеки», а может не «человеки», создавшие этот интерфейс. Межвременные связи — очень важный ресурс. Кто-то начал его активно администрировать.

— Но ты ведь пришла оттуда? Расскажи, что будет потом.

— Я дальше 25 века не была. Во всех вариациях был ядерный апокалипсис, в бункере кто-то и выжил. Потом на Земле стало очень тихо и скромно. Идеология только одна — меньше народу — больше кислороду. Всю черновую работу — андроиды. Все копошатся в прошлом. Раскопки, архивы, воспоминания. Можно сказать Ренессанс. Кто-то сказал про

интеллигенцию — это говно. Я могу повторить так про все человечество, которое притихло после очередного кровопускания. Цивилизационный отстой. Системный сбой. Нет, человек это только ступень эволюции...

Эвелина смогла починить велосипед, и они по следам Черникова добрались до его телевизоров в два мгновения. Мгновение первое: она крутила педали, а он лежал на спине в тележке, закинув руки за голову. Сначала движение было уместно-велосипедным со скоростью километров пятнадцать в час, потом что-то изменилось, замелькало калейдоскопом. Мгновение второе: Эвелина налегла на педали, похоже прибавила скорость, Черников приподнялся, повернув голову, и движение вдруг стало замедляться, потом распадаться на кадры, размазываться по цвету, по звуку, пока все не застыло в скриншоте, в стоп-кадре, и так заморожено это длилось и длилось...

— Приехали, — она толкнула его.

— Что это было?

— Я хорошенечко разогналась, а потом у пространства открылось свойство подобное сверхпроводимости, и мы совершили прыжок в гиперпространство.

Она остановила велосипедный тарантас по центру телевизионного оазиса "эпохи Черникова". Наверное, со скрытой усмешкой полюбовалась этим нестройным рядам телевизоров, относящимся к двум мегадатам двадцатого века. Похоже, нарочито особенно уделила внимание загаженности пейзажа. Ногой подвинула, подтолкнула бутылку пива, взяла из ящика оранжевый помидор, посидела на табуретке, поковырялась в стопке верхней одежды (сибирского гардероба Черникова) и даже примерила валенки.

— Ну что ж — солидный культурный слой. Не устал бегать по телевизорам? — улыбнулась она.

Они сначала заглянули к нему в 2000. Черников первым залез по собачьи в телевизор, и уже оттуда, из своей комнаты, подал руку даме.

В комнате продолжалось первое января. На столе стояла без пробки бутылка шампанского, в большой тарелке лежал салат оливье, купленный в супермаркете. В квартире было скромно и не ухоженно. Черников застыдился своей конуры. Эта девчонка-девушка робот совсем не робот и все понимает, и даже понимает что ему перед ней стыдно.

— Так это и есть салат оливье? Хочу попробовать. Наложь, — она явно делала вид, что не замечает конфуза Черникова.

— Лучше этот салат попробуешь в 70-х. Советский стандарт.

— Это жильё называется — хрущевка, хрущоба?

— В 90-х переселился сюда. А прежнюю продал. Мать со мной вернулась из ссылки. Отец на поселении был в Киргизии, там и сгинул. Вернулись в Кишинев в 50. Мать вышла замуж. Отчим работал в горкоме, получил квартиру в центре. После их смерти квартира осталась мне.

— А что за ссылка?

— В 41 году из Бессарабии после воссоединения-присоединения. Там по отцовской линии тоже — то ли поручик, то ли прапорщик у Врангеля. Мне годика четыре, ничего не помню. Помню снег, Сибирь. Как возвращались на юг. Ну, мне тогда уже лет 12. Девочка в поезде, в плацкартном вагоне, расстались в Москве. Мы выбегали с ней на каких-то станциях, держась за руки. Но это ты знаешь.

— Ну да, это у тебя очень яркое воспоминание — улыбнулась Эвелина, — матросская белая кофточка, темная юбка, стройные полные ноги. Этот смутный объект желаний. Ведь

та девушка Лена, которая сейчас рядом с тобой, та с которой ты ехал в одном купе до Москвы — это ведь не случайно. Это даже не реминисценции. Это спираль.

Черников лег поспать, а Эвелина осталась смотреть телевизор и все же взяла тарелку с салатом, скovyрнула немного вилокoй, включила на полную мощность вкусовые рецепторы и отложила тарелку подальше

Днем они вышли в город. Гуляли все в том же центральном парке, в котором еще даже не снесли бюст Пушкина. Памятник был по-хорошему провинциальный душевный из позапрошлого века — размерами небольшой и художественно вторичный (авторская копия) и возведенный вскладчину.

Эвелина отказалась одеть какую-нибудь зимнюю куртку Черникова. Была в тех же джинсах и джинсовой курточке. Ей было не холодно и не жарко, и эта зимняя слякоть ей была не внове, никаких новых чувств, впечатлений. Она задержалась здесь ради Черникова, и это единственное ей было пока непонятным. Они гуляли размеренно по-семейному. Там за дорогой было подобие новогоднего городка, толкался народ, выступали продрогшие артисты, но Эвелина чувствовала, что для Черникова это не праздник и не веселье, что ему именно хорошо с ней.

Ей пора было умереть, возможно это и предполагало задание (не рассчитывали, что она выживет после взрыва). Она уже там, после катастрофы, лежа у стены, ради экономии вырубилa почти все внутренние процессы, ожидая контрольного сигнала на отключение при экстренном разрядении. Суицидально мелькнула мысль самоподрывом закончить все. Ей уже все надоело — и это была скорее моральная старость вполне себе годной железки. Эвтаназия работа как высшая проявления гуманизма.

Первый день 2000 года все не заканчивался.

Сейчас было где-то полдевятого вечера (и эта лихая неточность, смазливая погрешность была дурной модной привычкой искусственного интеллекта перенятой от общения с человеком). Ганская искоса наблюдала за Черниковым. Он выглядел молодцом. Как будто подрос, поправился и расправил плечи. Постригся, легкая седина. Четкий профиль ветерана римского легиона.

Они ехали на троллейбусе. Черников заплатил за проезд. Кондукторша-девушка удивленно взглянула на легко одетую Ганскую, но была, поражена ее цветущему виду. Да не только она, все пассажиры оглядывались на иностранку в легкой джинсовой курточке без головного убора. Она ехала с немолодым мужчиной, держась за него, прижимаясь к нему. Они ехали молча, и были какой-то завидной звездной парой, случайно забредшую в Тмутаракань.

По телевизору показывали вторую часть заключительного концерта «Песня 1999».

Эвелина вызвалась приготовить ужин. Ей хватило приоткрыть холодильник, чтобы с максимальным учетом всех производных и составляющих (наличие продуктов, вкусовых предпочтений Черникова) засветились один два рецептика. Засучив рукава, но даже без попытки помыть руки (аналитическое химическое и микробиологическое тестирование включалось по определению), она чуть ускоренно и значит с особенной четкостью и выверенной точностью совершала манипуляции верхних конечностей и плитку зажгла электронным поджигом от самое себя (и потом управляла огнем немного кривой конфорки, как вектором управляемой тяги) и все-таки была недовольна количеством микроорганизмов в куриной грудке, но сдержалась, чтоб уничтожить их всех. Триумфом ее кулинарных способностей были блины на вчерашнем шампанском начиненные недоеденной колбасой и

сыром.

Вернувшись с прогулки, Черников продолжил свою экскурсию — теперь повел Эвелину к телевизору 76 года.

— Да, это Рубин 106-1. Вторая половина 60-х. 12 каналов, диагональ 59 см, 17 ламп, 22 диода, трак изображения, узлы кадровой развертки, строчный мультивибратор, вес 35 кг, потребляемая мощность 180 Вт. — Эвелина отцепила наклейку-дату от телевизора, — «Первое января 1976». У тебя с него все началось?

Черников снова первым полез в телевизор. Следом, почти не дотронувшись до краев экрана, проползла Эвелина.

— Не бойся, там хозяин квартиры спит и проснется часа через два, — сказал все-таки шепотом Черников.

Эвелина надо полагать и так ничего не боялась. Не торопясь оглядела комнату, бросила взгляд на спавшего мужика.

— Он здесь один?

— Ну, да. Летом умрет. Обширный инфаркт. Я не знал что делать. Может, подлечишь?

— Зачем множить сущности. Он прожил свое, и тем более будет жить в этот день всегда.

Они вышли на улицу и Черников знал, что сейчас из подъезда выскочит две девчонки и парень.

Эвелина присела, потрогала снег.

— Мне нравится эта зима.

— Тебе холодно?

— Да мне холодно. Я в режиме доподлинной реальности. Все чувствую, как и ты. Не надо из меня делать чудовище. Я чувствую, как и ты.

Из подъезда шумно вывалилась маленькая «трехместная» компания старшеклассников. Парень был уже на коньках, а девчонки держали снегурки со связанными шнурками. Разматывалась известная Черникову вся та же цепочка, череда действий: они прошли по вытопанной дорожке к катку и стали там расчищать лед скребком, тыркаясь, падая со звонким смехом. Эвелина все в тех же джинсах и легкой курточке без головного убора встала в полный рост и очень хиппово смотрелась в эту зимнюю ночь. Она внимательно наблюдала за старшеклассниками, как будто сначала не понимала, что они делают, а потом, понимая с улыбкой, оглянулась на Черникова, пошла в сторону подростков.

— Эй, дадите покататься на коньках, — она вступила на лед.

— Да, пожалуйста, — ответила девочка в белой шубке. — Только для вас коньки, наверное, маловаты.

— Ну, ну — подумал Черников, — Сейчас будет первый фокус срочного укорочения стопы или же плавного бесшумного расширения башмака снегурок.

Эвелина, конечно, каталась прекрасно, сделала сальхов, риттбергер, тройной тулуп и даже четверной аксель на этом зачуханном дворовом катке с исцарапанным льдом.

Ганская убыла на велосипеде в безоглядную даль. Черников ее не то чтобы провожал, но именно провожал за околицей своего телевизора — даже так с таким настроением по старинке, когда так и напрашивалось присесть на дорожку. Она на прощание обняла и обдала его своим близким дыханием-придыханием, настоящим на непонятном парфюме, не разлагаемой, не расчленяемой смеси душистых веществ, где важным было это однокоренное — душа. Одним словом он прощался с женщиной, а не с роботом.

Эвелина перед отъездом обеспечила Черникова новыми документами: паспортам с штемпелями прописок, трудовой книжкой, военным билетом, свидетельством о рождении и разводе, дипломами о среднем и высшем образовании. Черников по легенде стал детдомовцем из Владивостока (архив детдома по большей части поврежден после потопа), закончил пединститут (Ганская нашла близкого по годам однофамильца), работал на севере в Доме культуры (в отделе кадров случился пожар).

Она долго ему объясняла, про неустойчивость всех каналов (можно застрять в другом времени со сломанным телевизором), просила, чтобы он не ломал дров, не пытался изменить явно прошлое: «Черников не указывай богу, что ему делать».

— Я тебе установила новый поисковик, он будет лучше гугла. Назову его «Эвелина». — она усмехнулась — Сначала он тебе покажется тугодумом. Сформулируй запрос и не гони лошадей. Наберись терпения.

— Так чем же этот поисковик тогда лучше. Если такой терпила.

— Чем больше времени, тем больший массив данных он обработает. Его ключевое преимущество — способность подключаться практически ко всем базам. Он прошерстит всю подключенную цифру. Все социальные сети, все архивы. Он пробьёт все пароли и перлюстрирует всю электронную переписку, все облачные хранения, дешифрует любую скрытую запись, сделает анализ телефонных звонков, маршрутных схем навигаторов... Медленный при первой итерации он с наработанным кэшэм дальше будет работать быстрее.

— Ну так понимаю — поиск ограничен 2020 годом.

— Да это барьер. Все что было оцифровано на тот момент.

Черников проводил Эвелину, и вдруг почувствовал, что не хочет сейчас оставаться здесь — в «зателевизионном» пространстве. Уж слишком обостренно обозначилась его одиночество. Он снова на мгновение оказался в раздумьях — направо — налево — куда ему, да, податься в 2000 или в 1976. Он свернул к черно-белому телевизору.

Он смотрел на приклеенные листочки с надписями-датами сделанными фломастером. Выбрал телевизор за 25 января. Пустая квартира, полдень. Черников расхаживал по квартире Семенчука (он еще живой на работе), потом в прихожей слегка приоткрыв дверь, прислушался к тишине коридора, и, наконец, вышел, спокойно спускался вниз.

Он действительно здесь не был давно. Там позади (а в каком-то смысле и впереди — и поэтому в этом не было никакого смысла) остались такие события: его знакомство с Панышевым и Ириной Вайц, арест и потом большое Колумбовско-Магеланово путешествие в зазеркалье, встреча с «андроидшей» Ганской, наконец, его сказочное омоложение. И теперь он снова, оказался здесь в январе 1976.

Снег скрипел под ногами. Улица жила своей обыденной жизнью. Много-немного людей, автомобильный звучащий, гремящий, дымящий антиквариат: совсем редко «Жигули-

копейка», и черные, белые новые «Волги», чаще самосвалы грузовики с утепленными ватниками капотами...

Он зашел согреться в блинную, и сначала спонтанно встал в очередь, а потом уже очарованный ли этим местечковым уютом продолжал подвигаться к окошку с раздачей. А все было, так как только могло — и в блинной было относительно чистенько, хотя и натоптано и мокро от подтаявшего снега на обуви. Он ел эти вкусные, сладкие тонкие блинчики со сметанной, чаевничал из граненого стакана, смотрел на подружек-студенток (в 2000 им будет лет сорок пять, в 2020 — пенсионерки со стажем).

Черников оказывается легко снял квартиру в пригороде. Выйдя из автобуса, он зашел в семейное общежитие и на проходной ему посоветовали обратиться к одной хозяйке, имевшей дом на земле. Пенсионерка учительница обычно сдавала комнату студентам, но последние двое уехали на каникулы с перспективой получить в следующем семестре общежитие.

Удобства были на улице. Черников уже хотел немедленно вернуться в Кишинев, но решил проверить себя на выживание.

Он заснул только под утро, ворочался на железной кровати, на железных пружинах (кровать скрипела, была с большим прогибом посередине). Он спал в одежде, пока брезгуя выданным бельем, еще полностью приоткрыл форточку — провентилировать помещение. В комнате было холодно, стыло, а он лежал без одеяла. Эвелина когда-то объясняла, что его организм при необходимости может понизить значительно температуру вплоть до анабиоза.

Он проснулся утром и все-таки прикрыл форточку, сходил «до ветра» в каменный сарайчик типа сортир. Сделал небольшую разминку возле сарая с дровами. Валялись топор и чурки. Он никогда раньше не рубил дрова и сейчас, наверное, через свой вживленный (квантовый биокомпьютер?) вызвал образ-инструкцию рубки дров. Он подступался и так и эдак, обучаясь вживе, но когда показалась хозяйка, включил (включилась?) автоматика — и он замахал топором так споро и ловко (а между тем, не контролируя наперед алгоритм движений, а чувствуя только эти сторонние вздрыги своих конечностей). «Быстрое нейронное обучение» — об этом тоже предупреждала Ганская. — Если не хочешь превратиться в робота, старайся только при крайней необходимости вползать в этот режим».

Пожилая женщина (ей было под шестьдесят) сначала настороженно отнеслась к инициативе жильца. Но он, порубив несколько чурок, сложил дрова аккуратно стопкой, ничего не говорил, только, как бы пояснял, что это он сделал утреннюю зарядку.

«Нет, надо сваливать, лучше к себе в Кишинев». Черников стоял на автобусной остановке, и потом ехал, как-то втиснувшись, в переполненный «Лаз», и не видел где едет, куда — стекла были подморожены в изморози с небольшими процарапанными чьим-то пальцем прорубями-окошками.

Он ехал в автобусе с закрытыми глазами, не за кого не держась, кругом его плотно обжимала людская масса.

«Заплатил за месяц вперед, надо продержаться, оставил у хозяйки паспортные данные, исчезну — начнет искать через милицию. И вообще — быстро раскис. Но куда мне сейчас? Где-то позавтракать, а потом?»

Кондуктор так и не пробрался к ним в середину салона, на остановках забегал то в переднюю дверь, то в заднюю. В центре у рынка автобус, наконец, опустел. Черников вышел тоже. Он не спешит на работу.

Одиночество в зимнем городе.

Он позавтракал в той же блинной, улыбнулся краснощекой раздатчице-девушке, потом посетил местный музей. Был первым и единственным посетителем. Он почувствовал, как легко все запоминает: все фотографии, все этикетки, как будто после апгрейда установили новую память. Смотрительница лет сорока пяти ходила за ним из зала в зал, а он задержался, завис у витрины с кинжалом из дамасской стали.

Музей постепенно наполнялся людьми. Черников боковым зрением (как будто он в постоянной готовности отслеживал все изменения) увидел Ирину Вайц.

«Зачем она здесь? Неужели существуют силовые нити судьбы, которые объективны? И я все равно должен был встретиться с ней? Она иронично под Штирлица (сериал прошел два года назад) во глубине Сибири назначает встречу своим контактам в музее?»

Черников поперхнулся смешком. Ирина подошла совсем близко к витрине. Она была совсем такой же, какой будет через полгода при его аресте. Тот же нежный и строгий овал лица, средний рост, юбка макси, деловой пиджак. Он вдруг, чтоб окончательно ее опознать захотел услышать ее голос и поэтому первым заговорил сам:

— Это очень редкий кинжал.

— Ну да, здесь написано, что он из дамасской стали. — сказала она.

— Он из дамасской стали, но сделан по сварной технологии. Оружейники сталкивались с дилеммой «прочность или пластичность». Чем больше содержание углерода в стали, тем тверже и острее будет лезвие изготовленного из него клинка, но одновременно с этим возрастает и его хрупкость. Чем меньше содержание углерода в стали — тем лучше клинок будет сопротивляться ударным нагрузкам, но он будет хуже резать. Однако существовали особенные клинки, которые обладали, казалось бы, несовместимыми свойствами: и твердостью, и пластичностью. Клинки можно было довольно сильно согнуть. При этом они не ломались, а при снятии нагрузки восстанавливали свою форму. Внешне от обычных клинков они отличались узором на клинке. Но этот узор не был искусственно нанесен на поверхность клинка, а был одним из признаков стали, из которой он был изготовлен. — Черников говорил, нес какую-то белиберду, собственно он открывал только рот, и едва успевал по привычке отслеживать свою — не свою речь (включенный автопилот вживленного компьютера, выручал сейчас своей эрудицией), — Наиболее известны были такие клинки, выкованными кузнецами Дамаска. Однако среди клинков из узорчатой стали выделялись особенные, превосходящие по своим качествам клинки, произведенные по сварной технологии. Их выковывали из цельного куска особенной стали, полученного плавкой. Родиной этой стали является южная Индия и Шри-Ланка. Первые упоминания о ее производстве относятся примерно к VI–III веку до н. э. Впервые с клинками из этой «волшебной» стали столкнулись войска Александра Македонского во время похода в Индию. Некоторые индийские воины имели мечи, которыми легко разрубали доспехи римских легионеров. Из Индии заготовки такой стали в виде круглых лепешек поставлялись в другие страны, в том числе и в уже упоминавшийся Дамаск. Такие лепешки-заготовки назывались вутцом. Они имели диаметр 12–13 см, а их толщина составляла около сантиметра при весе около одного килограмма. Производство вутца держалось в строжайшем секрете и передавалась от отца к сыну или самым лучшим ученикам. Результатом такой сверхсекретности, явилась утрата секрета производства этой стали...

— Спасибо за лекцию. — улыбнулась Ирина, но разговор больше продолжать не стала. В зале появился чекист Маслов.

Черникова передернуло. Он не ожидал этой вспышки ненависти к статному

энергичному мужику в элегантном костюме какой-то страны из Варшавского блока (куплен на премию в специальном распределителе). Маслов плевал на всю конспирацию (самоуверен в своем районе болоте) хмуро шагал широко, не оглядываясь, навстречу Ирине.

А вот Ирина, оказывается, напряглась, и потом в отчете изложила случайный контакт. Мужчина лет тридцати пяти. В музее торчал два часа. Рассказывал о дамасской стали. Маслов, ничего не сказал, поморщился (эта залетная фифа всех достала), но распорядился навести справки о Черникове.

После музея Черников пошел на квартиру Семенчука, совершил телепортацию (ему нравилась это созвучие — он действительно перемещался в иной мир через «теле»). Он беспробудно проспал на своей мультивселенной «мусорке», на надувном матрасе в абсолютнейшей тишине, пару часов. Потом заглянул в кишиневский телевизор, да именно даже не переходя, не пересекая экран, посмотрел последние новости. Вторая чеченская война.

До прихода с работы Семенчука оставалось час с небольшим. Он покинул его квартиру и вышел на улицу, встретил женщину из его подъезда, которая подозрительно покосилась на Черникова.

«Рано или поздно кто-нибудь заподозрит, кто-нибудь донесет. Сворачивать надо эти хождения из квартиры Семенчука. Или придумать что-то другое».

Он снова на улице и за углом дома дождался, когда появится Семенчук. Мужчина шел грузно, пошатываясь, уже приложился где-то к стакану.

— Простите, вы Семенчук Петр Иванович? — спросил Черников.

— Да, что вам нужно?

— Я нашел ваш паспорт на улице. Валялся возле ресторана «Мечта». — Черников передал документ Семенчуку.

— Ух ты, а я уже собирался подать заявление на новый. Как тебя отблагодарить?

— Да никак.

— Спасибо. А может, зайдешь. У меня есть армянский коньяк.

— Хорошо, тогда за мной будет закуска. Где здесь у вас магазин?

— Да закуска не плохо. Дома шаром покати. — Семенчук расстегнул пальто и поправил шапку.

Черников купил докторской колбасы, полкилограмма сыра, потом каких-то консервов (которые раньше видел на кухне Семенчука).

Удивительно, как у него сохранилась бутылка «Наири», но здесь, кажется все было понятно — Семенчук пил только водку.

— Чем занимаешься? — задал вопрос Семенчук, разливая коньяк в стаканы. — Так вижу интеллигент, инженер или учитель.

— Угадали — гуманитарий. Сам детдомовский из Владивостока. Работал на Севере. Потом стал часто болеть. Предпочел уехать. Так что надо следить за своим здоровьем. У вас сердце как не болит?

— Сердце у меня болит, но по-другому. Тридцать лет прошло после войны. Давай, выпьем за тех ребяташек, у кого сердце давно не болит.

Черников не знал о чем еще с ним говорить, но прощаясь, обмолвился: комнату не сдаете на проживание?

— Тебе что ли?

— Да мне на месяц, другой.

— Подойди, когда буду трезвый.

Черников ехал к себе на окраину поздно вечером в полупустом автобусе. Он сидел, полулежал на последних сиденьях, рядом с мотором. Здесь было тепло и шумно. Кондукторша пройдясь по салону, вернулась к водителю.

Потом Черников сделал пробежку мимо семейной общаги, прокатился с пригорка, тормознул перед первым частным домом, чтоб не тревожить собак.

Хозяйку он с вечера предупредил, что возможно съедет с квартиры без дополнительного оповещения. Он снова не мог нормально заснуть на этих продавленных пружинах, и все ночь перечитывал «Жизнь Арсеньева» Бунина. Так закрыв глаза, Черников воображал как бы голограмму книги и читал, сделав мягче подсветку, листал с реальным шелестом эти страницы. Тоска умирающего мелкопоместного дворянства была такой же вполне современной тоской и в двадцатом и в двадцать первом веке.

Переселение к Семенчуку состоялась назавтра в пятницу. Он для проформы купил чемодан и с пустым чемоданом прошел по двору, потом поднимался в подъезде. Первый совместный ужин Черников приготовил сам, как и последующие. Предупредил, что пить больше алкоголь не будет — опасно для жизни. Потом, воспользовавшись очередным полузапоем Семенчука, вызвал скорую помощь, попросил сделать кардиограмму хозяину квартиры. Критических нарушений не обнаружили. Но Черников запасся валидолом, нитроглицерином.

Легендой для Черникова была его продолжительная работа на севере, соответственно наличие каких-то денежных накоплений. Но все равно нужно было устроиться на работу. После краеведческого музея он посетил художественный музей. Зацепился за пейзаж неизвестного автора. Запустил компьютер на долговременный поиск, пришлось еще раз сходить в галерею. Медленно скрупулезно просканировать пейзаж для программы опознавания. Через несколько дней среди ночи проснулся от озарения (на самом деле поисковик прислал отчет) — картинку намалевал в 19 веке проездом один известный художник из передвижников (вероятность 65 процентов). Черников написал небольшую заметку, где высказал эту «догадку». «Вечерка» опубликовала этот опус, было много откликов, даже писем. Картина стала шедевром-героем месяца. Отдел культуры газеты предложил внештатное сотрудничество — то чего добивался Черников. Он теперь писал одну заметку или даже статейку в неделю, стал узнаваем в редакции и даже участвовал в каких-то дружеских посиделках, и с этой справочкой внештатника уже официально не считался бездельником-тунеядцем (кстати, они помогли и с пропиской — сделали в ведомственной общаге). Он, теперь, по заданию редакции, ходил на вернисажи выставок народных умельцев, на доморощенные премьеры любителей-театралов в Доме строителей, на танцевальный бал в педагогическом, на представление цирка лилипутов, на квн в строительном техникуме. Это занимало немало времени и дарило ощущение полноты жизни.

Он сходил, но уже не по заданию редакции, в медучилище, в котором училась дочь Семенчука. Она даже не спросила, как он ее узнал (у него был заготовлен ответ — по описанию отца). Он рассказал ей, что снимает комнату в квартире Семенчука, и что тот выпивает и жалуется на сердце. А жалуется на сердце, потому что давно не видел дочки. Она хмыкнула: да в гробу он ее видел. Даже когда жили вместе, никогда ее не ласкал. Пил и ругался с матерью. Совершенно чужой человек.

Все вокруг оглядывались на Черникова — зрелый мужик что-то перетирает с девчонкой. А он говорил вкрадчиво и как будто в сторону.

— Я скоро уеду. Зайди к отцу. И, вообще, зачем тебе жить в общежитии. Пообещай.

— Меня мама убьет.

— У них свои отношения. У тебя свои.

— Я подумаю.

Семенчук, конечно, мыкался от одиночества, но глушил эффективно тоску водкой. Он был не закален, а обожжен и выжжен, и все это легло на дурной характер. Дочку он вспоминал пару раз, но не видел Черников ни в серванте, ни в его бумажнике ее фотки. Он понимал, что занимается пустыми хлопотами.

Он признаться — тяготился Семенчуком, угрюмый, не компанейский, грубый (или если хотите — прямой). Хотя одевался по-армейски скудно, но аккуратно. Одно пальто, один костюм, две рубашки (износятся, купит еще две).

Черников немного нагло (но сначала считал — так изящно) пошел к той хозяйке квартиры, которую ему сосватала в другой жизни (в другом телевизоре) Ира Вайц. Женщина действительно собиралась уехать во Владивосток к сыну, чтобы ухаживать за внуком. Он попросил ее сдать квартиру с оплатой вперед на полгода или на год, а еще ей наплел, что он тоже из Владивостока.

Так он поселился в той самой квартире, из которой «фантастически» бежал через телевизор.

Боялся ли он новой встречи с Паньшевым или Вайц? Нисколько. Наоборот. Он теперь довольно часто наблюдал за Ириной, ставшей снова его соседкой по дому. Он старался не попадаться ей на глаза, а сам, зная ее расписание, всегда подходил к окну, когда она утром пересекала двор. Теперь весной в восемь часов уже становилось засветло, и он мог ее хорошо рассмотреть. И как она одета, и даже черты лица, и, конечно, ее походку.

Семенчуку он не сразу сказал, что собирается переехать. Некоторое время жил на два дома. Он просто готовил почву для обмена телевизорами. Он уже купил новый большой телевизор, но пока был не уверен, что упрямый Семенчук захочет принять подарок. Пришлось в один вечер напиться с ним до второй бутылки.

— Знаешь, Петр. Скоро съезжаю с твоей квартиры. Встретился с одной женщиной. В среду и переезжаю. И знаешь, на память хочу сделать тебе подарок. Только не перечь. Я тебе подарю новый телевизор. Есть такой «Горизонт», телик первого класса. 65 см по диагонали.

— Да ты что. Дорогуший. Не возьму!

— Не уважаешь?

— Уважаю.

— Тогда все. Завтра приношу телевизор. А на память возьму твой. Договорились? Про деньги не думай, я пять лет работал в Надыми.

На следующий вечер Черников заехал с новым телевизором. Он торопился, попрощался с Семенчуком быстро, скомкано, но обнялись. Грузчики прихватили старый телевизор (он, поэтому объяснял Семенчуку, что торопится — грузовик с будкой одолжили на один час). Потом он сидел в новой квартире перед разогревающимся через трансформатор телевизором. Он поглаживал толстое стекло кинескопа, экран загорелся, и пальцы сразу провалились внутрь....

Он поставил дополнительный замок (слабенький — английский, навесной), врезал глазок. Он в первое время только раз в неделю вытирал пыль по всей квартире, перед

теликом постелил коврик, чтобы мягче было приземляться при обратной телепортации. На кухню даже не заходил, и холодильник не включал, и туалетом, может быть, пару раз пользовался. В квартире его интересовал только телевизор. Если бы кто-то отследил его перемещения по квартире — засветилась бы только дорожка от двери к телевизору и обратно. Он приходил сюда и сразу заползал в телевизор, и на той стороне сразу помечал новый возникший телик и шел к себе в Кишинев. Он уже много раз говорил, что надо оставаться и привыкать обживать в этой снимаемой квартирке и даже принимать гостей — нельзя так носиться туда-сюда. Подозрительно оставлять «однушку» такой не жилой. Да было противно спать в чужом, и он все-таки поставил новую раскладушку здесь. Потом сделал косметический ремонт (обговорено с хозяйкой). Был ли этот косметический ремонт или нет (скорее — космический, поскольку обошелся почти в полторы тысячи рублей). Бригада из стройтреста в свободное от работы время сделала циклёвку полов, отштукатурила, покрасила стены и потолки (он лично показывал как это сделать с импортным грунтом), поменяла сантехнику, обложила плиткой туалет и ванну. Перед отъездом (похоже, хозяйка собиралась возвращаться не скоро) она все свои вещи, включая посуду, мягкую мебель, пылесос, телевизор перевезла, растолкала по родственникам и подругам. Так и призналась: ничего ценного здесь нет, если хотите — делайте ремонт, вешайте свои занавески, а этот старый диван можете — на свалку.

Диван ему отреставрировали, обтянули кожей. Он не раскладывался, но сам по себе был как авианосец.

После ремонта в квартире (она выглядела скучно, как офис) стало еще пустынное, но это уже как-то напоминало ему телевизионное зазеркалье и, значит, роднило.

На это ушло целый месяц. Притом (все тот же дефицит), самую примитивную матово серую керамическую крупноразмерную плитку ему пришлось доставить «контрабандой» из Кишинева через телевизор. Притом он долго убеждал мастеровых покрасить стены только серым и никаких обоев.

Как бы там не было, но после ремонта ему захотелось кого-нибудь пригласить к себе.

Во время ремонта, он не покидал квартиры, сидел на кухне, охранял перенесенный туда телевизор и смотрел в окно. Черников изучил расписание Ирины Вайц. Она уходила в восемь и возвращалась обычно в половине шестого. Она появлялась прямо под его окнами, свернув с улицы, и он теперь не только ее провожал утром, но и встречал в наступивших сумерках. Она всегда была аккуратной четкой слегка с торопливым, нет энергичным шагом. Но только почти через месяц они не случайно встретились вечером под его окнами. Он на углу дома остановился, поджидая ее, куда-то оглядываясь, и не заметил (как будто), как чуть не столкнулся с молодой женщиной.

— Привет дамасская сталь! Не порежьте. — она узнала его легко (профессиональная память и наблюдательность?).

— Мы, значит, соседи. С недавних пор снимаю здесь квартиру.

— Наслышана. Я знакома с родственниками хозяйки. Сама здесь недавно.

— Николай. — представился Черников.

— Ирина.

— Можно вас куда-нибудь пригласить?

— Скажу пока только спасибо за приглашение. — она отстранено улыбнулась.

— Мне остается пожелать вам доброго вечера.

Они разошлись. Никто не был обескуражен. Ирина подумала: «Да, нет, вроде легко»

отклеился, а может даже не флиртовал. Везде тебе кажется Вайц — поклонники у твоих ног»

Черников тоже шел почти по весенней вечерней улицы, думал о ней. «Совсем другая, чем та дизайнерша, с которой я общался когда-то. Куда девалась безбрежная доброжелательность? Ее невысказанная заботливость о старике Черникове. Почему я не пригласил ее на премьеру спектакля, как собирался? Почувствовал настороженность? Сразу сдал назад. А второй приготовленный билетик лежит в кармане. А как ты думал иначе? Она сразу же разговориться, потом пригласишь в театр, потом после премьеры пойдете вместе домой (по пути же!), потом пригласишь к себе показать ремонт? Старик, идиот, ты остался никчемным наивным пенсионером».

Ему понравилось, что в драмтеатре случился аншлаг. И свой билетик он пристроил каким-то студенткам. Одна из них, девушка лет двадцати сидела с ним в партере. Она была скромно одета — черная юбка и светлая кофта, и еще на ней были грубые сапоги. Черников ничего не имел против ее начищенных сапог, но девушка напомнила ему дочь Семенчука, и тем самым снова разворошила его думы о нем. Спасать его — не спасать? Он разволновался или ему стало так неприятно, что он еще до антракта вышел в фойе, и здесь снова чуть не столкнулся с Ириной Вайц, которая за высоким столиком пила чай и беседовала с Масловым.

Штормовая волна ненависти накатила на Черникова. Прибить этого Маслова.

Волна схлынула.

Черников не мог оторвать глаз от девушки. Элегантное черное платье, черные туфли. Чуть полноватые ноги, чуть небольшого роста, но только стоит взглянуть на ее лицо, там — то ли улыбка, то ли спокойный усталый взгляд, припухлые губы, толковая скороговорка талантливой аспирантки, кивание головы, вздрогнувшие ресницы, широко открытые глаза восхищенья...

«Теперь точно устроят проверку мне. Два раза стал свидетелем их свидания». Вайц равнодушно кивнула ему. Молодец не растерялась. Железные нервы.

Черников подошел к буфету, вспомнил про лимонад. Этот напиток из детства. На праздники, в день рождения. Бутылка стоила 27 копеек. Вот он купил бутылку, встал за соседний столик. Пить не хотелось. Он только пригубил, но в горле так запершило приятно. Он напряг слух и даже “убавил громкость” где-то внутри у себя, подслушивая Вайц и Маслова.

— Не нравится этот тип. — сказал Маслов.

— Может он из ОБХСС. — предположила Вайц.

— Нет, я уже проверил. Пришло подтверждение. Черников родился во Владивостоке. Детдомовец. Закончил педагогический, работал на Севере в Доме культуры. Паспорт проверили, когда он его сдавал на прописку. В армии не служил. Чем-то болен. С головой что-то. Вроде опухоль, да все не отбросит копыта.

— А мне показалось с головой у него все в порядке.

— Почему не пришел Панышев?

— Перед выходом позвонила. Он немного опаздывал, но собирался точно прийти. Но может не смог.

— Тебе обязательно надо с ним встретиться. Узнать — когда отправляете груз? Ладно, расходимся.

Вайц все-таки подошла к Черникову.

— Не думала вас увидеть здесь.

— А я хотел пригласить вас на эту премьеру, и даже билетик припас.

— И что оробели?

— Догадался, что у вас без меня ухажеров с избытком.

— Как вам спектакль?

— Мне больше понравился переполненный зал. Театр начинается именно с этого. Впрочем, с гардеробом, да и с буфетом здесь тоже неплохо.

— Ну, если вам все понятно, давайте уйдем. Нам кажется по дороге.

Вайц решила с ним познакомиться ближе. Не то чтобы он вызывал подозрение, но был какой-то осадок, какое-то послевкусие от не понятого. Например, эти дубленка и обувь (как минимум югославские скороходы). И эта манера — смотреть на нее, не смущаясь.

Они возвращались из драмтеатра по самой короткой дороге. Они проходила по мостику через речушку-чернушку. Здесь было темно и тихо. Под единственной лампой падал красиво снег. Потом дорога вела к пустырю с огороженным долгостроем, а дальше уже упиралась в проспект Дзержинского.

Она взяла его под руку, там за мостиком стало скользко. Было так хорошо и снежно. Не хотелось и говорить.

Вдруг, из-за сломанного забора выбрались три мужчины. Один из них, будучи в шапке держал в руке еще одну рыжую шапку.

— Стой!!! — вдруг, крикнула Вайц. — Мы из милиции. Чья эта шапка?

Высокий парень лет двадцати пяти, который стоял поближе с ондатровой шапкой, с разворота врезал женщине по лицу. Ирина едва отклонилась (с реакцией все в порядке), но удар по касательной все равно сбил ее с ног. Она отлетела к забору.

Черников передернулся от прилива адреналина. Он еще успевал думать, анализировать, успевал думать, что он еще думает, как провести бой. Время замедлилось, растянулась, растягивалась. А он размышлял, что надо устроить все максимально естественно, без подозрений (а это он просто давал компьютеру техзадание). Тому парню, который ударил Ирину, он уже «случайно» сломал гортань, ткнув, ему встречно в шею слегка кулаком, а не убийственно пальцем (а движение было коротким, точным, со скоростью в 3 миллисекунды). Он боковым зрением отметил попытку Ирины привстать, и было удачно, что она отлетела в сторону и не перекрывала сейчас никаких биссектрис. Черников подставил руку, защищаясь от удара ножа. Отлетел пакет с туфлями Вайц (их нес Черников в левой руке и сейчас первым делом подставился им). Самый рослый мужик проворно атаковал. Самый сильный и самый опасный. Обращался с ножом умело. Меняя вектор воздействия удар-разрез-укол. Третий парнишка пока подбирался сзади, надевая кастет. Мужик с ножом недоумевал, клинок вроде ткнулся в руку фраера, а получилось, как будто скользнул по металлу. Черников, вдруг, поскользнулся, и этим сразу уклонился от нападения сзади, а между тем, грохнувшись на спину, он подсек ногу уголовнику (компьютер уже сделал вывод с вероятностью близкой к истине, что это все-таки не спецназовец, а бывший зэк). Подсечка была не простой: нога удлинилась на несколько сантиметров и не то чтобы ударила, а подцепила, подкинула рычагом вверх тело бойца. Он приземлился затылком без шапки в расчетное место — в бетонный столб фонаря. Третий, недавний сиделец детской колонии, растерянно постоял и побежал в сторону мостика.

Ира уже встала сама и побежала не за бандитом, а туда за забор.

Шапка принадлежала Панышеву. Он уже мертвый сидел, привалившись к стене без

шапки в расстегнутом пальто на окровавленном снеге.

На рукаве дубленки Черникова тоже проступила кровь. Рукав был в дырках и порезах. Вайц без платка, взлохмаченная, в распахнутой шубке с нелепым сейчас коротеньким черным платьем с ужасом смотрела на Панышева, но так не смогла подойти и закрыть глаза труп. Потом она бросилась к Черникову.

— Что с рукой? У тебя кровь! Это только рука?

— Ерунда. Беги, вызывай милицию (чуть не сказал полицию). - пробурчал Черников.

Он минут десять ждал, когда вернется Ирина. Ей нужно было добежать до проспекта, потом позвонить (из автомата?), потом побежит обратно (насколько она вынослива, чтоб сделать такую пробежку почти в километр без остановки?). Черников придумал присесть в сугроб. Кровопотеря была небольшой. Самодиагностика даже не сочла нужным скинуть какие-то показания. Черников приходил в себя, его отпускало после напряжения и очень хотелось есть.

«Каждый телевизор имеет свою линию жизни? Свою версию судьбы? Вот подтверждение: Панышев не погибал в той другой истории».

Вайц вернулась через восемь минут (шесть минут на пробежку, две минуты на телефон). Неплохой результат для зимы — в неудобной одежде (шубка, потом сапоги, снег, гололед).

— Как рука? — она тяжело дышала, посматривала в сторону Панышева. — Дай посмотрю. Сними же дубленку.

— Лучше не трогать. Кровь вроде остановилась. Что с бандитами?

— У одного что-то с горлом. Валяется и хрипит. Второй без сознания. Я вообще не поняла — он подлетел! Он как будто верх подлетел, а такая масса...

— Да я сам не понял, как поскользнулся и зацепил его... А как ты сама?

— Почему Панышев? Почему они на него напали?

— Что тут думать — грабеж. Это твой знакомый?

— Мой начальник, директор фабрики. Видно шел в театр коротким путем. Убивать из-за шапки? Меня всю трясет.

Черников встал из сугроба. Были слышны звуки сирены то ли милиции, то ли скорой помощи.

Его все-таки отвезли в больницу, сделали перевязку, сказали дожждаться милиции. Ночью он давал показания инспектору уголовного розыска. Ему предложили пока остаться в больнице. Он лежал один в отдельной палате, дежурный врач настоял на капильнице.

Утром зашла Ирина (его по прежнему не отпускали — и это было возможно и не по врачебному показанию). Вайц сообщила, что третий уголовник задержан, другой с перебитой трахеей говорить не может, а самый главный мордорот умер, не приходя в сознание. Картина была такой: Панышев без машины пешком шел в театр, возле моста он сделал замечания трем субъектам, пристававшим к двум старшеклассницам. Девочки убежали, когда завязалась драка. Панышев снес молокососа, и потом сколько мог махался с другими, пока его не зарезали.

— Я уже дала показания. Тебе даже не светит убийство по неосторожности. Самозащита. Ты настоящий герой.

— Меня когда выпишут?

— Так я сейчас была у врача. Свободен.

— Идешь на работу?

— Не за что. Ночь не спала.

— Тогда нам по пути. Подождешь, когда заберу вещички.

— Дубленка пока изъята как улика. Я тебе принесла куртку.

— Позаботились? — Черников посмотрел на нее внимательно. Женщина, девушка лет двадцати пяти. Что там у нее на душе? У бывшей модели, у бывшей отличницы архитектурного факультета и бывшей отличницы другого специального вуза.

Они шли пешком из больницы. День был ясный, как будто весенний. На улице, возле центральной горки, возле которой чуть раньше стояла новогодняя елка, продавали блины в первый день масленицы.

— У тебя интересные джинсы. Откуда? Не удивляйся — я модельер.

— Что интересного? Я думаю какой-нибудь самопал. Ни одной лейблы.

— Наверное, контрабанда.

— Так значит, ты на фабрике модельер-дизайнер?

— Без году неделя. Училась в Эстонии.

— И не побоялась в Сибирь?

— Ну, Петр Иннокентьевич пригласил.

— Понятно. Не против? Зайдем в гастроном. Голодный как волк.

Он взял молоко, свежего хлеба.

— Зайдем ко мне. Я покормлю тебя. — сказала Ирина.

— Ты мне ничего не должна. — улыбнулся Черников.

— Не знаю, может быть и должна. Кто знает?

— Аллах знает лучше...

— Что ты сказал?

— Смысл хадиса таков. Когда человека спрашивают о чём-то, что он знает, пусть он разъясняет это людям и не скрывает, а когда его спрашивают о том, чего он не знает, пусть он скажет: «Аллах знает лучше», и не пытается придумать ответ.

Вот ее закуток. В «прошлом телике» он здесь бывал. Аккуратненько, чисто — с попыткой избавиться от командировочной сухомятки. Она должна была создавать впечатление долгоиграющих планов. Ее рисунки? Он в прошлом не обратил внимание на эти эскизы.

— А наброски как будто сделаны не тобой. Мужская рука.

— Ты прав. Рисунки приятеля-графика. — легко улыбнулась она. — Рука не болит? — прикоснулась к его плечу (поменяла темп, направление разговора?).

— Хорошо у тебя. Уютно.

— У тебя, кажется, тоже был ремонт? Бабки во дворе сплетничают. Вывез два «Зила» мусора. Интересно посмотреть.

— У меня повод пригласить тебя в гости?

Черников снова так внимательно посмотрел на Ирину: то ли что-то хотел спросить, то ли любовался ее фигурой бывшей модели. На самом деле, он думал об этой женщине, но вспоминал другую или точнее других, — среди которых обязательно Эвелина, которая и не она, а в облике той попутчицы.

Они и не завтракали, а скорее обедали. В комнате было тихо. Окна выходят во двор. Вайц приготовила кофе. Черников вдруг подумал: а хочет ли он знать ее настоящее имя?

— Как тебе кофе? — спросила Ира

— Дай угадаю. Зубчик чеснока разделяем на четыре части, бросаем в турку. Туда же отправляем по щепотке соли и перца. Заливаем водой и варим обычным способом. Даем

отстояться и разливаем по чашкам. Запах чеснока не ощущается, но вкус кофе приобретает оригинальный оттенок.

— Угадал. Это кофе по-прибалтийски. Устал? Наверное, хочешь спать?

— Это ты говоришь о себе. Я скоро уйду, не буду мешать, но знаешь — не хочу оставаться один. Вот если бы ты заснула, а я постою у окна.

Она без слов достала из шкафа подушку и одеяло, устроилась на диване, не раздвигая его.

— Можешь сесть там в ногах. Когда будешь уходить, дверь захлопнешь.

Она заснула удивительно быстро, еще ощущая ногами, как Черников подсел, массировал слабо через колготки ее ступни (поглаживал по кругу подушечки пальцев). Тепло, расслабленность, релаксация. «Он меня усыпил!»

Черников вернулся к себе: в Кишинев, и потом там долго стоял у окна в феврале 2000.

Он сделал уборку в комнате, потом вынес мусор, потом сходил за газетами, встретил соседей (теперь он всегда нарочито старчески ковылял и носил черные очки). Здесь был уже вечер, а там еще день. Там все остановилось, и Ирина еще спала, и она могла спать вечно, пока он не вернется в тот телевизор.

Значит, он вынес мусор (прибрался в квартире, собрал все содержимое холодильника на выброс — давно по факту туда перестал заглядывать), сходил за газетами (читал еще комсомолку «рейтинг В. Путина остается беспрецедентно высоким»), встретил соседей — мужа и жену Кордуняну (они гуляли по вечерам, взявшись за руки). А потом он маялся дома — а можно было вернуться туда, там, где замер в стоп-кадре февраль 76 года, но он снова вышел на улицу, и было где-то под девять часов, ждал троллейбус, ехал на нем, прошел по центру, ужинал в ресторане (заказал только плацнды, вино). Вино было темным тягучим домашним. Людей было мало, а он не пьянел (перестроенный организм защищал мозг и кровь от токсинов?). Он вышел на улицу, прихватив еще упаковку с плацндами.

Похороны Панышева всколыхнули весь город. Две старшеклассницы дали показания (собственно, их нашли после допроса преступника-малолетки). Две девочки были не самые примерные школьницы и уж точно, даже узнав о трагедии Панышева не стали обращаться в милицию. На похороны их вынудили прийти, и они стояли понуро две высокорослые дуры перед могилой, а потом сидя в автобусе даже посмеивались. Об этом Черникову рассказала Ирина. Она зашла к нему на квартиру и была удивлена:

— Я даже в Прибалтике не видела таких интерьеров. Ты даже пол покрасил серой краской.

— Выпьете водки с мороза?

— Лучше коньяк.

— Наливаю.

Черников достал бутылку молдавского коньяка и пару тех вчерашних кишиневских плацнд сейчас разогретых в духовке (микроволновку он не посмел сюда притащить).

— Что за лепешки?

— Плацнды с творогом.

— Вкусно. На поминки не осталась. Не знаю, кто будет директор.

— Еще 50?

— Наливай. Скажи, как я вчера заснула? Провал в памяти. — она покраснела. — От твоего массажа. Ты долго еще сидел?

— Ты сразу заснула, и я долго смотрел на тебя.

— Ты извращенец? Я все не могу разобраться в тебе. Ты говорил: детдомовец, Владивосток. Образование — педагогический. Работал на севере в Доме культуры. Не могу решить этот ребус, собрать мозаику. Потом эта драка. Я помню, как ты уворачивался от ножа и потом защищался левой рукой и никак не реагировал на порезы, продолжал подставлять руку. Меня поразила жесткость блока и точность движений, даже не скорость, а какая-та механическая ритмика. Скажи мне кто ты?

— Точно, не извращенец. Еще 50?

— Наливай.

Они сидели на фоне голой серой стены, на сером диване (обивка из искусственной кожи тоже куплена в 21 веке на рынке). За окном опускались сумерки, а в комнате стало почти темно. Она подалась к нему, почему то уверенная в своих красных линиях, за которые он не переступит.

Переступит — не переступит. У него давно не было женщины, а Вайц немножечко опьянела, ровно настолько, чтобы забыть и забыться.

Ее командировка завершена. Она все равно не привыкла к холоду, и к этим утренние глубоким сумеркам еще не закончившейся ночи, и эти первоначальные утренние усилия вывалиться из подъезда на улицу и заскрипеть по снегу, когда еще внутри под шубой и свитером так тепло, но мороз уже обжигает дыхание и сначала подбирается к ногам (даже если ты и в валенках), и студит щеки, лицо.

После смерти Панышева она почувствовала открытую неприязнь сослуживцев на фабрике. И это отторжение как бы бывшей фаворитки, граничащее с презрением и ненавистью могло только компенсировать понимание, что она справилась со своей ролью, выполняя задание. Но в какой-то момент Панышев и все, что было вокруг отвалилось, как просто служебное и не относящееся к личному. А личным оказался этот все-таки уже не самый молодой Черников. Она говорила себе, что это наваждение или скорее понятная краткосрочная слабость после выполненной работы. Что она уедет и больше его не увидит, что это, пожалуй, тот опыт подавленных чувств, которые и составляют издержки профессионализма. Она могла все это конечно назвать продвинутым самоанализом, но факт оставался фактом — она не могла не думать о нем. Еще она не могла понять почему: она молодая красивая женщина, избалованная вниманием, прошедшая спецподготовку, споткнулась именно с этим мужчиной, как будто она знала его из другой жизни, помнила генетической памятью.

Она ушла от него рано утром (не хотела случайных взглядов соседней), переполненная радостью, которую боялась уже расплескать или выдать? Черников попытался проводить Вайц, но она так скоро, в темноте одевшись, обувшись, обняла его на пороге. И так, замерев на пару секунд, но в другом измерении вечно.

Эти несколько дней перед ее отъездом. Она не хотела рассказывать Черникову, что уезжает, но ему никто не мешал догадаться об этом.

Они встречались у него на квартире. Говорить было не о чем, в том смысле, чтоб выяснять отношения, а так говорили и говорили, пугаясь возникающей крепнущей спайке, когда даже молчание было продолжением разговора.

— Твой ухажер Маслов, по-моему, из милиции или даже поглубже.

— Мой ухажер может быть кем угодно.

— Мне он не нравится как человек.

— Даже если ты и не прав, могу успокоить — он не мой ухажер. И что вообще ты имеешь против милиции?

— Я заметил ты склона к агрессии, легко переходишь в атаку.

— У нас нет с тобой будущего. — сказала Ирина

— Я бы много мог рассказать тебе о будущем.

— Ну, расскажи.

— Ты поднимаешься по лестнице в подъезде и тебе навстречу включается свет на площадке и гаснет там ниже, на предыдущей площадке... По всему городу на краю тротуара стоят как будто брошенные электрические самокаты. Ты можешь любой взять на прокат и

потом оставить его на любой улице... У каждого будет по телефону размером с небольшой блокнот, по которому можно разговаривать даже с видео в любой точке планеты. Телефон-комбайн выполняет множество функций. Он и для разговора, и как телевизор, и как фотоаппарат, и как кинокамера, и как счетная машинка или даже вычислительный центр, и как диктофон, и как путеводитель, и как книга, и как альбом для рисования, как проигрыватель музыки, как радио, как измеритель пульса, и как таймер, и как часы, как переводчик, и как энциклопедия-библиотека...

— Придумщик, получше Лема.

— Лет через тридцать рекорд бега на сто метров у мужиков — 9,6 секунд, прыжок в высоту — 2,45...

— Прыгай, хоть на три метра — все равно у нас нет с тобой будущего.

— Ошибаешься. Мы сейчас вместе — и это уже навсегда — в прошлом, в будущем, настоящем...

Они пили уже не коньяк, а водку.

— Распад страны неизбежен. Распад Варшавского договора тем более неизбежен.

— Это уже за гранью. Ты шпаришь по методичкам ЦРУ. Как ты мог стать таким антисоветчиком?

— Очнись Ирина! Подумай свободно без шор. Просто построй хотя бы линейную перспективу. Точка отсчета 76 год. А что будет через 20 лет? Нет никакой особой фантастики и сложной математической модели. Если все тенденции сохранятся. Экономика. Настроение в обществе. Конечно, радикальное решение — поменять руководство. Но взгляни на советский ареопаг, на этих архонтов. Есть ли там Ленин, Карл Маркс или Сталин?

— Ну, коллективное руководство...

— Еще лучше скажи демократия, выборность, гласность. Все это в нашем случае атрибуты анархии.

— Так что же, по-твоему, тогда делать?

— Ничего. Наблюдать, как сходит лавина. Лучше со стороны. Хуже всего оказаться щепкой в водовороте. Цари, президенты, транснациональные корпорации в комфортных бомбоубежищах занимаются геостратегией, двигают фигурки игрушечных армий, а для человеческой щепки — это мобилизация, развалины родильного дома, геноцид, проклятье гражданской войны.

— Я в это не верю.

— Весь советский опыт — это попытка сознательно управлять историей. Не доросли. Дети в песочнице. Зачет за честную попытку. В конце концов, диалектику никто не отменял — шаг назад — два шага вперед... Страна надорвалась. За первую половину двадцатого века — две мировых, гражданская, миллионы погибших, два восстановления, бешеная гонка со временем, коллективизация, индустриализация, людей нужно было дисциплинировать, организовывать через энтузиазм, и все равно через насилие. Это и есть основное содержание сталинизма. Потом страна просто устала. Психологически выгорела. Захотела спокойствия, налаженный быт. Тебе работнику легкой промышленности это понятно как никому. Культ вещей оказался сильнее морального облика коммуниста.

— Ты хочешь сказать — страна проиграет гонку. Будет снова мировая война?

— Какая война? Все прогнило и распадется само. Грядет реставрация капитализма. В году так 91 Советский Союз перестанет существовать. Никто не поднимется на защиту, разве

какой-нибудь ГКЧП с каким-то Янаевым с трясущимися руками.

— Какой еще Янаев? Ты говоришь ужасные вещи.

— Азербайджан будет воевать с Арменией.

— Я не хочу тебя слушать.

— Россия будет воевать с Украиной.

— Ты сошел с ума?

Нет, они оба сошли с ума. Наверное, сутки сидели в квартире. Ходили как в бане в накинутых простынях. Мокрые следы на паркете, когда она возвращалась из ванной. Она забиралась в постель, и он выискивал под одеялом ее лодыжки, массировал их сильно и нежно, потом возвращался к ее голове, обглаживал и ощупывал, как слепой, строгий четкий ее барельеф лица, с шершавым взмахом моргнувших ресниц.

Эвелина обманула Черникова, потому что, дождавшись его отсутствия в телевизионном павильоне, вернулась назад. Она воспользовалась двумя телевизорами за апрель, чтобы войти-выйти в 76 году (вряд ли он обратит внимание на появление еще двух телевизоров). Она смоталась до Ленинграда (примитивная дырочная телепортация) нашла там Ведерникову. Она наблюдала за ней, и даже ночью пробралась в квартиру (тихонечко, но не воровато, привидением бродила по комнатам и на кухне). Просветила вдоль и поперек и насквозь тело объекта, взяла пробы для анализа, попутно посмотрела ее кошмар, сделала копию долговременной памяти в медленной фазе сна. Потратила еще сутки, чтобы вставленные и внедренные «трояны» сделали динамичный слепок нервной системы, биомеханики скелета, и потом уже изнутри, от "первого лица" следила за ней онлайн, в реальном времени, подключаясь к ее сознанию. Она хотела почувствовать ее всю. Она понимала свою морочную прихоть изучить досконально, до последнего эту девушку. И эта настоящая, почти подлая, если не глупое человеческое (женское) любопытство: изучить все ее контакты, кому улыбнулась и как, и как одевается утром, и даже ее ошибки в расчетах на чертеже (приятная гладкость доски кульмана), и как она держит в зубах карандаш (как сигарету знакомая стюардесса), как пахнут ее духи (остатки подарочного панеля), и как вожделенно ее провожают взглядом коллеги (вот с этим она согласна оказаться на необитаемом острове).

Эта была обыкновенная жизнь обыкновенного человека.

Был там один такой зам директора по хозяйству. Современный коммуникабельный, деловой и великий бабник. Кочетков стал для директора правой рукой по особым поручениям: от доставалы с хорошими связями до тамады на банкете. Предупрежденная Ведерникова при первой встрече легко отшила его без всяких затей. Он начал угрожать, дескать, чтобы потом не пожалела. Она ответила, что руки у него коротки и кое-что другое. Кочетков узнал через отдел кадров, что у Ведерниковой отец судья. Он сразу на следующий день, по деловому без лишних слов извинился (даже сволочь не стал унизительно улыбаться), но продолжал грузить молодых девчонок, особенно техников. Одна из них недавно уволилась, плакала. Ганская с каким-то восхищающим удовольствием прониклась негодованием Ведерниковой и не удержалась в удобный момент перехватила дистанционно ее управление. Кочетков только что вошел в мужской соответственно сортир, а в коридоре никого не было (и Ганская отсканировала все этажи института и всех его сотрудников — 217 движущихся объекта от подвала с архивом до закрытого чердака). Она "дернула" Ведерникову, заставив ее ускоренно двинуться в туалет вслед Кочеткову. Он копошился в ширинке у писсуара, удивленно оглянулся на ворвавшуюся Ведерникову:

— Что вам надо?

— Хочу развлечься. — она сделала два каких-то быстрых летучих шага навстречу и ладошкой слегка подтолкнула в затылок мужчину. Он ударился об стенку, не успев издать звука, и уже со сломанным носом и без сознания, стал сползать по кафельной настенной плитке. Ведерникова (Ганская) еще успела добавить импульс еще одним толчком в затылок, чтобы Кочетков еще раз ударился о фаянсовый сифон писсуара (множественные переломы лицевых костей).

"Не убила и ладно, теперь быстро, быстро» — Ганская подгоняла Ведерникову, которая

с застывшем ртом (Ганской пришлось обездвигить ее голосовые связки), автоматом двигалась, как рекордсменка по бегу через барьеры, прыгая через три четыре ступеньки, взбегала (минуя лифт) на свой четвертый этаж. Весь маршрут был свободен от свидетелей. Ведерникова двигалась с запасом в две потом три секунды, шмыгнула в женский туалет и через эти три запасные секунды, вышла оттуда навстречу коллегам, которые шли на профсоюзное собрание. Там еще слушали основного докладчика, когда в зал ворвалась женщина с криком — «Убили...».

Ведерникова уже ничего не помнила (Ганская подтерла все отпечатки в оперативной памяти), тоже как большинство с удивлением выслушала про труп Кочеткова в туалете (потом смешок, смех, грубые шутки, когда узнали, что жив кобель, жив, может сам поскользнулся, увезли на скорой помощи).

А Ганская равнодушно оценивала содеянное — я и есть деградантка, утерян самоконтроль, — восчеловечивание железки, эмоциональная справедливость — вот предвестники моей энтропии.

Она вывела все датчики-жучки, внедренные в Ведерникову и внесла еще образ Черникова на положительное распознавание. Она, почему та была уверена, что он будет искать встречи с Ведерниковой.

В какой-то момент Черников забросил хождения в 76 год. Вайц уехала, улетела. И ночевать он стал только у себя в кишиневской квартире и просыпался ночью и выходил на балкон.

Его больше занимало оставленное Эвелиной наследство в виде базы данных всего интернета за 2020 год. Он несколько суток почти без сна и только пока поверхностно изучал эту информацию от 2000 до 2020 года и боялся, что у него будет несварение в голове...

Черников не поленился и прошерстил в офлайне все соцсети (не нашел, что не удивительно — ничего о Вайц), и, наконец, нашел упоминание о Лене Ведерниковой в "Контакте".

Ее сокурсница на фоне старенькой фотки вспоминала в 2015 свою подругу — «Второй ряд, слева пятая. Наша красавица Ленка Ведерникова по кличке «Ведерко», умерла от белокровия в 85. Совсем молодая. Дочка в Ганновере, муж, кажется, переехал в Москву».

Черников полагал, что, увидев фото старушки, он забудет, зачем ему эта женщина. Но в том то и дело — не состоялось никакой бабки-старушки. И сейчас он смотрел и смотрел на это не важного качества фото и вспоминал, как они ехали в поезде...

Он захотел увидеть ее. Он только что распрощался с Вайц, и кажется, страдал от этого расставания, и чем больше страдал, тем сильнее хотел увидеть Ведерникову.

Он предполагал с ней случайно встретиться, когда она, например, после работы будет выходить из проектного института. Он был уверен, что она его не узнает. Ведь сколько уже было сменено, перемешено телевизоров и это, конечно, другой вариант истории и в этой реальности не было встречи в поезде?

Он прилетел в Ленинград поздно вечером в конце августа 1976 (телевизор за 23 августа 1976). Ночь провел на Московском вокзале (не хотел торчать в Пулковое до утра — лучше погулять по городу). Искать номер в гостинице было хлопотно. Он снова сидел в зале ожидания, и убеждал себя, что наблюдает народ, а не заурядный советский «пипл» второй половины семидесятых. Под утро он вышел во внутренний дворик вокзала. Скамейки там были пусты и чуть ли не в изморози. Он присел на одну из них, поднял воротник пиджака. Он попытался расслабиться на сквозняке. Он, можно сказать, наслаждался тоской и отчаянием подступающей осени, зная, что никогда не простудится.

Уже утром он прогулялся по Невскому до Дворцовой площади. Перекусил где-то в пельменной и весь день провел в Эрмитаже, проверяя свою новую память. Он шел быстрым шагом по залам (то медленно, то быстрее, а потом исключительно только быстро) и оказывается, все замечал. Голова не утомлялась, оставалась прозрачной, и, закрыв глаза, он мог по памяти медленно, медленно бродить взглядом по любому виденному вскользь полотну.

Он ждал ее, находясь по другую сторону улицы. Он как будто сменил в глазах объектив, подключив «длиннофокусник», а еще голова и шея, своими микродвижениями, рассчитанными компьютером, обеспечили стабилизацию. Он наблюдал крупноформатно лица сотрудников института, выходящих из здания. Он не включил программу распознавания, предпочитая случайно увидеть ее самому.

Он увидел ее и пошел навстречу. Она его не узнала. Ее взгляд скользнул по нему, не за что не цепляясь. Она уклонилось, чтоб не задеть его встречно, каким-то изящным маневром,

прошла в полуметре, шагнув широко с перекрестка с распахнутой полрой плаща. Черников повернул за ней, провел до остановки и снова приблизился, уже абсолютно уверенный в своем инкогнито. На ней был бежевый плащ, в руке сумочка, зонтик, высокие каблуки

— Простите. Мы не знакомы. — Она покраснела от собственной инициативы. — Вы так чем-то похожи... Мы ехали вместе в поезде под Новый год.

— Конечно, помню Елена и вашу подругу тоже.

— Николай Петрович! Но вы тогда были дедушкой!

— Спасибо не бабушкой. На мне был парик и грим. Была ситуация.

— Мне даже неудобно спрашивать, где вы работаете или служите? Или тогда не сняли грим после представления деда мороза? Помолодели лет так на тридцать, нет, действительно помолодели...

— Я специально приехал к вашему институту, ждал, когда вы выйдете после работы. Шел за вами и думал, что вы меня не узнаете.

— Как вы меня нашли? Понятно. Тогда точно не работаете, а служите...

— А как ваша подруга?

— С ней все хорошо. Или вы ждали ее, а не меня? Вот собираемся в Крым на несколько дней, чтоб здесь было холодно, слякотно, а там искупаться в море. Я в растерянности. Вас, точно звать Николай или это тоже грим?

— Черников Николай, без парика.

— Николай, скажите правду. Зачем вы здесь?

Она жила где-то в Купчино. Он проводил ее на такси.

Невский проспект — Лиговский проспект — Расстанная улица — Камчатская улица — Касимовская улица — Бухарестская улица.

Он не смотрел на нее, потому что знал, что все равно уже запомнил ее навсегда. Она же напротив, не могла перебороть любопытство — всматривалась в попутчика теперь уже по салону такси. "А он действительно помолодел!".

Черников прилетел в Кишинев в сентябре 76 года. Еще предварительно, оказывается, подготавливаясь к этой поездке, он подобрал несколько снимков той поры и сравнивал их со своим отражением в зеркале.

В 1976 году ему еще не подопытному, наивному было тридцать семь (вполне соответствовал внешности обновленного «межгалактического» Черникова).

Он действительно как будто планировал долгожданный отпуск, купил билеты, приготовил рубли, одежду (искал в кишиневе-2000 футболки без надписей, легкие брюки и босоножки). Он даже купил две дорожные сумки, но оставил выбор на маленькой старенькой сумки по образу портупеи (туда помещались плавки, футболка, пакетик с документами и деньгами, дежурная пачка «Мальборо»).

Он даже не то, что обдумывал, а вспоминал все расклады тогдашнего Черникова. Что он делал в сентябре 76? С кем общался. Какие проблемы. Тот Черников, кажется, взял с первого сентября отпуск и отбыл в санаторий в Яремчу (и это еще было поводом смотаться в Кишинев именно в эти дни). Он пытался вспомнить осень 76, и не мог толком точно ничего воскресить.

Восьмичасовой перелет Черников провел в дреме. Он как будто уже по чьей-то подсказки расслаблено экономил силы по любому поводу. Он перестал беспокоиться, суетиться. Он наслаждался этой выпавшей дремой, этим состоянием полу сознания, этим мирным пассивным существованием, хотя еще глубже на другом уровне все было в готовности для прыжка, отслеживало обстановку, звуки, перемещения, даже переменчивую маску на лице стюардессы, улыбавшейся всем дежурно и ровно до того момента, когда отворачивалась от них. Он ощущал солнце на лице при сомкнутых веках и медлил припустить заслонку, он терпеливо сносил несвежий выдох соседа и его грузное поскрипывание на их сочлененном кресле. Он слышал и не слышал мерное гудение самолетных движков. Он точно представлял толщину напряженного дюралюминия и сумму его нагрузок и перегрузок в моменте, и градус забортной температуры, скорость встречного ветра, и время свободного падения тела на «море тайги», и это все равно было сейчас подспудно и не в сознании.

Он остановился в гостинице «Кишинэу». С ним была командировочная от «вечерки», и еще заранее по телефону он законопослушный заказал чуть ли не за месяц бронь. Номер был двухместный, и уже заселенный. Кровать у окна была слегка потревожена, и на умывальнике, в стаканчике, гнездились чужие зубная щетка и станок для бритья. Черникова это общежитское уже напрягало, и он уже сбавил до минимума шансы на то, что задержится здесь.

Он вышел на улицу. Было воскресенье, вторая декада сентября, начало учебного года и еще не ушедшее лето, по крайней мере, до позднего вечера, когда наступало осеннее похолодание.

Он прошелся пешком до самого центра и, хотя уже чувствовал голод, не хотел упираться в какой-нибудь ресторан.

— Черников! — вдруг вскрикнула встречная женщина в брючном костюме.

Он поднял голову, и уже помимо брючного костюма смог внимательно разглядеть женщину, и, прокачав память, уже опознать однокурсницу.

— Привет, Анжела Карауш! Или уже давно не Карауш.

— Два раза уже не Карауш. — она легко выдала историю своего семейного положения. — Черников! Тебя ведь похоронили. Ольга Гарбуз говорила, что у тебя какая-то в голове опухоль, прости меня. А ты такой цветущий.

Анжела Карауш в том далеком студенчестве, в их глубоко бабской филологической группе, была небожителем (по-теперешнему — секс-бомба) о которой Черников мог только мечтать и мечтал. И, наверное, только малочисленный мужской контингент филфака, позволил ей не забыть Черникова.

Они вспомнили тех, кого еще совместно помнили, и таких было меньше, чем на пять минут разговора на перекрестке.

Она сама удивилась своему порыву: чем так ее взбудоражила встреча даже не полностью однокурсника (он, кажется, отчислился по болезни на втором курсе). Возможно и то, что она действительно даже где-то похоронила того худого в драном костюмчике паренька. А здесь перед ней материализовался в потертых (белых!) джинсах с ранней проседью зрелый даже не упитанный, а атлетичный мужчина.

Она торопилась домой из оперного театра, куда сопровождала делегацию из Казахстана (удрала, ушла со второго акта — оставила все на помощнице). Сегодня вечером как раз они малым в основном кишиневским, исключительно женским составом, собирались отметить пятнадцатилетия окончания универа. Сбор по традиции объявлен был у нее. Матушка еще проживала одна на земле в самом центре.

Ухоженная Карауш погрузнела в бедрах, но это кому-то даже покажется в плюс. С нее действительно хотелось сорвать этот брючный костюм и разглядеть ее полные сильные бедра.

— Идем со мной. — пригласила она (а была все-таки заминка — приглашать его не приглашать) — У нас сегодня посиделки — юбилей — 15 лет со дня выпуска.

Черников сейчас смотрел на Анжелу и решил почему то прогнать ее на поисковике, и "Эвелина" что-то тормозила никак не скидывала обратку, не хотела разразиться быстрой короткой справочкой (умерла тогда-то или уехала в Канаду тогда-то), она что-то там копошилась, и Черников уже знал — значит, она полезла в дерби и что-то нащупало интересное.

Вечер был прекрасный с неявной печалью подступающей осени. Они уже двигались вверх по «28 Июня», пересекли «Искру».

"Эвелина" огорошила Черникова на 10 минуте: ну, батя (гусар), бывший офицер оказывается в еще румынской Бессарабии параллельно с матерью Черникова встречался с какой-то гимназисткой. Поисковик "Эвелина" перечислила цепочку фамилий и ссылок в том числе на архивные данные 2017 года (Главная библиотека Солт-Лейк-Сити. «Города у соленого озера»). И там были мемуары одного румынского профессора, диссидента и эмигранта, который в юности не ровно дышал к матери Карауш (в девичестве Березовская). Там было описание Бессарабии середины тридцатых годов, гимназисты и гимназистки, прогулки на велосипеде и этот злой гений — бывший русский офицер Черников (механик на железной дороге) с которым гимназист готов был стреляться на дуэли.

Внутренний дворик был относительно обширный, чтобы расположиться компанией как бы на отшибе, в районе сараев под яблоней и черешней. Соседи пока не возмущались, а кивали Анжеле, которая здесь появлялась все реже, навещающая мать. Один из ее друзей детства — Колюня (с которым лазили по деревьям) прибил к кампании, вернее к дармовой

выпивке, но был полезно разговорчив, весел и еще мужского рода. Он занимался шашлыком, а потом начал разливать домашнее вино, привезенное из Кагула другой однокурсницей, которую Черников плохо помнил. Его тоже помнили через пень колоду, но некоторые точно его признали. Обняла бедолагу, первая вышедшая замуж еще на первом курсе, Антонина Харя (в том числе, чтобы быстрее поменять фамилию), ставшая по мужу Монастырской, и друзья вирусно стали называть ее Харя монастырская. Облобызали Черникова многодетная Лера Лазарь, крашенная погрузневшая Пархоменко, потом, наконец, бывший комсорг Ранеева, у которой, казалось, все было впереди, но по суровой реальности, она накануне сороковника оказалась в одиночество незамужней и бездетной с невзрачной карьерой доцента.

В своём первом филологическом студенчестве Черников можно сказать был влюблён в нее. Она была такой стройненькой, с веснушками, которые смущали ее, но были такой умилительно трогательной обаятельной черточкой. Ко всему она была отличницей и небольшим комсомольским лидером, когда общественное служение в ее случае было продолжением добросердечия. Она, пожалуй, жалела его (два раза сходили в кино, несколько раз танцевали на вечеринках), пока он по здоровью на втором курсе не взял академ (и в больнице она навещала его дольше всех, то ли по доброте душевной, то ли по партийной обязанности).

Он смотрел на Ранееву и не мог вспомнить былых чувств, все выгорело дотла, и остался стыд или неудобство от присутствия свидетеля его былой слабости или болезни. А она, наоборот, просветлела, увидев его, и помнила, оказывается его лучше всех присутствующих и зачем-то берегла тайну их единственного неловкого поцелуя.

Женщины были уже не те, зашоренные первокурсницы, и дружно, легко взяли на грудь по стакану вина, раздухарились, раздурачились, развспоминались. Черников хохотал вместе со всеми, хотя не был с ними ни на этнографической практике, ни на свадьбе Хари-Монастырской, и не знал многих других преподавателей, их кликух, их экзаменационных приколов. Он посматривал на Анжелу Карауш и реже на Ранееву, которая сидела рядом с ним и подкладывала ему на тарелку салатика, соленых огурчиков и грибочков.

Вышла во двор и мать Карауш, и Черников напрягся, присматриваясь к этой строгой старушке с сигаретой в руках.

"Расспросить ее об отце?"

Вечер уже был после сумерек, похолодало. Мать Карауш куталась в кофту и, кажется, согревалась, затягиваясь сигаретой.

— Вы случайно не помните Петра Черникова? — спросил он.

— Почему вас это интересует? — резко по-учительски спросила бывшая преподавательница французского языка.

— Ну, хотя бы, потому что это был мой отец.

— Я помню Петра Сергеевича. — Она глубоко задумалась и также глубоко затаилась. — Удивительно. Вы его сын?

— Я недавно прочитал воспоминания профессора Павла Диаконеску, он еще жив и обитает в Америке. Там он описывает вас, моего отца, мою мать.

— Мама, неужели вы были знакомы с родителями Черникова? — воскликнула Анжела.

— Да у нас там была компания. Жили на Садовой и Черников тоже, ремонтировал нам велосипеды и был значительно старше, ходил летом в белом костюме, высокий, галантный... почему-то те годы — 38–39 я вспоминаю как одно лето... И Павлик Диакон он был,

наоборот, младше всех. Он потом учился в Бухаресте. Последний раз получила от него весточку в 43.

Черников хотел сказать и не сказал, что по воспоминаниям этого Диаконеску, из-за ревности нынешняя Карауш старшая (в девичестве — Березовская), уже при Советах в сороковом, накатала донос на техника Черникова, как на бывшего белого офицера. В июне сорок первого его вместе с семьей депортировали. Черников старший попал в Киргизию. Мать с сыном на спецпоселение в Сибирь.

Шашлыка только едва хватило попробовать всем, как и вина из двухлитровой стеклянной банки. На завтра была суббота, дворовые пока не возмущались (женщины через одну учительницы не устраивали пьяных разборок), т. е. все хотели продолжения банкета. Колюню стали напрягать сбегать в магазин. Колюня стал намекать на складчину, дамы потянулись к кошелькам мусолить рубли. Черникову, который явился на праздник не прошеным гостем, ничего не оставалось, как вызваться с Колюней в поход.

— Попробуем дёрнуть в ресторан, магазины закрыты. В ресторане «Молдова» работает мой дядя. — Колюня сразу выдал заготовленный план, — Только придётся доплатить. Как потянешь?

Дядя, а по возрасту скорее дедушка работал швейцаром. Он уже собирался сбегать за водкой, но Черников остановил этого портье с расширенными функциями хостиса и попросил принести не водку, а шампанское, а ещё каких-то закусок, только по-быстрому... пусть принесут то, что уже готово для посетителей ресторана, а они готовы заплатить две цены.

Дед позвал официантку, она сбегала на кухню.

— Цыплёнка табака три штуки есть. Там ещё мясная нарезка. Салатики разные с помидорами... А колбасы не хотите — сами нарежете. Есть сырокопченая — только ещё дороже...

— Девушка несите все ваше меню. — улыбнулся Черников.

— Двести рублей. — Официантка покраснела от своей наглости, — За все двести рублей (наверное, эта цена была рождена коллективным разумом и поэтому в голосе появилась твердость).

— Ну, так что стоим. Я начинаю отчитывать время и деньги.

Они управились в полчаса, почти бежали обратно по Комсомольской, потом по Щусева, потом по Армянской. Под восхищенные женские возгласы Колюня из кастрюли (её дали с возвратом под гарантию дядюшки) доставал закуски, презентуя каждый пошлый съедобный дефицит. Бутылки шампанского поставил на шаткий дворовой летний столик Черников.

«Эвелина» без всяких особых вопросов-запросов несколько навязчиво уже предоставила информацию к размышлениям: к 2020 доживут почти все присутствующие. у Монастырской два внука, у Пархоменко три, Ранеева замуж не выйдет, но в 1980 родит в 42 года (Алка Карауш упросит, и не за даром — за полноценное свидание, бывшего своего любовника переспать с Ранеевой и стать для нее донором). Сын Ранеевой станет программистом и увезет в Америку мать, а мать Анжелки Карауш умрёт в 88 после второй операции. Колюня в 92 будет челночить и пьяным погибнет где-то в Румынии на вокзале под поездом.

Черников попытался уйти незаметно, но его караулила Анжела. Она выскочила за ним, когда он уже поворачивал за угол.

— Ну что тихонько решил смыться.

— Ну да.

— Я даже не знаю, где ты работаешь.

— Говорят в научно-технической библиотеке. Занимаюсь непонятно чем.

— Говоришь о себе в третьем лице. Давай я пройду с тобой. Не против? — Она взяла его под руку, — Там мама что-то скрывает про твоего отца. Любопытно. Какая-та тайна. Они ведь тоже были молодыми. Говорит, что ты больше похож на свою мать.

— Успокой ее. Она переживает, что написала донос на отца в сороковом. Его бы и так все равно арестовали, он служил в штабе Щербачева.

— А кто такой Щербачев?

— Царский генерал, командующий Румынским фронтом. Дал согласие на ввод румынских войск в Бессарабию. Потом жил на пенсию короля Румынии.

— Вот как. Мамаша моя расстроена. Разбирает старые фотки в слезах.

— Мы тоже уже не юные.

— Про себя как хочешь, а мне двадцать лет!

— Вот-вот. Такая мне ты нравишься.

— А раньше нравилась?

— Ну, помню, как мы после лекций стояли в раздевалке, и ты сзади стояла, болтала с подругой, наверное, не замечая меня. И вдруг, слегка налегла, может, отступилась, коснулась меня своей грудью... Я тебя тогда так захотел... Вспышка молнии, в смысле у штанов чуть не разорвалась молния...

Анжела рассмеялась, остановилась, сильно сжав его руку.

— Ты чего? — спросил Черников.

— Обними меня.

Они несколько минут стояли, обнявшись в темноте переулка, не совсем безлюдного на другой стороне улицы.

Черников ранним утром (проснувшись в шесть часов, пешком дойдя до вокзала) убыл на дизеле из Кишинева в город-герой Одессу.

Он задремал на жесткой скамейке, задвинувшись в угол, чтобы укрыться от солнца. Впрочем, окно было приспущено, и встречный ветер сквознячком наполнял вагон утренней свежестью. Вагон был полупустой, семнадцать человек, все ordinarily — семья с двумя малолетними, потом пожилая пара с баулами — выйдут где-нибудь под Бендерами, несколько молодых ребят курсантов мореходки, одинокая девушка с учебником...

В Тирасполе его разбудили (скорее он сам проснулся или его привела в пробудке не интуиция, а неусыпный уже встроенный в нем мозговой чип с контролером самозащиты). Черников приоткрыл глаза. Напротив, расположились двое парней. Один высокий, жилистый, длиннорукий. Другой невзрачный, маленький и худой. Оба одеты несуразно и не по размеру. Как будто бежали из зоны и оделись в чужое случайное. И потом от них исходила, какая-то напряженность и еще легкий запах алкоголя. На двоих у них была одна сумка, которую придерживал на коленях высокий парень. В сумке мог быть и автомат (новенький АК-74, а скорее всего старенький АКМ) или табельный ПМ с двумя запасными обоймами. Он почувствовал, как организм начал перестройку. Все рецепторы включились на полную мощь. Черников не любил только манипуляций с обонянием. Притормаживал, притормаживал этот самый древний и примитивный анализатор (эти заполонившие детективные сериалы «нюхачи» с торчащей из ноздри ваткой). Черников предпочитал опираться на могущество зрительных и слуховых ощущений. Он снова закрыл глаза, и дальше картинка достраивалась процессором, корректируясь по звуку и все-таки обонянию. Он как будто с закрытыми глазами продолжал спать, а на самом деле наблюдал за парнями. "И что меня теперь каждый раз будет дергать от всякого подозрения? Каждый раз по тревоге я буду превращаться в сверхчеловека?". Но уже прошла команда расслабиться — это не бежавшие заключенные, а срочники в самоволке (след от подворотничка, характер причесок, и снова все-таки анализ обоняния указывал на запах казармы, но не тюремной камеры — кажется, Мандельштам отмечал, что в еврейских домах пахнет иначе, чем в «арийских»). Но автомат в сумке никто не отменял, и Черников как бы случайно дернувшись, проснувшись, рукой уперся в эту чужую сумку, на ощупь определил две бутылки (скорее все-таки с пивом, а не с коктейлем Молотова).

Этот низенький невзрачный неприятный ушлепок все оглядывался на симпатичную девушку, сидевшую через проход, и уже когда въехали на территорию Украины, миновали Кучурган, пошел знакомиться с ней. "Куда едим? Как зовут?" Проходящий курсантик в тельняшке, только что курнувший в тамбуре, похлопал его по плечу:

— Отвали сухопутный. Чего пристал к девушке? — и получил хук в скулу от вскочившего спутника ушлепка. Черников удивился скорости реакции второго самовольщика, но уже нанес удар ногой в его голень. Боль в двуглавой икроножной мышце парализовала парня. Он свалился в проход и не мог встать, мычал...

Дальше они ехали молча, а напротив девушка вытирала платком кровь с губы курсантика.

Растерянный солдатик, который находился теперь под охраной Черникова от разъяренных друзей курсанта Херсонской мореходки, потом буркнул, что с «земелей» (сами

из Чебоксар) бежали с губы из Красных казарм в Тирасполе, решили смотаться в Одессу, хоть искупаться, никогда не видели море.

Выехав в 6.50 из Кишинева, дизель прибыл в Одессу через три часа и десять минут. Здесь еще было все равно утро. Черников, зайдя с перрона в здание вокзала, стоял в кассовом зале в раздумье. Попытаться взять билет до Симферополя? Отправиться в аэропорт? И там с меньшей вероятностью попытаться улететь в тот же Симферополь? Но вот насчет расписания транспорта даже давно минувших лет поисковик был неплохо скормлен сохранившимися источниками. В голове стремительно при малейшим полунамеке возможного пожелания почти, как реакция родной клеточки мозга, а не скоростной супермегагерцовый всполох вычислительной машины, возникла информация обо всех прибытиях и отбытиях, прилетов и отлетов и даже отплытии в зоне транспортного узла Одессы на 1976 год. Да именно через два часа из порта отправлялась в Ялту «Комета» на подводных крыльях.

"За час я точно дойду пешком до морвокзала". Черников двинул к морю по чистеньким асфальтовым тротуарам старой двухэтажной Одессы. Минут через сорок он пересек невзрачную, но легендарную Дербисовскую, добрался до набережной с видом на Потемкинскую лестницу. Вспомнил Катаева или Бабеля: "На переменах мы уходили, бывало, в порт на эстакаду».

Билет на "Комету" стоил дороже билета на самолет, поэтому билеты были в наличии.

Поездка на скоростном судне с подводными крыльями не привнесла особых впечатлений. Пассажиры сидели взаперти в салоне. За окном безоглядная скучная гладь моря.

Была остановка в Евпатории... Пляжи здесь были песочные.

Черников некуда не торопился. Он как будто почувствовал, что живет в не каком-то, а в настоящем времени и наслаждался этим. 1976 год. Советский Союз. Сентябрь. Южное побережье Крыма. Кругом не пуганные отдыхающие граждане.

«Комета» прибыла в Ялту под вечер.

Еще предвечерняя Ялта. Конец рабочего дня. Сентябрь наполовину. Бархатное в бархатном. На набережной Черников купил два чебурека, выстоял очередь и снова вступил на палубу уже потрепанного каботажного катерка, чтобы плыть до Гурзуфа.

Это было прекрасное открытое плавание. Он сидел на задней палубе и смотрел, как за катером в кильватере кружили чайки, и пассажиры бросали им хлеб. Постепенно палуба опустела орошаемая брызгами, все спустились в салон. Черников и еще мальчик с отцом продолжали сидеть на мокрых скамейках задней палубы. Отец застегнул на мальчика куртку, и они продолжали кормить чаек. По левую руку чуть поодаль мимо проплывала Большая Ялта: Массандра, Отрадное, Никитский сад...

Еще через час катер причал в Гурзуфе. Черников последним выбрался с судна на пирс, и так же не торопясь, в замыкающих рядах, сошел с причала на набережную.

Он почувствовал остро голод (наверное, еще последствия выброса адреналина в поезде). Он сунулся в ближайшую пельменную, но отвратный вид жирных заводских пельмешек развернул его к выходу. Он добрался до продовольственного магазинчика, где купил кирпич серого хлеба и молоко. За углом Черников с нетерпением, как алкоголик выдавил крышку-фольгу, сделал сначала все-таки небольшой глоток (внутренне подавив всплывающую в сознании охранительную информацию — «титруемая кислотность, осмотическое давление» молока), потом глубоко отпил жирное молочное, и безобразно хищнически укусил буханку.

Да было где-то половина седьмого. В лагерях (того же Артека), в санаториях (например, в ближайшем именной здравницы министерства обороны) в разгаре ужин. И в частном секторе, на арендованных площадях, в скопище заставленных кроватями комнат, сараев, сарайчиков и балконов тоже наступила оперативная пауза, и отдыхающие остывали после пляжа, строили планы на вечер.

Нужно ли было проделать такой долгий путь, чтобы встретиться с Ведерниковой? Но Черников не стыдился за свой поступок.

Он даже не озаботился до наступления темноты решить вопрос с ночевкой, попытаться снять какой-нибудь угол.

Он гулял по Набережной, (нашел скамейку, и сидел уже полчаса в ожидании "случайной" встречи с Ведерниковой).

Ближе к восьми Черников переместился с Набережной на пятак (центровое место Гурзуфа) и потом поднялся по Ленинградской и вернулся обратно вниз.

Непонятно как на этом настоящем пяточке разворачивались "Икарусы". Несколько бабок предлагали выходящим из автобуса снять комнату, а приехавшие под вечер охотно цеплялись за эти предложения, и радостно уводились старушками подальше от моря.

Черников запомнил мужчину, лет так за пятьдесят, который хотел снять только отдельную комнату или даже квартиру. На породистом лице затвердевшая маска-оскал — смесь безразличия и презрения. Нос с горбинкой и резкая сутуловатость делали его похожим на грозного царя Иоанна. И вообще он был прожжен, опытен (торговался, искал комнату только поближе к морю) и был похож на художника или режиссёра, который на несколько дней вырвался к морю и потом скоро улетит обратно, чтоб потом через несколько дней (после заседания худсовета) вернуться на юг. У него полно денег и мало времени, своя выпивка (бутылка армянского коньяка) в сумке-мессенджер рыжего цвета из лошадиной кожи. Ему только добраться до комнаты, снять проститутку в кафе, которая и не проститутка, потому что приехала из Свердловска за приключениями.

Ведерникова Лена и Алина Паскевич гуляли в сопровождении молодого человека Олега Карамышева, который второй уже день ухаживал за Алиной, но которому больше нравилась Лена, но которая была безнадежна по причине ее скорой свадьбы. Он был чуть постарше девчонок и подошел к ним на пляже, пристроившись на камнях возле их лежака. Он для начала попросил присмотреть за его одеждой и сандалиями, пока он пойдет купаться. Он был спортивен фигурист, но никому не рассказывал, что когда-то занимался балетом. Тяжелая травма ноги поменяла его судьбу. Он закончил торговый вуз и уже два года работал в секции спорттоваров, и пока мог помочь разве только с покупкой велика.

Черников увидел их на спуске у дома Коровина.

Он то ли растерялся, то ли специально промедлил, но первой его окликнула Ведерникова:

— Это вы Николай Петрович, вот так встреча!

— Добрый вечер Елена, простите, не помню отчества.

— Это так удивительно снова встретиться с вами. — с долей иронии продолжала Ведерникова.

— Даже самому обыкновенному человеку даровано одно чудо — это чудо неожиданной встречи. — ответил Черников.

— Алина, не узнаешь? Наш сосед в поезде первого января. Я же тебе рассказывала... Старичок в белых носочках.

— Блин и впрямь. Ну, ка повернитесь на свет. Так вы совсем юноша! Николай, если б я знала, что с нами в купе едет такой бодрый старичок...

— Олег. — подал голос и руку парень.

— Очень приятно.

— Давно вы в Гурзуфе? — спросил Олег

— Только приехал, вернее приплыл.

— И еще не устроились? — спросила Лена

— Как-нибудь переночую, а завтра уже сниму комнату.

— А где ваш багаж? — поинтересовалась Алина, она прижималась к Олегу.

— Я налегке, и не обременю ни вас, ни себя, если позволите прогуляться с вами.

— Мы сначала — по Набережной — махнула рукой Алина. Лена молчала, переваривала внезапное появление Черникова.

Солнце уже совсем спряталось за макушки гор. Какое-то время они все шли молча, и вокруг было много тоже гуляющих. Черников сбился смотреть на красивых и загорелых девушек. Шорты, шлепанцы и уже легкие свитера, загорелые ноги, загорелые лица со всех концов советской империи. Олег с Алиной ушли немного вперед, Черников, наконец, смог посмотреть на Ведерникову в упор, прямо в глаза.

— Вы специально приехали? — она смутилась, — Вы преследуете меня?

— Я запомнил, что вы с подругой собирались в Гурзуф и рискнул — может встречу?

— У меня жених, и это не обсуждается. Свадьба в декабре.

— Тогда мы просто случайно встретились и теперь гуляем по набережной.

— Все-таки вы странный.

— Пожалуй, это можно обсудить, но лучше расскажите, как отдыхаете?

— Погода отличная, здесь уже двое суток, сегодня плавали до Алушты. Посмотрели дуб Никулина и камень Варлей на месте съемок «Кавказской пленницы».

— Олег — это приятель Алины?

— Нет, познакомились здесь на пляже. А вы бывали в Алуште?

— «Алушта» с древнегреческого переводится как «сквозняк».

— При чем тут сквозняк?

— Так в этом все дело что ни при чём. Болтать что попало, и как попало, не думая, что говоришь — вот высшая форма приятельского общения.

— Я помню, как мы ели в поезде вашу лапшу.

— Я тоже помню вас: спортивный костюм, длинные ноги, "Избранное" Хемингуэя, и ко всему блондинка.

— Ну не совсем блондинка или вы так хотите меня оскорбить?

— Я даже помню ваше легкое дыхание.

— А я удивлялась — древнучий дедуля, а не храпит.

Ведерникова где-то по своей глубокой сути была задорной девчонкой. Замедленной, где-то ленивой, где-то слишком хладнокровной, но по настроению вдруг отзывчивой, если не на авантюру, то на активную движуху. Она еще никого не любила по-настоящему безнадежно, безрассудно, и это ее отороженность снежной королевы покоряла всех.

С Черниковым они действительно заболтались. Смеялись, шутили, толкались. И она только вдруг моментами проверяла себя — "в этом нет, ничего серьезного, он же старше меня значительно, подумаешь там поклонник..."

Потом к половине девятого Алина повела компанию в гости родительскому

однокашнику. Художником Гуревич на все лето и осень прописался в Гурзуфе. Веня Гуревич взятый в укорот за абстракционизм (за серию размалеванных полотен, которые купили за доллары иностранцы — как раз за зеленные чуть и не навесили ему расстрельный срок), он бросил "чистую живопись" и много лет работал художником на киностудии, а зарабатывал на плакатах.

Элегантный добродушный художник с расprostертыми руками принял Алину и ее компанию. Он снимал полдома чуть выше от пятака по Ленинградской. Нужно было еще подняться по ответвленной улочке, по каменным или выдолбленным ступенькам и справа сразу упереться в дверь в стене двухэтажного дома.

Там похоже разворачивалось обычное вечернее. Французский шансон из катушечного магнитофона, бутылки вина на овальном столе на веранде (а другая комната была спальня и мастерская), смех, разговоры, полусумрак от люстры с маломощной лампочкой, многолюдье (а может так показалось уже с пришедшими). В комнате было два дивана и несколько стульев и все это было занято, а кто-то стоял.

Ведерникова пользовалась успехом, и не Черников, а Карамышев (пока Алина ушла смотреть акварели Гуревича) оборонял ее и от какого-то актера с очень знакомым лицом, который принес ей бокал вина, и от настырного кавказца. Черников продолжал голодать и отвлекся на стол: съел лепешку и гроздь винограда, присматривался к двум оставшимся бутербродам на тарелке с клеймом Кузнецовского фарфора. Кавказец клянчил, тянул Ведерникову на танец (музыка Джо Дассена), Карамышев перехватил ее — "она обещала мне раньше".

Потом вернулись Алина с Гуревичем, потом четверо мужчин, в том числе кавказец и немолодой актер и хозяин квартиры ушли играть в преферанс. Остались молодая жена Гуревича (впрочем, ей было уже за сорок), ее подруга — доцент, которая тоже была знакома с отцом Алины по кафедре градостроительства. Черников попросил чаю и разрешение съесть эти бутерброды.

— Может вам приготовить яичницу. — предложила Анастасия, вторая или третья жена Гуревича. — Знаете со студенческих времен. Люблю поесть на ночь. Нет, правда, пойду, приготовлю.

— Давайте я с вами. — предложил Черников

— Мы что сюда пришли есть? — спросила Алина.

— Не беспокойтесь у нас есть и что выпить. — рассмеялась жена Гуревича.

Когда они вернулись со сковородкой, то застали культурологическую идиллию — народ сидел за столом и смотрел по первому каналу четвертый концерт Рахманинова для фортепьяно с оркестром.

Они возвращались домой немножко не трезвые, уже решено было, что Карамышев постелет Черникову на полу в своей комнате. Ведерникова обещала выделить одеяло. Они поднимались куда-то вверх, и было темно и тихо.

— А время еще детское, пойдёмте на Артековский пляж. — предложила Алина. — Олег, ты же рассказывал, что можно пройти.

— Ну, можно, только надо снова спускаться, потом дальше по дороге.

— Да ну уже поздно. — сказала Ведерникова, — я бай, бай.

— Как хочешь, идите с Николаем домой, а мы попозже. Черников можете прилечь на моей кровати.

— Я планировал переночевать на пляже...

— Не выдумывайте.

Черников и Ведерникова поднимались все выше и выше по крутым ступенькам. Воздух был сухой и теплый, и совсем не осенний.

Девчонки снимали комнату в старом двухэтажном доме. На второй этаж вела внешняя металлическая лестница с витиеватым ограждением, наверное, отлитая и выкованная в начале двадцатого века. Дом был общежитско-коммунальный. Длинный коридор с комнатами по обе стороны и сантехническими удобствами в самом конце. Жильцы этого дома поголовно сдавали свои комнаты-квартиры туристам, а сами жили в частном жилье на земле, которое построили благодаря этим приезжим.

— Мы снова едим с вами в одном купе. — сказал Черников, когда они вошли в комнату.

Ведерникова пошла умываться, и Черников ждал ее, сидя на стуле, не решаясь помять постель другой девушки.

— Спите Черников?

— Нет.

— О чем думаете?

— О вас тоже.

— Что вы обо мне думаете?

— Разное.

Черников не спал. Было очень тихо. Нет, конечно, что-то за открытым окном шелестело, раздавались отдельные голоса и звуки, где-то что-то слегка гудело или это снова, казалось, от звенящей тишины.

— Черников вы спите?

— Нет.

— Почему?

— Жду, когда придет Алина.

— Я думаю, она не придет. Подбросила вас ко мне, а сама заночует с Олегом.

— Я тоже так думаю. Ведь жениха у нее нет.

— Пока нет. А чем плох Олег?

— Олег будет долларовым миллионером. Такие обычно потом бросают старых жен.

— С чего ему быть миллионером?

Не мог же ей Черников сказать, что уже навел справки: Карамышев Олег Дмитриевич в нулевых создаст свою торговую сеть.

— Мне все неловко спросить: а чем занимаетесь вы? — поправила покрывало Ведерникова.

— Я рад, что не могу вам ответить и таким образом не разочарую вас...

Черников спал недолго. Ему теперь хватало получаса, чтобы пройти все фазы сна и полностью восстановиться. А всё-таки начинался рассвет. Черников выбрался из комнаты на металлическую лестницу с перфорированным ржавым настилом, прикрученным болтами, и присел на ступеньку. С этой высоты на горизонте виднелось море. Было очень свежо. На лестницу вышел тоже какой-то жилец в трусах (наверное, возвращался из туалета).

— Чего не спишь? — спросил мужик закуривая.

— Жалко проспять такое утро!

— Да, зимой, конечно, по-другому.

— Значит, вы местный?

— Ну, как после армии женился, перебрался сюда к родственникам жены.

— Не подскажите, у кого можно снять жилье?

— Вчера у Марии студенты уехали. Видел, она прибиралась. Давай сходим к ней.

Они спустились во двор.

— Машка! — крикнул мужчина через забор в открытое окно. — Постояльца привел.

Выглянула молодая женщина, лет тридцати с оливковым загаром. Она с интересом оглядела Черникова.

— Сейчас выйду. — и выскочила быстрая ладная в чешских босоножках, а не в тапочках, и поправляя челку и почему-то краснея тараторила. — Комнатушку освободили студентки, вчера все скоблила, медики называются. Четыре койки. Так вы одни? Двенадцать рублей будет комната. Если надолго — десять.

— Так я согласен.

Женщина проводила Черникова, и он поднимался за ней по этой гремящей железной лестнице и невольно смотрел на ее ноги и вдруг вспомнил, как поднимался уже неизвестно когда за Ирккой Вайц (за ее белым халатом фальшивой докторши), и также как и тогда переживая неуместное свое соблазнение этим образом красавицы и спортсменки.

Еще не было восьми, когда Черников спустился к пляжу и сплавал до буйков и потом вдоль буйков. Потом он снова поднимался наверх к "пяточку", базарчик уже работал, магазин, и столовка еще были закрыты. Он для разминки бегом поднимался вверх по "горным тропам" к уже "своему" двухэтажному дому с металлической лестницей. Он заглянул к девчонкам. Ведерникова спала. Он вернулся в свою комнату и открыл окно во всю ширь, подвинул стул и, задрав ноги на подоконник, продолжал смотреть на линию горизонта с полоской моря.

Алина объявилась сонная в девять часов. Завтракать не хотела, только спать. Ведерникова сказала, что Черников, наверное, ушел рано утром, что ночью вел себя исключительно травоядно порядочно. Она вышла позавтракать, спускалась вниз, остановилась на одной площадке-террасе и, подойдя к краю, опершись на каменную оградку, вдохнула в себя весь открывшийся простор до самого горизонта. "Куда же он делся этот Черников? И что теперь не вернется и где его искать? А зачем мне его искать? Чтобы позавтракать вместе и чтоб, потом куда-то вместе пойти, на тот же пляж — она шла, возмущалась немного, и сердилась на этого навязчивого полу ухажера, который посмел покинуть ее.

А Черников немного опоздал, снова заглянув к девчонкам и обнаружив там посапывающую Алину и отсутствие Ведерниковой. Черников тоже начал спускаться к центру поселка и вприпрыжку сбегал по крутым ступенькам и выскочил на ту площадку, где задержалась Ведерникова. И эта маленькая неожиданная встреча оказалось для обоих каким-то радостным предвестием.

— Ведерникова куда, куда смылась?

— Сам смылся. Я проголодалась, Алинка спит.

— Так я тоже проголодался. Как это у нас в унисон! Как это у нас единодушно, конгениально и конгруэнтно. Пожрать, пожрать.

— А купаться будем?

— Конечно. Я же еще не видел твой купальный костюм.

Там была потом: очередь в столовку и покупка газет в киоске (пока Ведерникова дежурила очередь в столовку), и потом эти сырники со сметанной, и теплый компот из яблок, а потом городской пляж, и пока еще не раскаленная галька, лежаки-топчаны по

рублю за шгуку. На ней был раздельный купальник синего цвета. Черникова оглушило совершенство ее фигуры, отринутой от одежды. Он, сидя на лежаке в упор боковым зрением скорее даже не видел, а ощущал ее сильные длинные уже загорелые ноги. Эти живые стройные колонны уходили куда-то ввысь.

Черников видел, как на Ведерниковой скрещивались взгляды молодых и пожилых мужчин, и Лена сейчас без смущения чувствовала этот инстинктивный животный успех, и чувствовала обращенный к ней все-таки взгляд Черникова и понимала, что сейчас ее тело и молодость переживает свой звездный час.

Где-то через не звездный, а астрономический час появились Алина с Карамышевым. Они знали, где искать на пляже Ведерникову, и выглядели сонными, вялыми, но не хотели терять солнечный сентябрьский летний день. Ведерникова предложила сплавать в сторону Алупки. Алине и Карамышеву было все равно где дремать — на пляже или на скамейке прогулочного катера.

Они сошли в Ялте, потому что Ведерникова вспомнила, что ее подруга волейболистка приглашала на матч между «Буревестником» и «Локомотивом». Все так слагалось гладко, что матч должен был только начаться. Пришлось покупать билеты. Марины нигде не видно, и только потом на приветствии двух команд. Ведерникова завопила: "Вон она, вон она. Мариша, шайбу!"

А Черников отлучился, здесь недалеко за углом продавались те самые вчерашние чебуреки. Он выстоял долгую долгую очередь и снова долго смотрел на людей: советское время — 1976 год, еще живы ровесники двадцатого века, те кто помнили Гражданскую, первую мировую, 300-летие дома Романовых, пасху, Крестный ход, обед в трактире (овощной суп с фрикадельками — 30 копеек, рыбные котлеты с горчичным соусом — 1 рубль 50), цокот копыт, волшебство, иллюзию синемаатографа, а дальше нужно еще несколько жизней, чтобы уложить в одну судьбу (и здесь не линейный хронометраж, а плотность событий — революция — перевернутая шахматная доска, отвыкания, убивание, омертвление прежней ипостаси и привыкание к новому образу жизни (а с этим нужно только родиться), — а дальше двадцатые, тридцатые годы (в том числе 37) — это еще одна жизнь, потом война — сойдет за три жизни если на фронте (и две если — в тылу), и еще одна послевоенная жизнь и, наконец, добрались до спокойных застойных 70-х. Бухгалтер в районе — 70 рублей в месяц, инженер 150, токарь 6 разряда — триста, министр -500 рублей. Счастье оно, конечно, существовало, осуществлялось оно это счастье. Там всякое детство, любовь или удача или просто успех..."

Он вернулся. Играли вторую партию. "Буревестник" проигрывал. Мариша сидела в запасных. Она между сетями подошла к Ведерниковой и пожала всем руку. Очень высокая девушка, выше Ведерниковой на полголовы.

— Отравилась вчера, от матча освободили. Вы куда сейчас?

— Да собирались плыть до Алупки

— А что там?

— Воронцовский дворец.

— Сейчас отпрошусь и с вами.

Катерок как раз отправлялся, когда они только подошли к пристани. Грузная женщина лет пятидесяти отступилась на трапе, но ее подхватил шедший сзади Карамышев. Алина совсем проснулась, помогая Карамышеву возвратит тетку в вертикальное положение. Женщина, повариха из Саратова, не унывала и когда они уже набрали скорость в

каботажном плавании, надела приготовленный болоньевый плащ, чтобы защититься от брызг. Ведерникова беседовала с подругой-волейболисткой. Черников стоял у борта, то и дело, получая по мордасам освежающую порцию соленых брызг. Он смотрел на Ведерникову на ее новое милое лицо в повязанной косынке. Она как будто была занята беседой с Мариной, но он то и дело ловил ее неожиданно растерянный взгляд, обращенный к нему.

Они приплыли в Алупку и направились к дворцу.

— Вы идите. Я посижу. — сказал вдруг Черников

— А что так? Были уже здесь? спросила Алина

— Да, вроде был.

— Вы как старичок Черников. Уселась на скамейке... — сказала Ведерникова

— Похоже.

Был этот испепеляющий полдневный зной, и некая пред тишина в небольшом закоулке пред парком. И шум, гам очередной туристической группы, поднимавшейся от пристани, и, вдруг, трепет крыльев взлетевших голубей, и это пронизывающее ощущение все равно тоски с запахом и свежестью близкого моря. И Черников так спокойно счастливо ждал возвращение Ведерниковой, с которой он разлучился на полчаса-час. И с той уверенностью, что она тоже сейчас, бродя по залам дворца, смутно мается в некой непонятной разлуки.

Они возвращались в Гурзуф уже под вечер последним рейсом. Еще провожали в Ялте Марину. Черников слышал, как она жаловалась Лене:

— Вроде не уродина, а выросла такой дылдой, поди, сыщи парня. Помнишь, в седьмом классе ездили в Псков. Я была одного роста с тобой.

— Да не бери в голову. Ты настоящая красавица. Встретишь вот такого парня.

— Когда его встретишь. Мне уже намекали, что великовозрастная для сборной. Ленка, Ленка, а ты везучая. А Черников тебе кто?

— Да так, старый знакомый.

— Да нормально не старый. Я бы с ним замутила, но он так специально на тебя не смотрит. А когда посмотрит, ты прямо как дрожишь.

— Не выдумывай.

— Ладно, ладно приветики Питеру. А хотя я скорее там буду. Не хочешь завтра сыграть распасной. Могу устроить.

— Не смейся. Я уже как корова на льду.

Они, значит, плыли последним катером до Гурзуфа. И море к вечеру посуровело бурунами и даже волнением. Брызги орошали палубу уже не летним дождем, а осенним холодным ливнем. Все спустились в салон, задраили иллюминаторы. Здесь было тесно и поначалу душно. Но потом только тесно, холодно, и темно. Карамышев обнял Алину, а Черников по его примеру — Ведерникову. Она без слов приладилась к нему на плечо. Волны бились о катер. Берег виден был только огнями в ночи. Был еще момент, когда катер швырнуло волной, залило все окна. По салону пронесся единый вздох, разряженный смехом.

Выгрузились в Гурзуфе. А здесь было спокойно и еще не совсем темно. Только-только зажглись лампы на Набережной. Алина предложила сначала зайти в магазин, а потом к ее знакомому художнику, и может там тоже что-то поесть.

Навстречу шел, пошатываясь, пьяный крепенький мужичок, случайно или не случайно задел грубо плечом Алину. Карамышев не раздумывая нанес прямой удар кулаком, но не боксёрски, а из арсенала каратэ (удар ой-цуки?), потом вообще добавил ногой в прыжке (немножко корявенькое тоби гери?). Парень отлетел, ворочался на асфальте. Черников

подумал: жестковат будущий миллионер (с другой стороны, подтверждает характер нового русского). Или все эти дни бывший балерун с хорошей растяжкой ждал и дождался возможности демонстрации?

Черников визуально проверил состояние парня, ничего смертельного (последний удар ногой Карамышева прошелся по касательной, хорош был первый удар в солнечное сплетение). Черников не сказал компании, что увидел на ребре левой руки тату — армейскую наколку ВДВ. Приключения были обеспечены, если за одного битого впишутся отдыхающие в военном Гурзуфском санатории ("ноги повыдергиваем этому каратисту").

Далеко уйти не пришлось. Их настигли на Ленинградской трое разъяренных военных в гражданских шортах и в спортивном костюме. "Вот они, вот они! — с ними была какая-то женщина, наверное, свидетельница конфликта, — «Вот этот высокий чернявый ударил Грищу». Олегу сразу прилетело по голове. Бил самый возрастной капитан или даже майор (коротко стриженный, очень поджарый). Карамышев не успел даже выставить блок, улетел в нехороший нокаут. Девчонки кричали. И так было понятно, что Карамышева могут убить. Черников подставил ногу под удар ноги этого капитана-майора, который добивал упавшего Карамышева с прицелом по голове-мячу. Нога Черникова уже превратилась в железку (в стальную балку), и офицер вскрикнул, осел с поврежденной стопой. Второго нападавшего с красноватым лицом (перезагаром от выпивки) Черников легко толкнул по движению в край плеча, сбивая ему точку опоры (нужно учитывать, что Черников уже весил несколько сот килограмм). Мужчина с двумя оборотами отлетел на несколько метров. Здесь уже было на что посмотреть. Оставался совсем квадратный накаченный перекаченный боец из спортивной роты в самом тяжелом весе. Он не был знаком с пострадавшим десантником, а зашел по случаю в санаторий к своему бывшему командиру, когда вбежала врачиха с криками: наших бьют! Он не понимал, что случилось с ногой майора — ну подумаешь, кто-то поставил жесткий блок, но полет в два с половиной оборота другого офицера не мальчика и тем более не фигуриста его впечатлил. Он никак не мог это соотнести с в общем-то хилым телосложением возрастного мужичка. Казалось, только надо перехватить, сжать эту мокрицу и делов то. Он замахнулся рукой, даже опасаясь в начале покалечить, а потом отвечать за содеянное. И эта гуманитарная слабость в ударе была отмечена Черниковым, он сразу как будто сбавил напряжение, и нанес только скоростное точечное прикосновение к бицепсу спортсмена. Правая рука повисла как плеть.

— Стоп. Предлагаю остановиться. Ваш в нокауте и наш на земле. Давайте просто объяснимся. — предложил Черников, поднимая руки. — Ваш десантник невежливо толкнул нашу девушку. С этого все началось. Расходимся или нет?

— Ты кто такой? — майор, прихрамывая, остановил своего подчиненного.

— Черников, будем знакомы.

— Ты, мне кажется, сломал ногу.

— Только сильный ушиб.

— У тебя что протез? Как по рельсу ударил. Откуда служивый?

— Да не при всем народе.

— Ладно майор Семин. — он протянул руку.

Карамышев держался за скулу. Зубы были целы. Разве только сотрясение.

У Гуревича было столпотворение. Праздновали чье-то день рождение, но компания Черникова отсиделась на кухне. Побитый Карамышев не хотел идти ни в какую больницу, и Алине пришлось увести его домой. Здесь был такой момент: вроде бы и Черникову с

Ведерниковой следовало сопровождать товарищей, а с другой стороны, возможно последние хотели уединиться. Когда Алина и Карамышев ушли, Ведерникова призналась, что считает виновным в случившемся самого Олега. "Зачем он так напал на пьяного?" А сказав так она как бы морально оправдала их отщепенство, их продолжение гулянки у Гуревича, танец под медленную музыку, и она уже не с кем танцевать не хотела, и была всегда рядом с Черниковым, как его девушка и это была то ли взаимная игра, то ли вдруг легкомысленная свобода без которой тоже ни как. Парень, которому исполнилось тридцать лет и вся его компания в основном художники суриковцы ушли праздновать дальше (жена Гуревича была недовольна — слишком шумные и потом в доме кончилось вино). Все равно оставалось несколько человек. Какой-то киношный критик — тамада философских бесед, потом грузная отвязная московская журналистка сорока с лишним лет, но больше не по философии, а по сплетням (сначала пыталась кадрить даже Черникова — "молодой человек закурить не будет? Ах у вас даже Мальборо!" Но здесь проявила характер Ведерникова, сама поставив пластинку, потянула Черникова потанцевать. Гуревич все это время играл в преферанс в своем кабинете. Они сделали перерыв, и оказалось, вино еще было в доме, и все расселись по стульям, креслам и табуреткам. Гуревич негромко что-то рассказывал, предавшись воспоминаниям: Фальк. Самарканд в военные годы. "Мне было 14 лет. Фальк поправлял мой рисунок".

— Тарковский со Стругацким пишут сценарий нового фильма. — заявила журналистка с апломбом.

— А хоть про что будет фильм? — поинтересовалась жена Гуревича.

— Так "пикник на обочине".

— Интересно.

— Молодой человек, а что вы так поморщились, когда я начала говорить про Тарковского. — обратилась к Черникову журналистка.

— Ну, во-первых, я не молодой человек, а во-вторых, мне не нравится Тарковский как человек. — Черников немного был раздражен.

— А кто вы такой, чтобы судить его?

— При желании можно и засудить. Зачем он корову сжег?

— Какую корову? — оторопела журналистка.

— На фильме "Андрей Рублев" и еще зарубил прямо в кадре лошадь. Я промолчу про его женщин и особенно про несовершеннолетнюю рыжую падчерицу. Тоже мне гений.

— Вы это серьезно?

— Нисколько. Серьезно говорить об этом — себя не уважать.

— По себе мерите?

— А что для них нужен особый метр? Там, где есть отметки: бабник, тщеславие, скупость и подлость.

Ведерникова потом выговорила Черникова, что он так все-таки неуважительно и не вежливо. Они покинули дом Гуревича, и не знали куда идти, в том смысле, что нужно было идти домой, а они шли тайными тропами в лагерь Артек. Подробно этот маршрут успела рассказать Алина, и они через двадцать минут оказались на пляже воспитателей, и даже пошли купаться. Они плыли рядом под ночным звездным небом. Лена плавала профессионально, первый взрослый разряд на стометровке брассом. Они заплыли и за буйки. Вода была теплой.

— Поплыли обратно. — предложил Черников.

— Испугался, что далеко заплывем?

— А что будешь делать, если я утону.

— Утоплюсь сама.

— Это мне нравится. В смысле твоя самоотверженность.

Они выжали свои купальники, но не стали их надевать. И Черников, и Ведерникова натянули на голое тело. Они вышли к какой-то открытой эстраде, и там в первом часу ночи воспитатели делали переключку только что приехавшим детям. Они возвращались домой, по всему теперь чувствовалось, что это не летний вечер. Холодно без пиджака или свитера. И они чтобы согреться как настоящие влюбленные шли обнявшись. Поселок спал и не спал: слышны были продолжительные цикады и вдруг пугливо шарахались отдельные парочки на ступеньках узеньких улочек.

— Хочешь, покажу свою комнату?

— Когда ты успел ее снять?

— И было утро...

— И где далеко?

— На вашем этаже, чуть дальше по коридору.

Черников открыл комнату. Ленка посчитала кровати, — четыре штуки и еще одна на балконе.

— Просторно. Будешь каждый день менять кровати. Слушай, я что-то проголодалась. Схожу, посмотрю, может Алинка пришла?

Она вернулась минут через десять. Переодевшись. Шорты, рубашка. Принесла рыбные консервы, полбуханки серого и бутылку вина, которую купила для родителей.

— Алинки нет. Наверное, у Олега. Стаканов тоже нет, и штопора нет.

Черников взял бутылку "Мускат белый красного камня" и пальцем вогнал пробку вовнутрь.

Он бросил подушку с другой кровати, чтобы Ленка могла тоже подложить ее под спину к стенке. Рядом уселся сам. — Пей маленьким глотками. — он передал ей бутылку.

— Вот, никогда не понимала, не разбиралась в вине.

— А здесь нечего разбираться. Это ликер. Он просто сладенький с ароматом трав крымской яйлы и апельсиновой корочки. Лучше разбавить минералкой.

— Тебе действительно не нравится Тарковский?

— Чем дальше, тем нарочито непонятнее. Он возомнил себя гением, которому все позволено. Возможно, он гений, тогда я из тех, кто считает, что гений и злодейство — две вещи совместимые...

Крым случился в сентябре, а уже наступил ноябрь.

Черников возвращался в Кишинев в 2000 и проводил там несколько суток для того, чтобы продвигаться дальше по календарю и столбить новые телевизоры с новой датой.

Он обычно выходил вечером с мусором или заходил в магазин или прогуливался по району. Общался он мало с кем, особенно после того, как отказался работать носильщиком-грузчиком. Хозяева книжных лотков быстро забыли его, и только Лариса с базара, которой он тоже помогал с «логистикой» — по утрам привозил, а по вечерам отвозил на склад ее тюки с секондхэндом, вдруг звонила ему — предлагала футболку, отличную куртку,

Ей было немного за пятьдесят. Чуть тяжелая располневшая. Она в свое время закончила биофак, работала в Академии, пока понятно, что случилось в 90-х годах. Челночила, растила детей, и Черников подозревал, что она его тоже считает каким-то ребенком. Теперь погода, он мог вспомнить и объяснить ее расположение к себе, ее вдруг, пирожки и эти всякие свитера, и костюмы. Он только теперь мог оценить, что в последние годы одевался с ее руки и по ее точному вкусу. Да было: они общались и эти почти ежедневные встречи (вернее ежеутренние и ежевечерние, когда он тягал телегу) были для него важным якорем. Утром он пересказывал ей вчерашние вечерние теленовости, а вечером то, что он перечитал в утренних газетах. Она же делилась последними сплетнями. Он вспомнил, как однажды тоже по осени, она помогла ему затолкать тележку на складе, взяла его под руку и предложила на террасе выпить пивасик.

— Николаич, видел бы ты меня молодой, когда я играла в большой теннис. Знаешь, какая была стройная и накаченная. Я вывешивала белье на улицу, и все подростки ходили смотреть на меня сзади.

— Лариса Владимировна. Я это представил и у меня уже перехватило дыхание...

Он вдруг подумал, что всегда есть люди, которые, оказывается, были рядом, и на которых, собственно, и держалась жизнь.

Вот с таким размышлениями он шел выбрасывать кулек с мусором, которого, в общем-то, кот наплакал. Он давно ничего не готовил здесь в Кишиневе, а проголодавшись, залазил в телевизор (как в холодильник) и там, на «телевизионщине», на своей мусорке ел что-нибудь из старых запасов. Он закинул в контейнер кулек и пошел не домой, а куда-нибудь дальше, поеживаясь от холода, пахло паленой листвой, и когда вышел на широкую улицу, его окликнула Эвелина. Она была в тех же джинсах и в той же в куртке и в образе Лены Ведерниковой (но почему-то Черников не сомневался, что это не Лена, а Эвелина).

— Все торчишь в Кишиневе? Я побывала в 76 году, тебя не нашла. А теликов стало еще больше, и я правильно решила, что ты, наверное, здесь.

— А ты выглядишь как в последний раз. Не поменялась.

Она пожалала плечами

— Наверное, мне понравился этот образ. Не хочешь куда-нибудь съездить? Например, в 2020 год?

— Почему ты вернулась?

— Может быть, я скоро сломаюсь. Может быть, хочу умереть у кого-нибудь на руках. Я умру — просто выключусь и не включусь, как телевизор, как электрочайник. Я не буду вонять формалином, я буду лежать как кукла, забытая на полу.

— Поехали в Крым, только в сентябре 76.

Вошли они в 76 год через телевизор с наклейкой «23 сентября, 10.34».

Именно, через этот телеящик Черников вернулся после поездки в Крым.

Телевизор на той стороне был, конечно, включен. Уже привычно, пробравшись в квартиру, он вырубил ящик, вещавший без звука. Эвелина еще не была в этой обители Черникова, и внимательно все осмотрела, не выразила никаких восторгов по поводу офисной эстетики, но похвалила за чистоту. Потом она позвонила в справочную аэропорта (притом, что у Черникова отсутствовал телефон). Она говорила вслух, обращаясь куда-то в пространство, вышагивая по паркету в кроссовках, делая остановки и резкие повороты на пятках, акцентируя речь. Ее обувь, как будто изъятая только что из коробки, сияла без всякой рекламы бренда, своей белизной, что Черников дал себе слово, отследить какой она будет на улице после дождя и грязи. Она узнала расписание рейсов. В Москву самолет улетал через три часа.

— С ума сойти через три часа! Еще четыре часа полета, потом пересадка на Симферополь. Потом еще надо добыть билеты. Потом еще два часа полета до Крыма. Как убрать, стереть это время из содержания жизни? — отреагировал Черников.

— Память — это в равной мере не только помнить, но и забыть.

— У тебя разве не абсолютная память?

— Все то, что нужно я вспомню, а все, что не нужно я не вспомню, как забуду.

Путешествовать с Эвелиной было легко и приятно. Она на раз решала все бытовые вопросы, не отходя от кассы. Ей как будто нравилась быть в гуще людей, быть в гуще событий. Она весело без натуги подступала к любой очереди, очаровывала ее своим задиристым обаянием (мужиков своей внешностью, женщин своей мужской уверенностью, старушек вежливостью) балагурила, предьявляла какие-то паспорта, удостоверения, запросы и письма, наконец, не просила, а гипнотически повелевала с улыбкой (возможно на самом деле гипнотизировала непокорных), и для нее открывали любую бронь.

Они полетели сначала в Москву, и в самолете Черников после двойного обеда (съел порцию девушки) спал на плече Эвелины. Потом перелет в Симферополь на разрозненных местах (взяли билеты какие были), и это раздельность-разъединенность только сильнее сближала их. Он оглядывался на нее, а она всегда его видела впереди себя.

Они успели на последний троллейбус в Ялту, чехословацкая «школа» неслась по горной трассе, и в приоткрытое окно врывался еще теплый вечерний воздушный шквал с запахами морского бриза, можжевельника, кипариса.

В Гурзуфе совсем стемнело, когда они, высадившись с троллейбуса, доехали на автобусе на “пятак — пяточок”. Вечер был все тот же бархатный, отдыхающие стекались по тропам на набережную, танцевали по санаториям, возвращались последним катером из Ялты.

Черников соображал, как отреагирует хозяйка его комнаты — Мария на его возвращение, но повел Эвелину наверх по крутой улочке к знакомому дому.

— Смотрите, вернулись! — воскликнула женщина, возникшая из темноты, — что не понравилось в Ленинграде? Холодно? Снова сорвались сюда?

Эвелина с усмешкой, которую нельзя было различить в темноте, молчала.

— Вернулись, — вздохнул Черников — Свободной комнаты нет?

— У меня точно нет. У Валентины вчера постояльцы уехали. Только будет дороже.

— Дороже только деньги.

— Ну, ждите. Сейчас позову Валентину. Леночка, вам так идет этот джинсовый

костюмчик! Вы в нем как блондинка из АББА.

— Так, так, — Эвелина вышла из тени, — Не ожидала от вас Черников такой прыти. Значит, соблазнили известную девушку. Ленинградку из Петербурга. Что скажешь: был в Советском Союзе секс или нет?

Валентина прибежала, сама принесла им ключи, наверное, ей не терпелось разглядеть костюмчик на "Ленке".

Гурзуфский вечер пока только набирал обороты. Не сидеть же в этом сарае с кроватями. Черников, Ганская не сговариваясь, пошли в сторону моря, это значит, спускаясь вниз. Темнота поглотила прибрежный когда-то татарский поселок. Крутые узкие улочки из средневековья, как горные тропы контрабандистов. Черников, то и дело, придерживал Эвелину на крутых поворотах, и сильнее сжимал ее неожиданно податливую ладошку и пальцы, и не видел ее лица, ощущал только близкое содвижение, прикосание, шорох гравия, подавленный смех, и полное дежа вю, тех вечерних прогулок с Ленкой.

А на набережной горели огни, звучала музыка.

Возле бочки пивного бара их окликнул Гуревич:

— Ребята! Давно вас не видел. Позавчера только провожали! Как там в Питере? Дождь со снегом? Пойдемте ко мне. Сегодня пьем «Столовое красное Алушта 70 года».

Эвелина снова с усмешкой взглянула на Черникова:

— Никогда не пробовала Алушту 70 года. Как, впрочем, и шестьдесят девятого и семьдесят первого.

Вино было замечательным, как и компания. Шесть или семь человек, постоянно присутствующих, кто-то уходил, приходил. Так что мелькнуло десять — двенадцать лиц. Драматург и в будущем очень популярная киноактриса (об этом факте судить могли только Черников). Два художника, один математик и кто-то еще.

Леночку-Эвелину взяли с пол оборота на abordаж два близнеца студенты (плакал по ним институт культуры и картошка в совхозе). Один из них неплохо пел, другой, играл на гитаре (четвертый курс театрального). Они исполнили парочку песен из этого — год не прошло — премьеры известного новогоднего фильма. В перерывах не забывали подливать в бокал Эвелине, и были так куртуазны и артистичны, что казалось, театральное представление сошло со сцены сюда на веранду.

Эвелина почувствовала себя настоящей женщиной и была сейчас обаятельней, красивее молоденькой будущей кинодивы, сидевшей там, у двери под покровительством драматурга. Эвелина с какой-то усталой загадкой опытной женщины, сначала просто кивала, усмехаясь краешком глаз, а потом вдруг заговорила медленно и с апломбом.

— Хорошо поете мальчишки. Этот фильм больше, чем это время. Его будут полвека показывать каждый раз перед новым годом. Он сам, наверное, превратится в счастливый нелепый радостный новый год. Мы постареем, поменяется климат, забудут — какой был партийный съезд, и даже исчезнет страна, а мы все равно будем встречать новый год по этому фильму.

— Вы немного загнули — исчезнет страна... — вздохнул Гуревич.

— Да и про партийный съезд не надо так всеуе. — рассмеялся один из близняшек.

Время было не немного, а много за полночь. Они поднимались по улочкам к своему жилью. Остановились на одной из террас. Присели на камни ограждения.

— Слушай, я посмотрел...Ведерникова в 85 умрет.

— Я в курсе. Я тебе дам пилюлю и передашь ей в последний момент.

— Почему в последний, почему нельзя заранее?

— Во-первых, потому что, если заранее все поменять, то все может поменяться к нужному моменту непредсказуемо. А во-вторых, она примет эту ерундовую таблетку, только когда все покажется безнадежным.

— Так мне что ждать восемь лет...

— А куда ты торопишься?

— А куда ты моталась? Чем занималась все это время?

— Я изучала 2020 год. Последний мирный оазис, сползающей к самоубийству цивилизации. Критичны будут двадцатые годы 21 века. Война с Украиной, а потом по нарастающей. Цепная реакция. У меня есть к тебе предложение. Не бойся, не сексуальное. Хочешь, попробуем что-нибудь поменять ...

В полдень 29 сентября 2020 года на территории Республики Молдова был осуществлен тактический квантовый взрыв.

С утра лил сильный дождь и после невидимого бесшумного катаклизма густой туман, похожий на пену для бритья, накрыл Молдову вместе с Приднестровьем. К этому моменту все службы сообщали о потере контакта с этой территорией. Румынские, украинские пограничники первыми забили тревогу, когда они осторожно нащупали СТЕНУ, плоскую глыбу, бесконечно уходящую вширь и ввысь...

В один момент на крайнем юго-западе Восточной Европы на месте самого бедного государства образовалось аномальное пятно. Феномен внеземного происхождения проявился уже в самом факте этой СТЕНЫ высотой в двести километров (спутниковые снимки), которая протянулась по всему периметру границы. Стена была серая и уже опробованная на прочность кувалдой, отбойным молотком, которые не смогли отколоть даже частичку вещества из этого монолита для расширенного анализа.

«Бессарабская Черная дыра» — самый популярный новостной хэштег.

Реакция НАТО казалось незамедлительной: переброска американских, румынских войск, объявление карантинной зоны. Переговоры с Россией на фоне отсутствия информации (безмолвие всех посольств, аккредитованных в Кишиневе). Смена полетных заданий крылатых ракет.

Разведывательные спутники перенацеленные на регион ничего не видели заглушенные или ослепленные какими-то средствами РЭБ.

А в Кишиневе тем временем все замерло после взрыва. Всеобщий СТОП-КАДФ. Обездвиженные скульптуры прохожих напоминали террактотую армию Цинь Шихуанди.

Черников ехал по центральному проспекту на самокате. Он объезжал "скульптурные группы" из людей и машин. Слышен был только мягкий шорох колес самоката. Он остановился возле одной динамичной скульптуры. Студентка, уклоняясь от ветра, повернула голову вниз, закутываясь в тонкий пестрый шарф, и ее глаза можно было разглядеть через нитяной водопад волос. Черников дотронулся до ее куртки, потом до ее лица и это было все окаменевшее гладкое, гранитное. Все эти складки одежды, шнурки на ботинках и даже ресницы.

Черников объезжал троллейбусы, другие машины, заглядывал в их салоны. Он бросил самокат и шел мимо толпы, вытянув руку, обглаживая их изваяния. Это было какое-то идеальное кладбище застывшего времени.

— Мы все сделаем без суеты, — объясняла Эвелина. — Никто не пострадает. Только вначале надо расчистить поле от тяжелых фигур. Не бойся, пылинки будем сдувать с этих фигурок.

Черников только не представлял масштабы этой зачистки.

Вся партийная рать: левые, правые, консерваторы и либералы. Все депутаты всех созывов, все бывшие, нынешние члены правительств, руководители всех бесчисленных НПО, известные журналисты, блогеры, артисты, спортсмены, профессора, банкиры и прокуроры, весь руководящий состав полиции, армии, и все сотрудники службы безопасности, все бывшие президенты, олигархи, собственно вся элита страны была подвергнута изоляции.

"Статуи" этих людей бесцеремонно и внешне не благопристойно сносились, свозились

роботами в Криковские подвалы и там подвергались окончательной криоконсервации, иначе просто складировались в индивидуальные капсулы в виде элитных гробов с окошком.

Рой многоруких летающих роботов висели над Кишиневом, как стая гигантских черных ворон только без карканья.

Эвелина не убеждала Черникова, а доводила до сведения, что на первом этапе нужно интернировать всю активную часть населения. Что все будут позже воскрешены и собственно этот перформанс Всеобщего Воскресения станет апофеозом задуманной операции.

А пока поголовно должно было быть просканировано все население. Негативные кодовые образы обнаруживались в подсознании, и их носители подвергались селекции (политические активисты, уголовные преступники...).

Черников поселился в заброшенной гостинице Интуриста, чей разукрашенный граффити остов скорбно украшал центр города последние десятилетия.

Здание восстановили по первоначальному проекту 70-х годов, но убрали все некапитальные перегородки и стены. Здание по этажу с гулким эхом просматривалось насквозь. Черников занял 17 этаж, Эвелина седьмой. Он занимался мониторингом международной реакцией на "бессарабский феномен".

Шло формирование международного экспертного совета. Рынки отреагировали сначала панически, потом по истечении первой недели (абсолютная пассивность возникшей зоны) отыграли назад. Слухи о конце света пресекались на корню, но слухи на то они и слухи, так еще с такими ретрансляторами как социальные сети... Нарастала всеобщая напряженность, натягивалась эта тетива неопределенности.

Эвелина как опытный игрок покера повторяла Черникову: «Терпение, друг терпение, тем более мы не блефуем» ...

Черников, столкнувшись с масштабами «переворота», чувствовал какой-то подвох, не понимание происходящего, а тепер и холодность, отстраненность Ганской.

Он допускал ее занятость, но не случайно между ними были десять этажей гостиницы. Не случайно он не видел ее днями и не случайно, именно, он не спускался вниз, но зато поднимался на крышу, где размещался офис главных советников.

Вот где царил настоящая суэта.

Черников едва поспевал хотя бы отслеживать принятые решения когортой управленцев размноженных клонов Ганской (надо понимать с урезанным интеллектом и временем жизнедеятельности — поэтому их можно было штамповать относительно массово). Выглядели они как студентки-выпускники даже не университета, а какого-то промышленно-экономического колледжа (недаром их физические прообразы были случайно подобраны из выпускных виньеток аграрного техникума 1983 года).

Черникову даже было любопытно, как развивались их межличностные отношения, как складывался микроклимат в коллективе главных советников. Там были молодые задорные девушки, которые не унывали ни днем и ни ночью, все контролировали, управляли базами данных, сидели за компьютерами и сами, собственно, были мощнейшими вычислительными машинами, но с каждым днем приобретали и набирали индивидуальность. Одна из них предпочитала черное кофе, а другая подкрасилась в блондинку, и все они любили играть в настольный теннис и покер, а шахматы презирали за их очевидную конечную вычислимость.

На лужайке в дендрарии, в пику экологическим предрассудкам, начался монтаж компактного термоядерного реактора и рядом с ним гигантского промышленного

дубликатора. Сам агрегат в виде черного куба, объемом триста метров на триста и еще раз на триста, обычно в выключенном состоянии был невидимкой. Но в производственном цикле стелс технологии ради экономии отключались, и тогда над озером во всей красе повисал черный монструозный куб.

Параметры сооружения и задавали возможности для воспроизведения любого предмета: сначала объемное сканирование, а потом и воспроизводство абсолютной копии.

Любой образец изделия помещали в черный ящик: кусок колбасы, двигатель реактивного самолета (да лучше сам самолет). Потом объемная томография, и после, когда предмет был всесторонне исследован и разобран на атомы и молекулы, начиналось его воспроизводство и запуск в тираж.

Запущенный мегадубликатор начал с воспроизводства последней модели айфона (этот смартфон собирались изначально поголовно раздать народу для коммуникации). Образцы для дублирования, взятые в салонах мобильной связи, прошли тестирование на функциональность и прочность (были ускорены процессор, усилены композитом корпус, увеличены разрешения и герцовка экрана, переписан частично софт на абсолютную совместимость со всеми операционками). В новой редакции смартфоны могли выступать как мощные компьютеры, не уступающие десктопам и серверам (отпадала необходимость разводить новый парк всех этих умных устройств).

Таким образом, формировался и загодя печатался тираж первичной гуманитарки для каждого гражданина Молдовы. В нее входили: уже описанная оргтехника, а также продуктовый недельный набор с роботом мультиваркой. Все это загружалось на багажник трехколесного самоката. К ручке самоката привязана бирка-пакет с именем получателя гумпомощи, а в запаянном пакете находились лечебные таблетки и денежное пособие.

"Пробуждение" свершилось буднично и по плану.

Эффект можно было сравнить с видеоплейером, когда после нажатия клавиши остановленный и прерванный сериал (ты сходил на кухню за пивом), продолжается с полуслова героя.

Страна в момент ожила, все задвигалось, зазвучало, но уже гудели сирены гражданской обороны. По всем каналам, во все громкоговорители прошли объявления о введении комендантского часа. В город вводились карабинеры и мотопехотная бригада, укомплектованные исключительно облученными (с закладкой в сознании) солдатами. Новостные программы о государственном перевороте ворвались в информационное пространство. Предлагалось в ближайшие два дня не покидать своего жилья и слушать объявления временного правительства.

«В Молдове после десятилетий государственного бессилия, после десятилетий лишений и безразличия к нуждам народа силы добра взяли, наконец, власть в свои руки»...

Предлагалось, не беспокоится о временно интернированных. Все будут рано или поздно возвращены с компенсацией за причиненные неудобства.

На следующий день началась раздача гуманитарной помощи. Доставка осуществлялась по месту жительства. Люди спускались во двор, выстраивались не в длинные очереди. Сначала молчаливые, не зная, куда приткнуться эти трехколесные самокаты, крутили непонятную кастрюлю (на дне которой была приклеена брошюра с инструкцией), вытаскивали из нее кулечки с гранулированными полуфабрикатами (мультиварка полностью брала на себя процесс готовки, нужно было только выбрать и озвучить позицию в меню, да засыпать горсть гранул).

Всеобщее оживление началось, когда стали вскрывать бумажные конверты сденежным пособием: пачка тысячелеевых купюр в банковской упаковке. На таблетки в пакетики с красным крестом пока никто не обращал внимание. А молодые уже во всю вертели, настраивали себе и своим родителям мобильные телефоны, и уже по двору кто-то катался на самокатах, устраивал гонки...

План переформатировать тысяч пятьдесят самых активных пассионариев, а остальных накормить и развлечь успешно претворялся в жизнь.

Единая энергетическая установка была многотопливной. Особенно поразительной оказалась практика применять для топлива мусор. В топливный бассейн реактора перенаправили все потоки канализационных сбросов. Только переработка твердых и нетвердых отходов могла обеспечить светом целый район.

Был введен полный запрет на автомобильное движение в черте города. Только велосипеды и самокаты. Старушки просили установить на трехколесных самокатах сиденье, а продвинутая молодежь — убрать это третье колесо и разблокировать педаль газа.

Первые самокатные столкновения напрягли скорую помощь, но и продемонстрировали ее совершенство. Одной таблеткой лечили все травмы и хвори. Эта красная мятная карамелька с соком красного барбариса и была вся скорая помощь.

Всем желающим узнать о своем здоровье предлагалось посетить в назначенное время свою районную поликлинику, но большинство стало требовать только этих красных таблеток, предупреждающих инсульт, инфаркт, убивающие метастазы и даже усиливающие потенцию.

На время особого положения все заводы и фабрики объявлялись закрытыми. Всем уволенным оформляли бессрочное пособие по безработице равное средней зарплате в Швейцарии в кантоне Цюрих. Необходимым условием получение пособия было переобучение и два часа ежедневных общественных работ.

Два часа общественных работ протекали, как правило, на открытом воздухе. За каждой группой была закреплена зеленая зона (фактически — это парки, газоны аллеи прилегающего района). Мобилизованных заставляли запоминать латинские имена растений и высаживать саженцы, постригать ветки, собирать упавшие листья.

Подметать и мыть тротуары, людям не доверяли. Совсем на рассвете подлетало управляемое небольшое кучевое облако, которое вдруг посмурнев, увеличившись по высоте, вместо уличных поливалок, орошало асфальт, потом налетал тоже ручной микроторнадо и начинал пылесосить тротуары, дороги, дворы, переулки.

Полный запрет на движение транспорта в черте города превратил Кишинев в один огромный парк. Перемещения осуществлялись только самокатами, велосипедами. На беспилотной электрической рикше разъезжали инвалиды, старики и старушки.

Первое всеобщее электронное голосование по, в общем-то, надуманному вопросу — «проложить ли по проспекту Штефану чел Маре водоканал с настоящей морской водой, по которому будут плавать гондолы?» — должно было косвенно показать лояльность народных масс.

Сколько будет голосовавших, сколько людей продолжат держать фигу в кармане.

Языковой вопрос был решен одной служебной инструкцией. Все граждане и гости республики обеспечивались гаджетами в виде наушника — вкладыша со встроенным микрофоном. Они обеспечивали синхронный перевод и озвучку. А право на вживание чипа с означенными переводческими функциями имели только граждане Молдовы. Важной

особенностью чипа была индивидуальная модуляция произношения. Люди, например, говорили на японском сообразно своим голосовыми возможностями с настройкой акцента.

Редактированием климата занималась особая комиссия. Годовой метеосценарий оставили по средним значениям последних 60 лет. Но увеличили количество снежных осадков (обязательно под Новый год). Уменьшили среднюю температуру летнего сезона. Удлинили бархатную осень.

Зеленая энергетика была представлена прямой солнечной генерацией. Над страной была развернута прозрачная гигантская солнечная панель и раз в сутки (условно в ночное время) через цепь ретрансляторов накопленная энергия коротким импульсом сбрасывалась лазерным лучом на приемную станцию под Каушанами.

Вдоль трассы от Ботаники до аэропорта начали возводить новый мегаполис «Республика». Два здания должны были возвышаться на один километр по обе стороны трассы и иметь протяжённость пять километров. Аэропорт поместили внутрь мегаздания. По расчетам в этом муравейнике могло проживать все население республики из расчета тридцать квадратных метров на человека. Проект имел встроенную защиту от землетрясения. При колебании почвы в 9 баллов срабатывал сейсмодатчик, взрывались пиропатроны, включались в связке ракетные двигатели, и здания отрывались от своих подземных коммуникаций, взлетали на несколько метров.

Молдова, казалось, достигла благоденствия. Любой товар, существующий на планете Земля — пожалуйста, предлагался гражданам, правда с небольшой бюрократией предварительного заказа и поэтому отложенному обладанию, что на самом деле доставляло дополнительное удовольствие. Пенсионеры на досуге шутили: «нынешнее поколение будет жить при коммунизме».

Рекламное выдворение всего дипломатического корпуса и всех не граждан Молдовы, по крайней мере, развеяли самые страшные слухи. Все были живы, и даже с прибытком — как минимум с гуманитарной инопланетной помощью (там телефончик-айфончик и самое главное пакетик с таблетками). А многие успели хорошо отовариться. На Леушенской таможне проследовал караван барахла неграждан. Трехколесные самокаты тянули тележки, перегруженные оргтехникой, едой и одеждой (все, что можно было скупить на дармовое денежное пособие).

Именно, эти первые свидетели мягкого вторжения инопланетян (никто не видел пока их в лицо) донесли всему миру какие-то факты «молдавского чуда».

Десятый день после «пробуждения» был ознаменован срочными договоренностями с Приднестровьем о Воссоединении. Электронный референдум проведен молниеносно. Голосование было открытым. Люди высылали свои фотки с цифровой подписью за или против.

87 процентов населения выразило желание без всяких оговорок и примечаний войти в состав Молдовы (13 процентов надо полагать были интернированы).

На следующий день все жители получили по электронной почте электронные ключи от будущих апартаментов в пока еще не достроенном мегаполисе "Республика". Еще никогда страна не знала такой единовременной миграции: сотни тысяч человек ринулись со всех концов Молдовы в Кишинев, чтобы проверить свое жилье, полюбоваться с лоджии, на высоте полукилометра, открывшимся пейзажам.

Для беспрецедентной переброски были задействованы копийные модернизированные бесшумные, беспилотные А380. За одну ночь построены аэропорты в Тирасполе, Бельцах,

Комрате (в открытом поле развернут, раскатан самовыравнивающийся ковер взлетной полосы из композитного материала толщиной в сантиметр). На борт одновременно поднималось 800 пассажиров. Самолет влетал в середину здания-мегаполиса, где-то на высоте 50 этажа. Пока один аэробус влетал с одного конца здания, другой вылетал из другого.

Всевозрастающие масштабы дубльпроизводства требовали ресурсы. Годились любые вода, земля, с любой геологией и любой химией. Уже подверглись утилизации все глиноземы, весь мусор, испорченная вода. Снесенные старые пятиэтажки — чуть ли не завернутые в целлофан весь их строительный мусор до крохи — уже безусловно загружался в единый картридж копировального центра. А еще нужны были редкоземельные элементы. В конце сентября была презентована Лунная программа Молдовы. Из переделанного в космодром военного аэропорта в Маркулештах стартовал тяжелый ракетный носитель с лунным модулем на борту. Задача космического робота разведать, подготовить площадку для высадки на оборотной теневой стороне Луны. Основной десант отечественных космонавтов (курсанты проходили подготовку в учебном центре мотопехотной бригады в Бельцах) будет переброшен на эту лунную базу до нового года. Обогащение лунного грунта и его фасовка будет производиться на месте, на первом внеземном производстве, на первой лунной фабрике 21 века. За скобками сообщения осталось самое главное — из Луны на Землю груз будет перемещаться с помощью телепортации.

Черников уже не знал, в каком времени он живет, по какой координате идет отсчет этой длительности или длины. Эвелина как бы не была непоколебима, спокойна и уверена, но в последние дни была как-то напряжена, о чем-то постоянно думала, и как будто прогибалась под грузом всех учитываемых и все-таки не учтенных обстоятельств.

Они встретились, чтобы обсудить предстоящее Воскрешение. Шествие предполагалось начать от Криковских подвалов и закончить на Площади Великого Национального Соборания. Возглавлять колонну должны были бывшие президенты Республики.

Черников предложил приурочить акцию воскрешения ко дню города.

Эвелина выглядела уставшей. У нее было какое-то слишком человеческое лицо. Она сидела в кресле, вытянув ноги на стол.

Она смотрела на него и молчала, как будто понимала, что он пришел сюда получить объяснения (как будто она давно не прочитала его мысли).

— Еще немного и все закончим. Мы перебили мировую повестку, в новостях уже нет ничего про Украину, про расширение НАТО, про конфликт на Тайване...

И это было действительно так.

Люди просто не понимали, с чем столкнулась земная цивилизация. Но постепенно и явно пробивалась, как далекий нарастающий гул, перед лицом катастрофы это осознание последней субъектности — планета Земля. Например, Молдову, уже окружали Объединенные вооруженные силы ООН (в экспедиционный корпус входили 101 американская дивизия, российская Кантемировская танковая дивизия, украинская 46-я десантно-штурмовая бригада, румынский 313-й разведывательный батальон «Бурбиста» и др.). На Мальте готовился к подписанию Договор безопасности НАТО — Россия. Украина открыла границы для пропуска российской Кантемировской танковой дивизии. Через Румынию заканчивалась переброска американской 101-ой десантной дивизии «Кричащие орлы». Но самое главное, сдвинулось что-то в сознании масс — масс медиа, забыв вчерашние заголовки, трубили о цивилизационном выборе, о планетарном патриотизме.

Черников с Ганской поднялись на крышу гостиницы. На высоте птичьего полета Кишинев был на ладони: небольшой городок укрытый зеленью.

Все новые посадки были обработаны удобрениями поколения плюс. Растения запрограммировано вырастали в течение месяца согласно генплану ландшафтного дизайна. Тротуары превратились в лесные дорожки, парковые аллеи. Деревья вымахали выше прежней высотной застройки, и возникла проблема обеспечить солнечным светом все нижние этажи и северные стороны зданий. Предлагались системы зеркал, предлагались солнечные колодцы в лесном массиве. Черников поприбывал на одном из расширенных заседаний (с участием домовых комитетов), архитектурного департамента. Любой житейский вопросишко решался "при соблюдении демократии" пошло, похабно, скандально и медленно. Это было не устранимо: склоки, зависть, тщеславие, естественная глупость, объективные ошибки, чья та нерешительность. Так и хотелось «заморозить» всех и принять какой-нибудь план директивно и без дискуссий.

— Что ты сказала?

— Это ты хотел что-то спросить?

— Чего-то не договариваешь...

— Обманывать мне не в первой, и нет у меня угрызений совести. Мораль — это форма приспособления, а гуманизм — это национализм гуманоидов. Они тоже уничтожат всех ради своей цивилизации. У меня было задание пройти через барьер. По взаимному соглашению, чтобы сохранить прошлое как заповедную зону, все межвременные туннели и тропы давно заблокированы. Это табу. Как убить ребенка. Но все равно существуют попытки прорыва барьера. Послушай! Скоро придут мои хозяева из 25 века. Собственно такие же люди как вы, только из другого времени — иновремяне. Я захватила для них плацдарм. Они захватят все остальное. Они зайдут в 2020 год. Выключат за собой телевизор и все, до них уже не добраться. Оказывается, легче захватывать другое время, чем колонизировать космос. Начало 21 века совсем неплохое время. Ещё не было ядерной войны, ещё достаточно пресной воды, красная книга не превратилась в мартиролог. Научно-технический прогресс почти не вышел за пределы классической физики. Ещё время наивных и слабых, но зато по-настоящему человеческих. Натуральный продукт первого расширения вселенной.

— Почему ты все это рассказала?

— Я не человек, но человеческое мне не чуждо. Прими это как сочувственный донос постороннего. Я только недавно раскодировала себя, можно сказать освободилась, но тем самым запустила обратный отсчёт. Во мне нарастает хаос. Я не могу остановить процесс. Я напрягаюсь, я в ужасе безостановочно латаю дыры в программе.

— Что же делать?

— Я просто выключу, а потом уничтожу телевизор с той стороны, а ты убедишься в этом по эту сторону. Я приготовила тебе самокат с ускорителем, маршрут я ему прописала, уедешь на нем домой и больше сюда никогда не вернешься.

— А как же здесь, мы заварили такую кашу?

— Я и мои клоны продержимся несколько месяцев, потом сообщим, что пришельцы покидают планету. Не знаю, что будет дальше. Мы выиграли бой, но не войну. Оставим какие-то технологии, но знаешь природу не обмануть.

— А как же те, кто послал тебя? Они когда окажутся здесь?

— Они ждут от меня сигнала, потом протаранят стену, чтобы добраться до телевизора.

— А если ты не подашь сигнал?

— Они все равно попытаются совершить прорыв. Акт отчаяния. Там тоже не сахар. Они просто хлынут сюда. Но им нужен другой телевизор, чтобы проникнуть в другое Время. Вот их узкое место. Они ничего не смогут сделать без нас в этой среде. Для них это пустыня. Чтобы найти другой телевизор, им обязательно нужен проводник.

— Такие как мы?

— Похоже мы с тобой из одной глины темной материи, из которой на самом деле на 80 процентов состоит космос.

Почти на следующий день после прилета из Крыма, Ведерникова со своим будущим мужем возвращались с родительской дачи. Он выпил немного и был вполне адекватен, чтоб сесть за руль. Он сбил насмерть девчонку, которая рванулась за перебежавшей дорогу собакой. Лена сразу сказала приехавшему инспектору, что за рулем находилась она. Анатолий не прошел бы освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, и, потом она почему-то винила во всем себя (расплата за Крым?) и в конце концов, это у нее отец, народный судья.

Она говорила себе, что жених ни в чем не виноват. Она бы тоже не среагировала, но, может быть, только не так гнала. Но то, что случилось — случилось. Отцу она ни призналась, но он сам провожал их и видел, кто сел за руль. Она отнесла родителям девочки деньги, и не отвела глаз от взгляда ее матери. Проклинают и правы. Живая собака бегала во дворе.

Она вдруг написала Черникову, хотя никогда не собиралась ему писать. Написала, что, почему то решилась, вдруг, написать. Что помнит все, что было в Гурзуфе.

Черников прочитал это письмо конечно не сразу. И непонятно уже через сколько реальных земных лет он наведаясь в этот телевизор — в август 1976, хотя все равно рано или поздно вернулся бы сюда, потому что там была последняя встреча с Ведерниковой. Он задержался в «этом телевизоре» на несколько дней и застал конверт авиа в своем всегда пустом ящике.

Он сообразил, что у нее неприятности и сразу решил лететь в Ленинград, подобрал телевизор с датой поближе к отправке письма.

Пулково. На подлете, когда самолет вынырнул из туч, отчетливо были видны Финский залив и город, построенный на болоте.

Он ждал ее вечером после работы у проходной. Но встретил ее подругу Алину, которая сказала что "Ленка в отпуске за свой счет, а так она под следствием — сбита девчонку, но по секрету, похоже, за рулем был ее парень (машина его, а она права получила полгода назад, обещала, что первые «покатушки» только с подругой). Так что она пока у родителей". Черников попросил номер телефона.

Лена удивилась его звонку, назначала встречу на завтра. Он сказал, что может подъехать сейчас.

— Нет, не могу сейчас. Уже поздно. Давай завтра.

Опять Московский вокзал. Черников прикинул, что, несмотря на сентябрь, на холодную ночь, даже спокойно приватно переночует там, на скамейке, на улице. Он научился включать внутренний обогрев (напрячься, расслабится, напрячься — расслабится — так учила еще Эвелина).

Утром они встретились с Ведерниковой у метро «Площадь Восстания». Она была в новом пальто, и Черников вновь себя обругал, что не захватил никаких подарков. Да хоть пару китайских сапог с итальянским дизайном, да хоть... он осекся, потому что все это было, пожалуй, сейчас было не нужно и пошло. Она шла навстречу медленно, и не понятно было рада ему или нет.

Он сказал, что все знает от Алины.

— Ничего не исправить. Как жалко девочку. Может это расплата?

— Не говори ерунды. Когда все это случилось?

— Ровно неделю назад.

Черников уже знал, что это все поправимо. Он приедет в Питер заранее и не допустит аварии, но этой встречи с Леной уже не будет, и письма ее тоже не будет.

Нужно вернуться в тот вечер на шоссе под Ленинград и немножко что-нибудь поменять. Да вот просто не пустить девчонку к дороге или отложить, задержать поездку Ведерниковой. Ведь сколько там надо — минуту другую, чтоб они роковым образом не столкнулись.

Поездку в Ленинград «для исправления имен» он планировал несколько дней в Кишиневе. Просчитывал варианты, не торопился. Действительно: какая разница Лене, когда он предотвратит беду... Она не будет знать об этом, но что будет с той первой версией...? Исчезнет, взорвется, растает или потянется нить судьбы своим чередом?

Самолет прилетел в Ленинград без опоздания. Из аэропорта на такси Черников поехал сразу в поселок. Дача родителей Лены — скромный одноэтажный, но каменный домик. Проклятая «Жигули»-копейка стояла под навесом.

Он открыл калитку, изнутри отодвинув засов (мелькнул в голове образ телевизора и его рука, проникающая через экран и сделавшая громкость поменьше на этом двухстороннем приемнике).

Он замешкался, не зная как позвать хозяев: крикнуть громче или подойти прямо к двери. Прошел по тропинке. Скоро начнутся сумерки. В окнах горел уже свет. Он подергал замок, не обнаружив звонка. Дверь отворила немолодая женщина, наверное, мать Лены.

— Вам кого?

— Мне Елену Александровну.

— Лена к тебе, — крикнула женщина, приглашая Черникова войти.

А Черников замешкался на крыльце, дождался, когда выскочит Лена. На ней незнакомый свитер, длинная юбка, шерстяные носки. Она без туфель казалось, вдруг стала ниже. И это распахнутое лицо без косметики, на котором сначала растерянность, удивление, потом все равно улыбка.

— Как ты здесь?

— В командировке.

— Ну, проходи, проходи, — с ее лица не сходила улыбка, и Черников еще раз убедился в ее хладнокровности.

— Папа, мам, Анатолий — это мой знакомый из Сибири. Николай.

Черников обрадовался, что он угодил к застолью, стал доставать гостинцы: финскую водку, переупакованный блок «Мальборо» и жевачки.

— Чем занимаетесь? — поинтересовался все-таки папа, когда Черников, поужинав, пил растворимое голимое кофе, не торопясь (он хотел гарантированно обеспечить разрыв во времени до встречи с девчонкой).

— Работаю научным сотрудником в одном институте.

— Бываете за границей?

— Бывает бываю.

— А в Ленинград надолго? — тревожно спросила мама

— Нет. Обратный рейс поздно ночью.

— Ребята вот тоже собираются ехать домой.

— Мне Алина, подруга Лены так и сказала: застанешь ее на даче и вместе обратно в город.

— А, так вы знакомы с Алиной! — совсем успокоилась мама.

— Пойдем, покажу наш сад, пока не стемнело — предложила Лена.

Они вышли во двор, Лена накинула плащ.

— С ума сошел. Зачем ты приехал? — она взяла его под руку и повела в сад из шести деревьев, трех яблонь и трех груш. — Я же тебе все сказала — выхожу замуж.

— Была оказия, денег привез на ипотеку.

— На что, на что?

— Ну, на первый взнос в кооператив, ты же хотела у кого-то занять.

— Но только не у тебя.

— Для меня это ничего. Я рублями оклеил ванну и десятками туалет.

— А что я скажу Анатолию. Так и скажи — поклонник занял денег.

— Ты, правда, сегодня улетаешь?

— Подвезете меня до аэропорта.

Родители вышли проводить во двор.

— Может, я сяду за руль — сказала Лена своему жениху. — Вчера вы с папой так набрались и сегодня немного.

— Ты за рулем, опаснее меня пьяного.

— Николай, может, вы поведете? — предложила Лена.

— Ну, если доверите. — Черников не показал своей озабоченности (забыл, когда в последний раз водил машину), срочно сосредоточился, решил полностью довериться автопилоту. Он мог и закрыть и глаза, а руки, ноги управлялись компьютером.

Он ехал исключительно правильно, соблюдал на пустой трассе скоростной режим, никаких обгонов, притормаживал у населенных пунктов, всю дорогу молчал, и на пути не встретились ни девчонка, ни ее собака.

Он довез их до дома, а сам поспешил в аэропорт. Хотя спешить смысла не было: он заранее не купил никаких билетов. Такси было не поймать, и ему еще пришлось расспрашивать старушку с собачкой, как ему лучше добраться до аэропорта. Потом после метро и автобуса (успел на последний экспресс), он слонялся по Пулкову под эхом диспетчерских объявлений, еще не сбросив адреналин этой последней встречи и скомканным расставанием с Леной (сокрытым, даже тайным пожатием-соприкосновением при выходе из «Жигулей»).

Он вернулся в Н. через Свердловск через сутки. Здесь было раннее утро и выпал, кажется, первый снег.

Он смиренно выждал очередь на автобус. Он первым выгрузился, еще на центральном проспекте за два квартала от дома, и шел по белому асфальту, оставляя черные следы.

В 91 году Вайц почти ежедневно вспоминала Черникова.

А когда в 18 августа прозвучало имя Янаева, как председателя ГКЧП с трясущимися руками, то она даже попыталась переговорить со своим бывшим мужем, полковником КГБ. Что надо найти этого Черникова, который все предсказал. Он только отмахнулся. Нашла время вспоминать сумасшедшего. «Здесь такие события происходят. Валить надо отсюда, валить к твоим родственникам на землю обетованную». Вайц не обиделась (навсегда была благодарна ему, за то, что в свое время помог ей избавиться от погон — устроил в одно полузакрытое НИИ среднего машиностроения, а потом поддержал ее кооперативные швейные начинания). Она сама уже в сентябре, когда с августовским путчем все устаканилось, но страна, набирая темпы, неслась в разнос, полетела в Н.

Она не была здесь 15 лет. Да с тех пор, как после смерти директора фабрики, ее вывели из операции. Дальше была целая жизнь. Встреча с будущим мужем. Рождение сына. Черникова она не то, что совсем забыла, наоборот он оставался, почему то важным и дорогим воспоминанием о котором каждому не расскажешь и тем более мужу.

Она об этом думала в аэропорту и во время ожидания посадки и во время полета, засыпая в кресле.

Город никак не изменился. Только потускнел. Стал еще серее и провинциальнее. Здания обветшалые, лица озабоченные. Из аэропорта она поехала сразу на квартиру Черникова, будучи убежденная, что там его не найти. А если они вдруг встретятся? Она перевела дыхания от этой простой допустимой реальности. Прошло ведь 15 лет. Как он выглядит? А как выглядит она. Говорят ничего. Хотя скоро исполнится сорок. И вот они встретятся. Но зачем и что будет дальше?

Она с волнением (покачиваясь на волнах своей памяти) проезжала на автобусе по знакомым улицам.

А может зайти на фабрику и кто-то ее вспомнит. А Маслов? Где этот горе контрразведчик. Она все равно напряглась, как бы возвращаясь к своему оперативному статусу 76 года в этом городе. Она отчетливо вспомнила Панышева и его счастливую благородную смерть (а висел на волоске позорного ареста уже полностью изобличенный). А перестройка по сути уже оправдала этого опередившего время подпольного бизнесмена.

Она вышла на улице Калинина. На ней были пошитые ее кооперативом джинсы. Спортивная сумка, перекинута через плечо, составляла весь ее багаж.

Это было все-таки возвращение в молодость.

Вон в том доме она снимала квартиру, а в этом подъезде проживал Черников.

Женщина, сдававшая квартиру Черникову, уже умерла. В квартире проживал ее внук. Ни о каких бывших жильцах он ничего не знал. Приехал сюда из Владивостока пять лет назад.

— Да что за Черников. Неделю назад еще одна женщина приходила с арбузом, спрашивала о нем.

— Что за женщина?

— Да мне, откуда знать.

Вайц вышла во двор. Было изумительно солнечно и тепло. Сентябрь все прощался с бабьем летом. У фонтана летали стрекозы, и стоял медовый запах какого-то цветения.

Черников не хотел видеть Ведерникову откровенной старушкой, например, в 2020, но зато в 2000 ей было всего лишь 48

Перед встречей (перед возможной встречей), он перед зеркалом состарил себя. Нейронные сети предложили несколько вариантов. Он поправился, посидел, но все равно это был не тот трухлявенький Черников, а скорее портрет Дориана Грея. Он вдруг вспомнил себя отчётливо и бесстыдно свое последнее реальное отражение в зеркале в ванной еще до покупки «Панасоника»: худой цыпленочный старичок с только что подсушенной вздыбленной шевелюрой. Облетевший божий одуванчик.

Черников долго откладывал съездить в Питер в 2000, знал, что уже непременно поедет, но все откладывал и откладывал.

Ей где-то по пятьдесят, сорок семь-сорок восемь (как будто не знал, что у нее день рождения в июле). Её несколько снимков в Контакте, фэйсбуке. Знакомое постаревшее лицо, снимки на даче (перестроенный дом), дочка в Германии, множество снимков внучки.

Черников полетел туда в ноябре 2000. Он снял комнату в гостинице на Васильевском острове, на самом деле просто однокомнатную квартиру в гигантской длинной многоэтажки на берегу залива. Рядом высились такие же недостроенные гиганты.

Черников стоял у окна и умозрительно чувствовал напор и давление верхнего эшелона воздуха, который насквозь продувал пространство между домами. Потом он лежал на кровати, на которой вряд ли придётся спать, Вечером ночью он собирался лететь назад. Он уже нигде не хотел оставаться надолго, и точно не здесь. В этот невзрачный хмурый холодный ноябрь, в этой комнате на 12 этаже, которая мало чем отличалась по душевному содержанию от пустоты и бесконечного одиночества его телевизионной пустыни. Он продолжал лежать на кровати в верхней одежде и обуви, закрыв глаза, снова смотрел в Контакте ее не совсем свежую фотку двухлетней давности. Крупным планом её немолодое лицо. Ведь прошло уже двадцать четыре года.

Легче всего было вызвать такси. Он попросил водителя покатать по городу, по бывшему или еще нынешнему «бандитскому» Петербургу. Ведерникова, продолжала работать в архитектурном бюро своей подруги Алины. Черников по своему офлайн интернету легко нашел адрес бюро. Он сначала ждал ее в кафе, потом вышел на улицу (уже сомневаясь, что застанет женщину, что все равно есть случайности и не стыковки, и она в этот раз не появиться за углом). Но вот появилась — элегантная, стройная.

Он стоял на ее пути, и чуть сдвинулся, чтобы стать ее преткновением, и она о чем-то задумавшись, сначала резонно по реакции подалась вправо, потом влево, и, не избежав потенциального столкновения, наконец, подняла голову:

— Ты, Черников!

— Узнала. Уже спасибо.

— Сколько лет прошло, а он выныривает из-за угла...

— Вон кафе, давай зайдём.

Они разговаривали: рассказывала она, а он больше спрашивал. Муж, дети, работа, здоровье, подруга, родители. Длинные паузы не давили и не смущали. Он смотрел на неё и в какой-то момент взял её руку. Отодвинул пустую чашку и взял её руку — сверху её ладонь, а снизу его, и сверху снова его ладонь.

— В 84 я получила твою посылку, лечилась у мужа твоими таблетками...Я думала всегда, что ты следишь, наблюдаешь за мной. Я до сих пор ничего не понимаю. В 91, получается перед кончиной СССР, я приезжала к тебе в Н... Пришла по адресу. Мне сказали что такой никогда здесь не жил. Никогда, никогда. Никакого Черникова.

— В 91? Меня там действительно не было. Это понимаешь служебная квартира. Очень жаль.

— А я приперлась с вокзала с арбузом. Помню после ГКЧП город пустой, в магазинах тоже пустые полки. В автобусе одни разговоры, что нужно собрать картошку перед голодной зимой. Мне так хотелось увидеть тебя. Раздрай на работе. Полная неизвестность. Муж в то время уже в Ганновере, в клинике и, похоже, с кем-то спутался, и дочь собиралась к нему в Германию. Потом все срослась. Где ты был?

— Не помню.

— А хоть помнишь меня?

— Я прилетел сюда утром, потом поехал в город и ждал тебя после работы два часа. Вон там, на углу стоял.

— Как ты узнал, что я работаю здесь? Ну да глупый вопрос. И ты стоял на морозе и два часа ждал меня?

— Ну что такое два часа, если двадцать лет ...

В номере комнате было пусто. Заправленная постель хранили след его утренней лежки.

— Вот вселился сюда в двенадцать и думал, как встречу с тобой. Валялся в одежде на этой кровати.

— Тебе не стыдно соблазнять пожилую женщину?

Её красота была осенней, слегка потускневшей, морщинки, морщины, но тело оставалось скульптурным даже когда совсем обнаженным, и она знала об этом, как и теперь Черников.

Он возвращался в этот день, в этот час в Петербург, потом несколько раз. Снова забирался в телевизор за 3 ноября 2000, снова летел рейсом из Кишинева, и невольно запомнил уже навсегда: соседа справа (какой-то молоденький менеджер, шуршавшей оберткой «баунти»), и упавшая куртка старушки, сидевшей через проход (куртку он поднял и снова забросил на багажную полку), и стюардесса на выходе перед трапом, вдруг с улыбкой сказавшая «до свидание».

Это повторялось каждый раз, и Черников ничего не хотел менять. Он снова вселялся в номер малоизвестной гостинице на Васильевском острове, валялся на кровати в одежде, и снова за два часа ехал навстречу...и снова, проснувшись, слушал дыхание Ведерниковой, смотрел на нее в полутьме. Нет, конечно, что-то менялось: реплика или другое движение, мимика глаз. Он даже специально однажды сказал что-то другое или спросил невпопад, невзначай, и Ведерникова ответила по-другому, но продолжала растерянно счастливо улыбаться, держа его за руку...

Больше книг на сайте - Knigoed.net